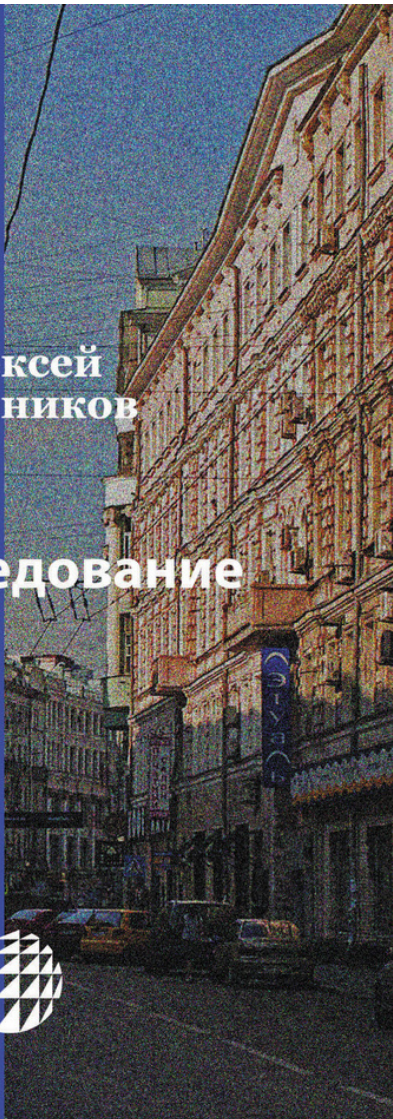

**Алексей
Иванников**

Расследование

Алексей Алексеевич Иванников

Расследование

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128600

Аннотация

«Расследование» является с одной стороны романом походов, с другой стороны – философским романом. Молодой журналист собирается написать биографию актёра Р. – культового персонажа последних десятилетий, некоторое время тому назад умершего, и для этого встречается со всеми, кто знал актёра. Действие происходит в Москве и Подмосковье в 90-е годы. Действие описывается с точки зрения журналиста: молодого, сильного, талантливого, поставившего себе задачу сделать объективную биографию горячо любимого кумира юности, и с высокими моральными мерками берущегося за работу. Происходящие события проще всего описать как попытку героя (журналиста), поставившего себе высокую благородную цель, добиться достижения цели в условиях реального общества 90-х, то есть тех джунглей, в которые превратилась вся страна, и где за каждым деревом или кустом скрываются мерзкие пауки, занимающиеся своими грязными тёмными делами или кого-то жрущие, и бедному журналисту постоянно приходится выпутываться из различных историй, в которые он попадает: всё разлагается и смердит, он у всех путается под ногами, мешая персонажам заниматься грязными делишками, а его попытки

раскопать правду (о реальной жизни актёра, а не придуманной) встречаются всеми в штыки, пока не обнаруживается следующая картина: актёр оказывается одной из «священных коров», трогать которые не рекомендуется, поскольку они назначены верховной властью, и актёр является одной из главных фигур в пантеоне героев и гениев, сменившем пантеон эпохи социализма (Маркс, Энгельс, Ленин и т.д.). В ходе раскопок выясняется, что гений и кумир был негодяем и подонком, хотя и очень умным и способным человеком (так что тезис из «Моцарта и Сальери» насчёт «гения и злодейства» превращается в прямую противоположность). По типу и структуре ближе всего роман будет к следующим образцам: романам Кафки, двум романам Ильфа и Петрова, «Мёртвым душам» Гоголя.

Давно уже, ещё со школьных времён, когда я почти даже и не занимался литературой, у меня засела в голове странная навязчивая идея: почему-то я мечтал написать книгу об Р., великом актёре и мистификаторе, бывшем в прошлые годы одним из ярчайших творцов в своей области, недооценённым при жизни, но зато получившим сполна после ухода в иной мир. Никогда я не сталкивался с ним лично, и ничто не давало явного повода к столь большому интересу: он был, конечно, кумиром нашей молодости, но кроме него оставались и другие, и старый пантеон вмещал не один десяток персонажей и ярких личностей, но тем не менее в отношении к другим я всегда чувствовал себя намного спокойнее, и только Р. вызывал странную непонятную жажду.

Конечно же, я понимал сложность задачи: не имея реально ничего, кроме горячей любви и признательности – не только от себя лично, но от целого поколения – я должен был по крупицам собрать и восстановить истинный образ, реальное лицо гения, давшего так много всем нам; то, что выдавалось за правду, вызывало слишком большие сомнения, подтверждаемые ещё и тем, как по-разному выглядела жизнь Р. в книгах и статьях, собираемых мною уже долгие годы. Самая толстая и обширная биография – шикарно изданная лет десять назад – отдавала желанием сделать из своего героя чуть ли не образец для всеобщего подражания: долгая и трудная жизнь со взлётами и падениями подменялась ровной и возвышающейся дорогой к конечному успе-

ху, к победной вершине, за которой жизнь трагически обрывалась, а семейная биография представлялась как плавный переход от одного брака к другому, чтобы достичь абсолютного счастья опять-таки в конце, на высокой вершине. Конечно же, всё было совсем по-другому, что подтверждали и слухи, ещё бродившие в обществе спустя долгие годы после смерти, и отдельные статьи, подписанные разными именами. В них содержалось безусловно больше правды, хотя и здесь не было окончательной уверенности – уже в полноте информации. Воспоминания о загульной жизни гораздо лучше соответствовали старым сплетням и домыслам, а склонность к алкоголизму – почти затушёванная в первой биографии – намного ярче высвечивалась в более поздних мемуарах, и почти наверняка называлась в них главной причиной ранней смерти. Такой подход вёл к противостоянию, и несколько статей А. – автора первой книги – посвящались как раз разоблачению подобных слухов, что вызывало, конечно, ответные залпы другой стороны, и дикая каша воспоминаний и контрвоспоминаний явно камуфлировала то, что совершалось в реальности. Сторонники другого лагеря не были так слажены, но у них тоже имелся свой предводитель: половина статей подписывалась Б., а содержание и настроение остальных явно сводилось к нему же, и можно было не сомневаться, что дирижирует и заправляет лагерем именно он.

Интриги играли, конечно, существенную роль в борьбе за героя, но меня не устраивало такое положение, я хотел объ-

ективности, но даже в материалах Б. я обнаруживал неясности и просветы, сквозь которые уплывали целые куски и крупницы информации, растворяясь неизвестно где, и даже ему можно было доверять с большой долей осторожности. Официальные документы годились только в качестве основы для будущей работы, всё же остальное следовало добывать самостоятельно: путь оставался единственный – встречи с людьми, знавшими Р. лично, и долгий и трудный поиск равнодействующей всех частных мнений, из которых требовалось слепить единый цельный образ.

Родителей Р. давно не было в живых, и самые надёжные свидетели таким образом сразу отпадали, оставляя своё место другим людям, менее значительным и интересным: живы были первая и последняя жёны кумира, и многочисленные друзья, некоторые из которых стали тоже достаточно известны. Кто-то из них работал вместе с Р. долгие годы, снимаясь в одних и тех же фильмах или играя на сцене рядом, другие же просто являлись его друзьями и собутыльниками, весело проводившими свободное время. Особенно ясно это было по материалам Б., где даже выделялся узкий круг самых верных и преданных, от чьего имени как бы и растекался поток информации, забивая всё свободное пространство. Это был ответ на раннюю необъективную биографию, с автором которой велась беспощадная борьба за моральное наследие, причём – насколько можно было понять – критика и публициста А. поддерживала последняя жена кумира, а на сторо-

не Б. выступали самая первая супруга и подавляющее большинство прежних друзей и приятелей.

Цель казалась ясной, но мне нужна была свобода от обычной будничной работы в газете, отнимавшей так много сил; кроме того отрывки из будущей книги вполне могли подойти газете, и не стоило пренебрегать покровительством главного редактора во время будущих испытаний, связанных с пристраиванием книги в издательстве. Я не сомневался в его возможностях, и когда идея и план были продуманы и более-менее отработаны, я записался на приём по личному вопросу: так казалось правильнее и логичнее.

Главный выглядел благодушно, он мирно попивал чаёк и ласково смотрел на меня – будущую надежду журналистики и его личную в частности – возможно, он думал, что я пришёл по поводу квартирного вопроса, что могло быть вполне естественно и объяснимо, ведь я отработал в редакции почти два года, получая одни благодарности и поощрения, и кому как не ему было лучше знать моё положение. Но сейчас он не угадал, и я с удовольствием наблюдал, как уходит его спокойствие и появляется другое – озабоченность и интерес: «Юрий Михайлович, вы, видимо, решили, что я пришёл по поводу квартиры – но это не так. Я не стану долго объяснять и растекаться по древу: я хочу написать книгу, и книгу биографическую – может быть, для вас это странно и неожиданно – но для меня имеет большое значение – и надо же когда-то приниматься за большую вещь? Вы ведь знаете

– Р. был кумиром нашей молодости – да и для вас он тоже не пустой звук, и насколько я понимаю, как главного редактора вас тоже могла бы заинтересовать такая публикация – хотя бы отрывков, я не говорю о всей книге. Так что вы могли бы очень серьёзно помочь: у меня скоро отпуск, а перед ним я мог бы оформить творческую командировку – на месячишко – и за пару месяцев я собрал бы материал и ещё через полгодика – представил работу.» – Старик был немного растерян, не такого он ожидал от меня, и внешние изменения на его лице не сразу получили словесную поддержку. Он немного покряхтел, пристально глядя на меня, и потом только начал выцеживать, не спеша и осторожно: «Ну что же, идея интересная, но... что вы будете делать? Нет, я не сомневаюсь в ваших способностях как человека, обрабатывающего информацию, но где вы собираетесь её добывать? Это ведь не так всё просто, это не то же, что подойти к любому прохожему и вывернуть его наизнанку, да и почему вы думаете, что получите всё, что надо?» Здесь уже я вступил основательно и серьёзно: я вывалил на него всю свою жажду, и непонятную тревогу, и готовность работать хоть сутки напролёт, подкреплённую большим разросшимся архивом, в котором давно хранились адреса и телефоны самых близких Р. людей, и сама идея, такая далёкая и сложная, стала намного проще и доступнее, и уже не надо было ничего особого делать для меня, а требовалось самое минимальное: дать мне месяц свободы. – «Я вижу, вы хорошо подготовились.» – Он

ещё думал и собирался с мыслями. – «А с заводелом вы договорились?» – Я коротко кивнул: всё давно было подготовлено, и не случайно последние несколько месяцев я работал за двоих, расчищая себе дорогу. – «Ну что же, наших лучших сотрудников надо поощрять, тем более если их заботы связаны не с личными интересами, – он весело подмигнул, – а с профессиональным ростом. Давайте заявление.» – Я быстро открыл папку, и он ловко нацарапал что-то внизу листа. – «Вы будете куда-то уезжать?» – «Нет, только Москва и область, совсем близко.» – «Хорошо, отнесите это в кассу, получите командировочные.» – Он наконец отдал мне заявление и бланки для оформления командировок. – «Желаю успеха. Попробуйте.» – Он всё-таки сказал то, на что я надеялся, рассчитывая использовать его возможности и связи при пропихивании или пристраивании книги в каком-нибудь издательстве: начало было положено, и требовалось не подвести и не испортить такую сильную и свежую идею, и я с благодарностью попрощался и пошёл дальше оформлять документы.

Кассир сидел на месте, и в ближайший час дело было завершено и я получил долгожданное: теперь надо мной ничего больше не висело, и я мог полностью сосредоточиться на замысле, дорогом и близком. Список с адресами и телефонами ждал меня дома, и не хотелось терять напрасно хотя бы один день – их было не так уж много в запасе – и после возвращения в квартиру – сейчас и на ближайшие дни пу-

стю – я достал список и набрал номер того, кто мне казался наиболее компетентным и сведущим в данной области. Рабочий телефон Б. я знал давно: фактически он являлся моим коллегой, работая в редакции известного журнала, и хотя мы ни разу не пересекались, я не сомневался, что этот контакт мне удастся установить без всякого труда.

Долго – почти минуту – к телефону никто не подходил, я уже начинал терять терпение, когда наконец трубку подняли и женский голосок пропищал что-то жалобное. и мне долго пришлось просить и уговаривать, чтобы позвали вечно занятого Б. Довольно долго трубка лежала без дела, иногда там что-то шуршало и перекатывалось, но наконец близко протопали шаги и трубка сдвинулась с места и возник осторожный тихий голос: «Да? я вас слушаю.» – «Михаил Семёнович, здравствуйте, вы меня не знаете, но мы с вами коллеги, и у меня к вам большая, огромная просьба. Речь идёт о Р.» – Он молчал. – «Я хорошо знаю о вашем интересе к Р. и давно читаю и собираю всё, что издаётся на эту тему, и прежде всего то, что печатаете вы лично. Мне хотелось бы встретиться с вами, вы не могли бы выделить мне немного времени, я, конечно, понимаю, что такой человек не может не быть вечно занятым, но для меня это, можно сказать, вопрос жизни и смерти.» – Я говорил убедительно и красноречиво, не слишком углубляясь в детали и подробности – зачем мне это нужно – но выглядело всё достаточно понятно: он был специалистом по Р., одним из немногих, кто знал досконально его

жизнь и творчество, а мне зачем-то срочно требовалось его знание, и красивые уходы вглубь проблемы и отступления в сторону не могли не подействовать на него, и когда я выдохся, он медленно пробурчал: «Ну хорошо, убедили. Сегодня у нас что – четверг? Давайте завтра, в три часа, у подъезда редакции – знаете где это? И кстати, как вас зовут? Много чего вы мне тут наворотили, но об этом – молчок. И как я вас найду?» – Уже спокойнее и не так торопливо я объяснил ему: как меня зовут, как я выгляжу и где работаю, что произвело также некоторое впечатление, и можно было не сомневаться, что это поднимет мою ценность в его глазах, и возможная помощь будет оказана с большей охотой. – «Так что завтра в три часа.» – Я вежливо простился, и он тоже не стал задерживать меня, оставив наедине с невнятными планами и надеждами, которым было ещё слишком далеко до воплощения, и требовалось сделать первый шаг, слишком многое определявший, и четверть шага я уже сделал.

Судя по голосу и журнальным статьям, Михаилу Семёновичу было чуть больше пятидесяти: являясь почти ровесником Р., он когда-то одним из первых брал интервью у молодого начинающего актёра, оказавшись под влиянием только раскрывающегося гения и самобытной личности. Мне не казалось удивительным такое: даже в ранних работах видна была самостоятельность, абсолютное отсутствие шаблонов и образцов для подражания, которые у начинающих актёров обычно стоят перед глазами и затмевают изначальное,

присущее только им; у Р. не было ученичества в привычном понимании, он как бы прорастал из редкого, ни на что не похожего семени, становясь с каждым годом крепче и сильнее, хотя и срываясь время от времени в длительные запои и сомнительные похождения, не способствовавшие общему подъёму. Что было здесь повинно – нездоровая наследственность или бывшие дружки – лично я не знал, хотя гораздо большее количество вопросов возникало у меня по поводу родителей Р. и его корней. Родословная почти не освещалась в газетных статьях, хотя я не сомневался в наличии нужных сведений: единственным общедоступным источником оставалась книга А., не вызывавшая у меня особого доверия, и без необходимости мне не хотелось трогать её автора, занимавшего – насколько мне было известно – слишком заметное место в нынешней социальной иерархии.

У входа в редакцию я стоял за полчаса до срока, пристально разглядывая входящих и выходящих через крутящиеся прозрачные двери, так что кто-то принял меня за посетителя, которому было назначено и которого ждали, но Михаила Семёновича я узнал сразу. Он был чуть ниже меня, и мои предположения по поводу возраста полностью подтвердились: он выглядел ещё нестарым, и судя по не слишком шикарному костюму, ненамного превосходил меня по положению на общественной лестнице, и с ним можно было вести себя достаточно свободно. «Это вы ждёте меня?» – Я кивнул и ещё раз представился, уже почти официально. – «У вас

есть час?» – «Допустим, да.» – «Раз уж я вам навязался, то давайте пойдём в кафе. Вы не возражаете? Я видел тут неподалёку.» – Он кивнул, и мы не спеша перешли неширокую улицу и спустились в подвальчик, снабжённый большой свещающейся вывеской и почти пустой в этот дневной час.

Я заказал кофе с пирожками – после отклонения коньяка – и мы забрались в самый дальний от стойки угол, где не было сейчас никого, кто помешал бы беседе. Надо было взбодрить Б., и я не особенно спеша смотрел, как он отхлёбывает из дымящейся чашки, постукивая пальцами левой руки по портфелю, лежащему рядом на столе. Кофе скоро кончился, и я предложил ему собственную чашку, из которой он выхлебал примерно половину, закусывая один из последних пирожков с повидлом, и наконец уставился на меня. – «Так что вы хотели узнать? И учтите, у меня не очень много времени.» – Я не хотел раскрывать всё сразу – это казалось неразумно – и неизвестно, как он отнёсся бы к желанию постороннего человека влезть в ту сферу, которую он мог считать своей собственностью. Выгоднее было выступать от имени газеты, и под видом выполнения редакционного задания получить как можно больше телефонов и адресов: начинать следовало со школы и учителей, и продолжить друзьями и приятелями – слишком слабо представленными в моём архиве – и обязательно надо было максимально расширить этот список. – «Видите ли, в чём дело, мы готовим... я готовлю серию статей об известных актёрах, художниках и так

далее – кумирах нашей молодости. Естественно, Р. – один из первых, и мне хотелось бы побольше узнать о нём, причём – должен вас предупредить – меня интересует самая подробная информация, и, кроме того, я читал почти всё, что выходило о нём – включая прежде всего ваши статьи. Хотя не только ваши, и не только статьи.» – Он с интересом смотрел на меня. – «Я имею в виду книгу А.» – «Этого мошенника?» – «Почему мошенника? хотя по существу я с вами согласен, и если сравнивать содержание книг и многих статей – прежде всего написанных вами – то книга, действительно, производит странное впечатление.» – «Жуткое, мерзкое впечатление!» – «Я с вами полностью согласен, и хотел бы сам во всём разобраться: я хочу собрать свидетельства близких и родных для Р. людей, чтобы самому всё сопоставить и сделать выводы; я не сомневаюсь в вашей правоте, но задание есть задание.» – «А почему вы не хотите заказать статью о Р. специалисту?» – Естественно, он имел в виду себя, и надо было аккуратно – не обидев его – обойти вопрос. – «Видите ли, это для меня очень серьёзное задание, определяющее, можно сказать, мою судьбу, и если бы от него ничего не зависело, я с удовольствием перепоручил его вам лично. Или – во всяком случае – сделал бы всё, чтобы убедить шефа.» – «В таком случае, насколько я понимаю, вы хотите получить от меня адреса и телефоны.» – Он стал похожим на обиженного ребёнка, которому не дали того, что обязаны были дать; но вряд ли кто-то другой мог оказать мне такую же помощь,

а на А. – второго такого же специалиста – я почти не рассчитывал: он вознёсся слишком высоко, и, самое главное, если явная и неприкрытая ложь пропитывала всю его книгу, то сложно было надеяться, что он поможет человеку, могущему разоблачить его. – «Я, конечно, не могу судить о вашей квалификации как журналиста – я никогда не читал ваших статей – но, молодой человек, я боюсь, вы взяли за непосильную задачу. Нет, вполне возможно – вы справитесь, и справитесь хорошо, но чего вам это будет стоить.» – В его интонации появилось непонятное, можно было подумать, что он меня о чём-то предупреждает или от чего-то предостерегает. – «Когда-то я тоже был таким же шустрым и самоуверенным – поверьте уж мне – и жил только работой: но где теперь всё, где теперь... Ладно, вы предлагали коньяк – закажите уж.» – Новый поворот стал неожиданным, но – судя по всему – он предвещал успех, и я быстренько подозвал официанта и заказал коньяк и кофе. Пока выполнялся заказ, Б. сосредоточенно молчал, видимо, собираясь с мыслями; потом он отхлебнул из рюмки, запил из чашки и понёсся дальше. – «А вы не знаете, что за человек был Р.? Между нами – бабник, плохой отец и муж, но какой актёр! Чтобы понять его – что не всякому дано – надо знать его в работе: на сцене, в кино – а что вам даст его личная жизнь? Скандалы, пьянки, разводы – и вы хотите всё это описать и преподнести в качестве подарка к юбилею или уж не знаю к чему там – вы этого хотите?» – «Но не всё же так беспросветно?..» – «А знаете ли вы, как

там, – он ткнул пальцем вверх, – посмотрят на ваше копание, и если вы, не дай бог, доберётесь до...» – Неожиданно он замолчал и быстро захолопал глазами, как бы приходя в себя и даже осматриваясь по сторонам: не слышит ли его кто-то посторонний. Но вокруг никого не было, официант крутился в другом конце зала, а бармен у стойки слушал музыку, и вряд ли мог разобрать его слова. – «Вы знаете, как хотите, но его друзей я вам не дам. Первая жена – ладно, пускай, но больше вы меня не просите.» – «А школа? Хотя бы номер.» – «Номер? Хорошо.» – Он допил коньяк и полез в портфель и долго копался там, пока не выудил старую замызганную записную книжку. – «Не подсматривайте.» – Он заметил мой взгляд и попробовал даже закрыться портфелем, но я быстро пересел на соседний стул, подальше от него, и приготовился записывать, показательно делая вид, что его тайны меня не интересуют. После быстрого перелистывания он обнаружил наконец нужное место и сухо и отрывисто продиктовал – я еле успевал за ним – и пока он складывал вещи обратно в портфель, я дописал и поправил то, что выглядело в блокноте нечётко и могло вызвать путаницу. – «Ну что же, прощайте. Я не желаю вам успеха: вряд ли вы чего-то добьётесь, и возможно, ещё вспомните, что я вам говорил.» – Он выбрался из-за стола и быстро зашагал к выходу, а я остался додумывать и анализировать его скрытое предупреждение, почти угрозу, которая почему-то так явно накладывалась на слова главного редактора и предвещала одни только трудности, и

неизвестно было, удастся ли мне их одолеть, потому что основной козырь оказался уже использован, и не принёс мне и половины того, на что я мог и должен был рассчитывать.

Но на следующий день я уже находился в школе, которую кончал кумир нашей молодости. Я специально подъехал к двенадцати, когда учёба продолжалась, и педагоги ещё не должны были разойтись по домам. Здание – из красного прочного кирпича – стояло в тихой части города в компании таких же старых кирпичных домов, не очень далеко от бывшей квартиры родителей Р. Я остановился и долго изучал вывеску: буквы под стеклом сообщали, что здесь не просто какая-то школа, нет, это было нечто специально-экспериментальное, с углублённым изучением под чьим-то высоким патронажем, так что даже неловко казалось отвлекать серьёзных людей от их дел. Но выхода не оставалось, и я открыл наконец двери на толстой железной пружине и прошёл в вестибюль, почти пустой, несмотря на середину дня.

Направо виднелась дверь в столовую, где что-то булькало и стучало, прямо шёл длинный коридор, кончавшийся вдалеке большим зарешеченным окном, а мне нужно было налево, мимо раздевалки, рядом с которой сидели и стояли школьники. Особого плана я составить не успел, главным было – как я представлял себе – найти директора, чтобы выйти через него уже на людей, знавших Р. раньше. Я вежливо спросил, где находится кабинет директора, мне несмело ответили, одновременно, похоже, пытаюсь понять, кто я такой

и не исходит ли для них отсюда неясная опасность, и я пошёл на второй этаж, ощущая спиной всё ещё боязливые взгляды.

Кабинет находился в дальнем конце коридора, сразу за учительской, в которой беседовали две молодые женщины – видимо, учительницы, отдохавшие в перерыве между занятиями – но как только я вошёл, они повернулись ко мне лицом, и мне не оставалось ничего другого, как спросить, могу ли я видеть директора. Сразу же они вскочили, и одна из них – постарше – как бы вынужденно, против желания – улыбнулась, и ответила, что меня не ждали так быстро. «А почему меня должны были ждать?» – Я ничего не понимал. – «А вы разве не из департамента?..» – «Нет, я по личному делу.» – Они сразу успокоились, и старшая из учительниц объяснила мне, что у директора – Маргариты Семёновны – сейчас урок, но минут через двадцать она освободится, а пока я могу посидеть вместе с ними. Они не были слишком любопытными, и когда я сел у окна, они снова уединились, и уже тихо продолжали разговор: старшая рассказывала, а собеседница время от времени переспрашивала и иногда смеялась, и тогда старшая присоединялась к ней и мелко подхихикивала. Кажется, они обсуждали общую знакомую, перемывая ей косточки, а я стал им совершенно безразличен. Скорее всего их стаж работы не превышал и пяти лет: они выглядели чуть постарше меня, и, естественно, не могли иметь никакого отношения к тому, что меня интересовало. Та, что помоложе, казалась красивее, хотя и не отличалась тоже особыми каче-

ствами, и я время от времени переводил взгляд со стендов в дальний угол, где они продолжали трепотню, не очень заботясь о том, какое впечатление это произведёт на постороннего человека. Им явно было наплевать, и наконец мне стало обидно, ещё некоторое время я сдерживал себя, но потом встал и пошёл к замолчавшим и снова обернувшимся ко мне и насторожившимся жрицам культуры. «Знаете, я собственно вот по какому делу. Вы, видимо, слышали, что Р. кончал вашу школу?» – «Это кто, актёр?» – «Естественно.» – «Так вот, я журналист и писатель, и собираю информацию о нём.» – Я решил быть откровеннее, чем при первой встрече: в конце концов педагогам не имело смысла бояться и что-то скрывать, и можно было рассчитывать на более доверительные отношения. Они переглянулись, и старшая наморщила лоб, пытаясь припомнить что-то важное для меня, и наконец нужная идея выплыла из глубоких тайников памяти. «Но тогда вам нужна Елена Сергеевна – завуч. Она работает давно, и кто-то тут приходил и спрашивал про Р. – так он беседовал с завучем. А директор – моложе, и пришла из другой школы, она вряд ли поможет.» – Молодая согласно закивала, и обе наперебой заговорили о том, когда и где я могу найти завуча. – «Но сегодня же комиссия из района...» – Старшая вспомнила о неприятном судя по всему моменте, и молодая тоже приуныла, они вскочили на ноги и засуетились вокруг столов, ставя стулья аккуратно у стен ровными шеренгами и складывая в стопки журналы и какие-то тетради, разбро-

санные в беспорядке. Я решил помочь им и занялся стульями. – «Так где я могу найти завуча?» – «Если наверняка – то придётся вам ждать её здесь. Но вообще у неё сейчас тоже урок, и, по-моему, следующий – тоже.» – Старшая учительница, как бы взявшая на себя переговоры, подошла к стенду и ткнула пальцем. – «Всё правильно, органическая химия у десятого класса. Так что придётся вам её подождать. Но на перемене она должна зайти сюда – за журналом.» – Мы наконец разобрались с мебелью, и я сел уже недалеко от них. – «А больше вы не знаете никого, кто мог бы мне помочь?» – Старшая нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить, а вторая с интересом разглядывала меня. Безусловно, это стало следствием того, что я раскрыл свои намерения и выдал себя: возможно, ей было интересно пообщаться с писателем, и во всяком случае моё положение здесь явно изменилось к лучшему. Долго мы смотрели друг на друга, наши взгляды иногда скрещивались и пересекались, выдавая что-то вроде взаимного интереса, пока старшая неожиданно не встрепенулась. – «Был, был один учитель, он даже вроде был классным руководителем у Р., хотя может я и путаю. Но сейчас он на пенсии.» – Я сразу прекратил разглядывание и перевёл внимание на старшую учительницу. – «Вы это точно знаете?» – «Да.» – «А адрес, вы не могли бы найти адрес?» – «Откуда? Я проработала с ним только год – сразу после института – и почти не общалась. Может быть – Татьяна Сергеевна вам поможет. Она тоже очень давно в школе, и по-моему, у них что-

то было такое... у Татьяны Сергеевны и... учителя, не помню уже, как его звали.» – «А где можно найти Татьяну Сергеевну?» – «Она ведёт английский в старших классах, сейчас посмотрим.» – Старшая снова обратилась к доске, на которой долго искала нужное место, шевеля от усердия губами и перемещая палец по вертикали и горизонтали, и двигаясь иногда даже под углом, пока радостно не крикнула. – «Вот она! Считайте, что вам повезло: сейчас у неё как раз кончается занятие, а следующий час свободен.» – «И где же у неё урок?» – «На четвёртом этаже, сорок пятый кабинет.» – Я задумался: проще было сначала заняться вновь открывшейся кандидатурой, и только потом уже имело смысл обратиться к завучу. Я встал. – «Очень вам благодарен. Я ещё вернусь, так что пока не прощаюсь.» – Круто развернувшись, я проигнорировал ищущий тёплый взгляд, что-то обещающий, но отвлекающий от главного: от дела, ради которого мне пришлось забыть все другие долги и обязательства, чтобы уйти на несколько месяцев в густую глубокую тень, в которой только и можно было выполнить мою большую и нелёгкую задачу.

Звонок на перемену прозвенел, когда я добрался до четвёртого этажа, пока ещё пустого. За нужной мне дверью стоял шум, кто-то кричал и заливался смехом, и я был немного шокирован, когда увидел открывающиеся двери и выбегающих старшеклассников. Двое высоких преследовали маленького и толстенького, шлёпая портфелями и стараясь попасть

ему по голове, но голову как самое ценное жертва защищала дипломатом, и доставалось в-основном другим частям тела. Толстяк бежал достаточно шустро, но охотники всё равно не отставали, и он мужественно сносил особо болезненные удары, иногда выкрикивая что-то обидное и неприятное, задевающее преследователей. Они наконец исчезли на лестнице, а из комнаты выходили остальные – цветущие девушки вперемешку с высокими ребятами – и наконец в самом конце, когда поток чуть прервался, в дверях показалась маленькая старушка. Под мышкой она тащила плотную пачку тетрадей и книг, что было ей явно сложновато; когда я сделал шаг навстречу, она заметно испугалась и остановилась, настороженно глядя снизу вверх. – «Давайте, я вам помогу. Вы идёте в учительскую?» – «Да. А вы кто такой? И что вам надо?..» – «Видите ли, я по одному личному делу, и мне сказали, что вы можете помочь. Вы ведь Татьяна Сергеевна?» – Она сунула мне пачку и не спеша двинулась вперёд. Говорить стало сложно, потому что за спиной и по ходу движения стали открываться двери, и оравы визжащих школьников, видимо, самых младших классов, начали заполнять коридор.

Только на лестнице стало немного спокойнее, беготня и игры проходили в-основном в коридоре, и мало кто решался выскакивать туда, где было опасно, и только на подоконниках сидели и болтали несколько старшеклассников. – «Ну у вас и обстановочка...» – «А что вы хотите? Кто в состоянии с ними справиться? Скоро ведь каникулы.» – «Насколь-

ко я помню, в моей школе, когда я её кончал, не было ничего подобного.» – «Когда это было?» – Она быстро повернулась и посмотрела мне в лицо. – «Лет десять назад здесь тоже не было ничего, а вот теперь появилось. Так вы по какому делу?» – «Видите ли, я журналист и писатель, и собираю материалы про Р. Мне сказали, что вы знакомы с бывшим классным руководителем Р., и, может быть, вы даже сами его знали?..» – «Кто же вам такое сказал?» – «В учительской. А что, это неверно?..» – «Нет, вам сказали правду.» – Она сразу стала строже. Мы спустились уже до второго этажа и шли по коридору. – «Спасибо за помощь. Давайте сюда тетради.» – Теперь она говорила сухо, и перемена не обещала ничего благоприятного ни мне, ни двум молодым учительницам, выдавшим её старую тайну, что она хорошо поняла, и неслась теперь к кабинету, возможно, с не самыми добрыми намерениями.

Кроме двух молодых учительниц в кабинете находилась ещё одна женщина – явно постарше, и когда старушка влетела в открытые двери и уронила стопку тетрадей и книг на ближайший стол, она набросилась на женщину постарше, не ожидавшую ничего подобного. Она называла её старой сплетницей и воровкой, доставая из памяти какие-то её, видимо, давно забытые ошибки и погрешности, пока минуты через две не остановилась, позволив изумлённой невинной жертве вставить наконец вопрос. – «Что с вами, Тамара Сергеевна? Я вас не понимаю.» – Разошедшаяся старушка стран-

но посмотрела на женщину, потом обернулась ко мне, и потом уже только обратила внимание на молодых учительниц, тихо сидевших в углу. Основной натиск прошёл, и вела она себя не так активно. – «Так это вы распространяете старые сплетни? Это из-за вас мне приходится терпеть унижения, как будто всё давно не кончено, а сами, небось, тоже небезгрешны, знаю я вас.» – «Да как вы можете, – старшая начала медленно подниматься, – при чём здесь мы вообще: мы всего лишь помогли человеку, а вы, Татьяна Сергеевна, уже закатываете скандал, как будто здесь произошло не бог весть что такое.» – «И бросаетесь на людей ни за что ни про что, – вылезла напрасно пострадавшая, – как собака бешеная.» – «Это я собака?! Тогда вы... ты... ехидна беззубая!» – Скандал переходил в новую стадию, с обоюдными обвинениями и выпадами, за которыми могла начаться потасовка с членовредительством, и я наконец решил вмешаться. – «Женщины, женщины, прошу вас, пожалуйста, не надо продолжать. Из-за такой мелочи устраивать выяснение отношений – совершенно несерьёзно, я ведь всего лишь хотел узнать адрес учителя, и что такого необычного и оскорбительного в моей просьбе, из-за чего вы подняли весь шум? Прошу вас – успокойтесь, а потом вы дадите мне адрес, и я уйду и не буду больше напоминать о том, о чём вам так неприятно думать.» – Это произвело на них впечатление, и не сразу, но они всё-таки стали успокаиваться, глядя друг на друга исподлобья, но больше не выражая свои мысли вслух. Они дол-

го молчали, перекладывая журналы и тетради на столах или просто разбрасывая вокруг суровые строгие взгляды, пока старушка наконец не очнулась. – «Хорошо. Но пусть они выйдут.» – Я сразу бросился к молодым учительницам, почти шёпотом уговаривая их согласиться и не возобновлять выяснение отношений, совершенно ненужное и напрасное, и они не стали сопротивляться и тихо покинули кабинет. Но намного сложнее оказалось дело с третьей учительницей, постарше: она явно давно враждовала со старушкой, и лишняя порция оскорблений, которая перепала ей совершенно напрасно, оставалась заметным раздражителем, и только упоминание газеты, от чьего имени я как бы пришёл в школу, произвело наконец впечатление, и она вышла за дверь.

«Ну зачем вы так, Татьяна Сергеевна?..» – «Как же – нужен он мне, забудыга старый, пьяница опустившийся, так бы и пристукнула...» – Она подняла маленькие кулачки и помахала в воздухе. – «Ладно, пишите.» – Я быстро достал блокнот и ручку и торопливо стал заносить то, что она диктовала. – «Только не рассказывайте ему, что здесь было.» – Я твёрдо пообещал. – «Вы уж извините меня, Татьяна Сергеевна, что я вызвал такие неприятные воспоминания, так уж получилось.» – Я разливался бы и дальше, внутренне сочувствуя случайно обиженной старой женщине, но неожиданно резко открылись двери и в учительскую зашли сразу несколько человек: сначала две женщины, уже немолодые и достаточно нарядно выглядящие, потом красивый мужчина

с усиками и ещё одна женщина, старше их всех. Первые двое были, судя по всему, директор с завучем, а по виду оставшихся сложно было понять: кто они? – но почти наверняка они не представляли для моей работы какой-то пусть минимальной ценности, и знакомством с ними я собирался пренебречь. Пока они заходили и осматривались, старая учительница прошла вдоль стенки и осторожно выскользнула из кабинета, оставив меня наедине с гостями. Одна из женщин достала ключ и стала открывать дверь в глубине кабинета, где висела табличка «директор», а вторая недолго присматривалась ко мне, и наконец подошла ближе. – «Это вы пришли по делу? Мне тут сказали...» – «Да, я насчёт Р. А вы – завуч?..» – «Да. Что вы хотели конкретно?» – «Видите ли, я собираю материалы об Р., максимально достоверные и желательны полные. Школа, естественно, то место, которое нельзя ни в коем случае обойти, ведь здесь он формировался, рос у всех, можно сказать, на глазах, и поскольку его родителей уже нет в живых, то совершенно логично, что начинать надо со школы.» – «Хорошо. Но сейчас у нас комиссия из района, – она скосила глаза на двоих оставшихся не при деле, – и придётся вам подождать... А вообще-то знаете что, – она чуть задумалась, – присоединяйтесь к нам. Мы вас тоже используем.» – Я не очень хорошо понял, что она собиралась использовать и в каком качестве, но общее предложение выглядело благоприятно и давало мне хорошие шансы на успех.

Директор наконец открыла кабинет, и двое членов комиссии зашли вслед за нею. Мы остались вдвоём, и завуч подошла к двери в коридор и пару раз повернула собачку, закрываясь изнутри. – «Это зачем?» – «Чтобы не мешали. Знаете что, вы пока побудьте тут, а если кто-нибудь постучится и скажет, что из комиссии, вы ему откроете – хорошо?» – «Ладно.» – «Но только из комиссии.» – Я был немного удивлён таинственностью, но выполнение такой незначительной просьбы вело меня к достижению цели, и почему было не выполнить её? Я встал у двери, а завуч прошла в кабинет директора, где шла негромкая беседа, и закрыла за собой дверь. Беседа стала громче, но я всё равно ничего не мог разобрать, да и не хотелось подслушивать чужой безразличный мне разговор. Я подошёл к стене, где под портретами знакомых и неизвестных мне деятелей висело две огромные доски: на одной оказался прилеплен огромный лист ватмана с расписанием занятий педагогов, по которому совсем недавно учительница давала мне советы; судя по обозначениям, в школе работали три кандидата наук, один заслуженный учитель и ещё многочисленные педагоги с какими-то странными и непонятными титулами и обозначениями. Ясно было, что в обычной школе не могло появиться такого созвездия, и то, что Р. кончал именно эту школу, выглядело совершенно естественно и оправданно: он принадлежал к будущей элите, и кому как не могучему рассаднику мудрости и знаний было выпускать в жизнь мощные и самобытные характеры и

таланты.

Вторая доска оказалась увешана мелкими бумажками и страницами чуть побольше: на них были напечатаны и написаны от руки объявления и приказы, имевшие значение в-основном для учителей, с поздравлениями или реже объявлением выговоров и замечаний, но для школьников здесь тоже имелась кое-какая нужная информация: сообщалось о штрафе, наложенном на двоих семиклассников за разбитое в туалете стекло, а команда шахматистов младших классов поздравлялась со вторым местом на городской олимпиаде, и кто-то из них за выдающийся результат отмечался особо; как всё это напоминало мою школу: и можно было позавидовать всем, кто здесь учился.

Я стоял у доски и рассматривал помещённые на ней материалы, и не сразу осознал, что в дверь стучат. Стук был вежливый, но настойчивый: голоса в кабинете директора выжидательно замолчали, и мне пришлось вспомнить о просьбе: дверь в кабинет директора приоткрылась и в просвете показалась голова завуча, и я быстро подбежал к двери в коридор. – «Кто там?» – За дверью неприятно сопели. – «Вы, случайно, не из комиссии?» – «Да.» – Голос принадлежал мужчине, и можно было подумать, что человек только что занимался бегом. Я обернулся к завучу и согласно кивнул, показывая, что пришли те самые люди, завуч кивнула мне в ответ и скрылась в кабинете, а я открыл дверь и отошёл в сторону.

Вслед за высоким толстяком в комнату ввалились ещё три

человека: две пожилые женщины зорко оглядывались по сторонам, рассматривая обстановку, и последней шла женщина помоложе, тащившая огромную сумку. – «И где же все?» – Толстяк недовольно обернулся в мою сторону. – «И почему вы закрываетесь?» – «Меня попросили: чтобы не мешали посторонние. А директор вон там.» – Я пошёл к кабинету и постучал. Некоторое время там что-то ещё шуршало, а члены комиссии за спиной нервно переступали, и наконец дверь открылась: первым вышел молодой мужчина, а потом его напарница и завуч. Мужчина подошёл к толстяку и пожал руку. – «Всё нормально?» – Мужчина с усиками похлопал себя по вздутому карману и улыбнулся. – «Ну слава богу. А когда стол накрывать будем?» – Мужчина встал на цыпочки и зашептал толстяку на ухо, глядя одновременно на меня: излишняя откровенность толстяка была ему неприятна, и он, видимо, уговаривал его поменьше выступать. Толстяк хитро посмотрел в мою сторону, и снова сказал в полный голос – «да ладно» – но потом подошёл ко мне. – «А вы кто будете? Что-то я вас не узнаю.» – «Я, собственно, пришёл к завучу – Елене Сергеевне – по делу. А вообще я из газеты.» – «Из газеты?» – Он насторожился. – «И что за дело такое?» – Только теперь завуч заметила осложнение и пришла на помощь. – «Я забыла представить: это журналист, которого интересуется Р. Вы помните, я рассказывала, что он наш выпускник – и видите – как им до сих пор интересуются?» – «Да?! Не ожидал, не ожидал. А он человек надёжный?» – Завуч взяла тол-

стяка под руку и повела в сторону, что-то объясняя и доказывая; не сразу, но постепенно он стал, похоже, соглашаться и наконец сдался, и когда они двинулись в мою сторону, я разобрал слова толстяка – «ну пусть остаётся», – и завуч подошла уже ко мне и коротко объяснила, что у них намечается небольшой банкет, и уйти с него, чтобы удовлетворить моё любопытство, она никак не сможет. Я сразу вежливо поблагодарил: делом можно было заниматься и во время застолья, и таким образом я не терял день и одновременно мог нормально пообедать: бутерброды в сумке были, конечно, неравноценной заменой полному обеду.

Гости уже спокойно расхаживали по комнате, женщины разгружали сумку: там лежали консервы, сыр, хорошая колбаса и много чего другого, но показавшаяся наконец директор приказала нести всё в её кабинет. – «И как насчёт проверки?» – Она выглядела на самом деле озабоченно: видимо, проверка и была главной целью комиссии. – «И потом, сейчас ведь занятия, и кто-нибудь может зайти, а от всех запереться бессмысленно.» – «Ну зачем такие формальности?» – Теперь вылез молодой мужчина с усиками. Переговоры он взял на себя: похоже, он был тут главным. – «Мы вам доверяем. И знаете что, отпускаяте всех по домам.» – Он помолчал. – «Или, чтобы не к чему было придраться: оставьте два старших класса на одно занятие, и мы пошлём туда, – он поискал глазами, – ну хотя бы Нину Ивановну и Виктора Семёновича.» – Толстяк возмущённо засопел. – «Меня? По-

чему опять меня?» – «Для равновесия, Виктор Семёнович, для равновесия. И потом – вы у нас математик, самая распространённая область, так сказать. Посмотрите, – обратился он к директору, – нет ли у вас сейчас математики и истории. Так что всё очень логично.» – Директор подошла к доске. – «Алгебра у десятого «а» и история у седьмого «в» – как раз.» – «Ну и замечательно. А мы тут пока займёмся подготовкой.» – «Тогда надо объявить по радио. А продлёнка на четвёртом этаже чтоб не вылезала из классов.» – «Объявите, объявите.» – Директор быстро вышла из комнаты, и через несколько минут по коридору что-то прогудело, раздалась хрипы, покашливания, и нечёткий плывущий голос объявил о радостном для школяров событии. Некоторое время ушло, видимо, на обдумывание и осмысливание новости, и потом всю школу – с первого до последнего этажа – заполнил топот и визг, и довольный рёв шумной толпы, которая – спускаясь с самого верха – всё набирала мощь и обороты, и наконец выплеснулась на первый этаж, минут десять побурилась в самом низу и схлынула, оставив здание почти необитаемым.

«Вот как, – насмешливо сказал молодой мужчина, – а если бы мы там стояли, нас ещё и смели бы.» – Он подмигнул завучу. – «А вы хотите, чтобы мы аттестовали школу на самом высоком уровне. Ладно, ладно, шучу.» – Он ещё раз подтвердил несерьёзность своего заявления, мигнув уже другим глазом. – «Все мы люди, и должны понимать друг друга. Ладно, кое-кому тут надо делом заняться. Урок через пять минут,

по-моему?» – «Через три.» – «Давайте, давайте, поторопитесь, а то педагоги небось страдают и ждут грома небесного, но вы там не очень придирайтесь. В каких аудиториях будут занятия?» – Завуч снова подбежала к стенду и подробно объяснила, кому куда идти и как зовут каждого из учителей, отдаваемых на заклатие. Одна из пожилых женщин сразу вышла, толстяк же стал бурчать, но вынужденно подчинился, и мне стало немножко жалко тот класс, где сейчас должен был начаться урок алгебры, и учителя, явно не ожидающего появления такой большой и жирной злой обезьяны.

Директор вернулась через пять минут, когда мы уже приступили к подготовке банкета: всем распоряжался мужчина с усиками, видимо, главный в комиссии. Он суетился больше всех, и хотя и не делал ничего своими руками, понять его было можно: он так надсаживался и нервничал, что к возвращению директора немного охрип и руководил, усевшись в кресло в углу комнаты. Завуч и женщины постарше сгребали журналы и всё, что заваливало столы, и относили груды бумаги в кабинет директора. Они же занимались стульями, а на мою долю вместе с самой молодой из проверяющих выпало самое сложное: носить и сдвигать столы, расставленные рядами, в одну сплошную прямую линию, чтобы сделать единое пространство. Директор вынесла из кабинета большую, расписанную узорами скатерть; когда мы закончили возню со столами, скатерть положили на получившийся помост и постепенно расстелили на всю площадь: только с одного кон-

ца оставался незакрытым самый кончик.

Предварительная часть оказалась закончена, и все занялись непосредственно столом: опять-таки в кабинете директора были обнаружены запасы еды и напитков, и той посуды, которую предполагалось использовать. Распорядитель, развалившийся в кресле, наконец отдохнул и занялся делом: ему поручили нарезать колбасу, и он с наслаждением кромсал длинный толстый батон, пока остальные переносили посуду и расставляли её на столе. Мне досталось тоже серьёзное задание: предстояло разделать селёдку, две здоровые жирные рыбины, от которых все отказывались. От них сильно и терпко пахло, возможно, они были перенасыщены специями, но я любил рыбу и хотел чем-то помочь.

Бутылок было выставлено не слишком много: по одной с водкой, коньяком, шампанским и не слишком крепким вином, но когда я покончил с рыбой и попал наконец в кабинет директора, обнаружил ещё целую батарею. Они скромно стояли за дверью, и только там – в самой глубине – стала заметна основательность подготовки. Работа кипела, и все были поглощены ею, как будто именно в ней состоял смысл их сегодняшнего дела. Председатель перешёл от колбасы к ветчине, директор занималась мясным салатом, одна из проверяющих – кальмарами, а самая молодая вскрывала консервные банки: у неё получалось это лучше, чем у других. Мне вручили сумку с фруктами и овощами, и вместе с завучем мы вышли в коридор, чтобы помыть их в ближайшем туалете.

те. Наконец-то мы остались один на один, и я мог приступить к своему делу. – «И часто у вас такие банкеты?» – «Обычное дело. Этот ещё не самый шикарный, хотя и обошёлся в полтора миллиона.» – «Полтора миллиона?! Что-то я не верю.» – «Если со всеми расходами. Но об этом необязательно всем рассказывать.» – Она мыла в раковине апельсины, и на секунду отвлеклась и насмешливо посмотрела на меня. – «У вас были ко мне вопросы?» – «Да, конечно.» – Я начал наконец начал возвращаться к своей задаче. – «Во-первых: вы, конечно, знали Р. лично?» – «В-общем – да, хотя кто мог предположить, что он достигнет таких высот.» – «То есть?» – «Когда я пришла сюда, он заканчивал школу, ему оставалось всего два года до выпуска.» – «И вы вели у него какой-то предмет?» – «Да, конечно, химию: это ведь моя область. Но у меня хорошая память: так что спрашивайте.» – «Ладно: вы пока будете просто рассказывать, а запишу я всё потом.» – «Хорошо. С чего начнём?» – «Давайте с родителей. Кем они были, какими. И ещё: вы с ними встречались?» – «Раза два или три – с матерью. Она ведь не работала, и могла заниматься сыном, сколько хотела.» – «Не работала? В те времена это много что значило.» – «Да, его отец был военным, полковником, и полностью обеспечивал семью.» – «А мать?» – «Красивая брюнетка, достаточно высокая. Она не была то, что называется наседкой, нет, у неё был явно хороший вкус и воспитание, и, насколько мне известно, она когда-то работала актрисой, но быстро вышла замуж.» – «Красавица?» –

«Да, безусловно; и ничего удивительного, откуда у него способности. Хотя характеры они имели разные.» – Я слишком хорошо знал о пьянках и скандалах Р.: видимо, его склонности проявлялись с детства, и не было ничего удивительного в том, что огромная энергия находила выход, и далеко не всегда в положительном направлении. – «А что она кончала и где играла – вы не знаете?» – «Что кончала – понятия не имею, возможно: что и ничего – а играла где-то в провинции. А потом – познакомилась с будущим мужем, и дальше – всё бросила и уже нигде и никогда не работала.» – «А давно они переехали в Москву?» – «Видимо, перед самой войной – за год или два. И тогда же родился Р.» – «Кстати, а о других родственниках вы ничего не знаете?» – «Нет, абсолютно ничего. Возможно, братьев и сестёр у его родителей и не было.» – Слова подтверждали мою информацию, и заставляли вспомнить книгу А.: примерно так в ней всё и выглядело, но такая степень проникновения вглубь меня не устраивала, и надо было копать дальше. – «Хорошо, а теперь расскажите, пожалуйста, что вы знаете об отце.» – «Я ни разу его не видела, да и с чего бы он стал приходить? Он был полковником...» – «Каких войск?» – «Честно говоря, не знаю...» – «Случайно, не НКВД, или может – других спецслужб?» – «Вы слишком много хотите: честно говоря, не знаю.» – Она искоса посмотрела на меня. Пока мы трепались, она перемыла почти всё и теперь складывала фрукты и овощи горкой на два больших блюда. – «Разве вас не предупреждали, что отца лучше не

касаться?» – «Нет.» – Она хмыкнула. – «Ну ладно. Если коротко, он постоянно находился на работе, и Р. редко его видел. А что касается характера, возможно, он был и не подарок, но мать смягчала его. Ладно, берите блюдо и пойдём.» – Она закончила работу и взяла блюдо с помидорами и огурцами. Мне досталось второе, заваленное яблоками и апельсинами, с поставленным на вершине спелым ананасом. Она же захватила и пакеты, и мы двинулись обратно, и мне было уже не до разговора, потому что ананас всё время раскачивался, и надо было следить за ним и балансировать тяжело нагруженной посудиною.

Подготовка к банкету заканчивалась, пустые тарелки и тарелки с салатами и остальной едой уже стояли на столе, а председатель комиссии развалился в кресле и о чём-то трепался с директором. Делом занимались только самая молодая из женщин: она резала хлеб, белый и чёрный, и рядом на подносе уже лежала разноцветная горка, но она делала запасы побольше. Гости отдыхали в ожидании конца занятия, и, освободившись от груза, мы устроились в другом углу, в тишине и спокойствии.

«И долго ещё ждать?» – Я выразил нетерпение. – «Да нет.» – Завуч посмотрела на запястье с маленькими часиками. – «Минут десять. Но нам всё равно некуда спешить, и раньше шести это вряд ли кончится.» – «У вас, насколько я понял, аттестация школы?» – «Да.» – «А почему председатель комиссии такой молодой? Ему, по-моему, и сорока

нет.» – «А он не председатель. Председатель – вон та женщина, самая старшая.» – «А кто он такой?» – «Просто член. Но у него папа в министерстве.» – Она замолчала и многозначительно посмотрела на меня, потом отвернулась и почти нехотя сказала. – «Так что у нас всё очень серьёзно... Но вы ещё хотели что-то узнать?» – «Да, мы говорили про родителей. Более-менее я понял... Кстати, а Р. не посещал какой-нибудь драмкружок?» – «Нет, в школе такого просто и не было тогда, а где-нибудь ещё – вряд ли. Насколько мне известно, его интерес к актёрской профессии проявился уже после, в школе же он ничем особо себя не проявлял.» – «А как насчёт собственно школьных успехов?» – «Он был, конечно, способный мальчик, но старательности ему явно не хватало. Я не говорю работоспособности – нет, если он ставил себе задачу, то обычно справлялся с нею. И памятью обладал очень даже приличной. Был такой случай: то ли в восьмом, то ли в девятом классе он выучил страниц тридцать или сорок из «Евгения Онегина» и устроил настоящее представление на уроке литературы. То есть всё, что он любил, он делал превосходно.» – «А что не любил?» – «По-всякому. Мог получить и «отлично», и «хорошо», и даже «удовлетворительно» – если совсем уж халтурил. Но такое случалось нечасто.» – «И какие же предметы он любил больше?» – «Возможно как раз литературу. Но ярко выраженным гуманитарием он не стал. Если мне не изменяет память, то в аттестате у него примерно равновесие: половина «пятёрок»

и половина «четвёрок». И, конечно, языки.» – Это выглядело логично, и я хотел продолжить расспросы, но в коридоре неожиданно зазвенело, и завуч поднялась, извинившись за временную отлучку. Она коротко поговорила с директором, потом с женщиной, принятым мной за председателя комиссии, и уже вдвоём с женщиной они вышли в коридор.

Вернулись они минут через двадцать – уже впятером: позади завуча и женщины, посланной инспектировать урок, в учительскую вползли толстяк и мнимый председатель, угваривавшие и почти тащившие одну из двух учительниц, которую я встретил в самом начале визита в школу: ту, что выглядела помоложе. Она упиралась и тихо лепетала, но лжепредседатель держал её под локоток, а толстяк подпихивал сзади, и так они, видимо, и шли всю дорогу, препираясь и что-то выясняя. Они стояли в дверях, и учительница неожиданно остановилась и затормозила уже по-настоящему, и тогда завуч обернулась и сказала строго. – «Мария Сергеевна, не забывайте, что по расписанию у вас ещё два урока.» – Учительница сразу сникла: она добрела до стула и села. Меня она не заметила, я мог только посочувствовать ей, хотя и не понимал причин противодействия: приглашение в такую компанию могло выглядеть как поощрение, выделение её среди других преподавателей, и глупо было отказываться и портить отношения с людьми, от которых зависела её работа.

Занятия кончились, и проверка – насколько я понимал –

уже тоже подошла к завершению, хотя и заранее было ясно, что она станет чистой формальностью. Директор, завуч и вернувшиеся члены комиссии устроились за единственным свободным столом, занимаясь подведением итогов, а я смотрел в другой угол, где сидели молодая учительница и мужчина с усиками. Она казалась явно расстроенной и не старалась скрыть это, а мужчина не обращая внимания что-то нашёптывал и улыбался, мерзко и противно, как будто такая улыбочка могла ей понравиться или хотя бы произвести впечатление; меня она пока не видела, но ещё неизвестно было, как она прореагирует на моё присутствие в компании: хотя при знакомстве и первом появлении в учительской она явно симпатизировала мне, последующий резкий уход и изменившаяся ситуация не могли не сказаться, и явно неприличное поведение мужчины с усиками должно было способствовать появлению у неё совершенно другого настроения.

За столом наконец разобрались с бумагами, и по общему шуму и волнению я понял, что дела завершены и можно приступать к застолью. Все ходили и говорили, обсуждая, кто где сядет и кому с кем рядом лучше находиться, чтобы никто не остался обиженным и обделённым и в то же время были соблюдены видимые приличия и приоритеты: директору в конце концов досталось место во главе, рядом с одной стороны сидела председатель комиссии, с другой – мужчина с усиками, настоявший на своём и усадивший дальше молодую учительницу; примерно в середине напротив среди

женщин устроился толстяк, а я замыкал стол, сев рядом с завучем, что было совершенно понятно и оправданно. Пока все ходили и рассаживались, учительница не поднимала глаз: только потом она, похоже, смирилась, и когда директор встала – чтобы открыть банкет – учительница как бы проснулась и равнодушно огляделась. Когда она дошла до меня и наши взгляды встретились и пересеклись, она замерла и под монотонное гудение во главе стола её глаза стали выразительнее и добрее, хотя я заметил и удивление; она машинально взяла рюмку с чем-то крепким, протянутую назойливым соседом, и когда голос смолк, выпила залпом и неожиданно громко поперхнулась.

Сосед уже подсовывал ей бутерброд с ветчиной, а мне пришлось заняться ближайшим окружением: простая вежливость требовала, чтобы я ухаживал за завучем, достаточно приятной и нестарой женщиной, к тому же связанной со мной делом, которое я надеялся продолжить. Явно недостаточными выглядели сведения, добытые и уже записанные во время недолгой передышки, и требовалось идти вглубь, насколько это было возможно при явной осторожности, с которой завуч посвящала меня в подробности и детали. Видимо, осторожность связывалась с престижем школы, но в любом случае такое отношение вызывало подозрение, что далеко не всё так чисто и безопасно, и к любым сведениям надо относиться критически.

Я налил соседке вина, она поблагодарила, и мы верну-

лись к тому, что привело меня в школу. – «Извините, а у вас не осталось случайно дневников или тетрадей Р.? Они очень могли бы помочь, ведь это даёт так много для понимания характера, и если бы мы проследили за постепенным развитием даже по таким вроде незначительным предметам, наверняка удалось бы выявить процесс созревания и роста...» – «Нет, у нас ничего не сохранилось.» – «А журналы?» – Она молчала. – «Разве школьные журналы выбрасываются вместе со всеми незначительными бумагами и документами?» – «Знаете, лучше не касаться таких вещей. Да и что вам они дадут? Разве полученное от меня не устраивает вас? А журналы – ну что журналы...» – Она явно старалась уйти от ответа, как будто там скрывалось что-то существенное, чего нельзя знать посторонним людям; либо это было связано с поведением, либо она откровенно врала, расписывая школьные успехи бывшего воспитанника. Надо было или обострять отношения, пытаясь всё-таки добиться правды, или спустить дело на тормозах и заняться выяснением остального: в конце концов оставался запасной вариант в виде бывшего классного руководителя Р., вряд ли сделавшего попытку скрыть правду.

«А какие отношения у него сложились с одноклассниками и учителями?» – «С учителями – хорошие, почти со всеми...» – «И с вами тоже?» – «Да, конечно...» – «А с кем – плохие?» – Она недовольно уставилась на меня. – «Но вы же понимаете, он был такой артистической натурой, иногда он

позволял себе вещи, встречавшие не слишком хороший приём у некоторых, особенно пожилых учителей, привыкших к строгой дисциплине...» – «Так значит с поведением у него были сложности?» – «Нет, я бы не стала это называть именно так, просто иногда он мог опоздать на занятие, или во время самого занятия отмочить шутку, над которой смеялся весь класс.» – «И его наказывали?» – «Самое большое – вызовом родителей в школу. Это было раза два или три, и приходила, конечно, мать, но потом неприятности для него кончались.» – Пока мы обсуждали поведение Р., вокруг вас тоже не скучали: разошедшийся толстяк рассказывал анекдоты и какие-то истории из своей жизни, над которыми визгливо и шумно смеялись, вплоть до директора и председателя комиссии, и время от времени вылезал мужчина с усиками и вставлял сальные и неприличные шутки, после чего веселье разгоралось ещё больше; но не у всех они вызывали такой восторг: молодая учительница, на которую мужчина с усиками бросал обволакивающие неприятные взгляды, сидела настороженно и криво улыбалась, не решаясь прервать его или возразить. Заметно было, что беседа не вызывает у неё восторга и интереса, и она просто вынуждена слушать непристойности, не придавая им никакого значения. Возможно, она и хотела бы уйти, но строгое предупреждение в начале застолья не давало ей такой возможности, и оставалось прикидываться заинтересованной и высидивать до конца банкета.

«А как насчёт друзей Р.? Насколько мне известно, его всегда любили и окружали люди, и он часто бывал душой компании – во всяком случае в поздние годы. Вы не знаете случайно, поддерживал ли он отношения с кем-нибудь из бывших одноклассников?» – «Он был безусловно общительный мальчик, да, его конечно же любили – и одноклассники, и одноклассницы...» – «Да? А нельзя ли поподробнее...» – Она замялась и отхлебнула из рюмки. Я быстро допил и стал выжидательно смотреть, как она закусывает мясным салатом и ветчиной, но она явно не торопилась, и я тоже занялся едой, посматривая по сторонам на обедающих гостей, давно уже забывших о моём существовании и не стесняющихся разевать широкие рты и громко и смачно смеяться над очередной шуткой толстяка или мужчины с усиками. Они совершенно не стеснялись, как будто я стал своим человеком, и выбалтывали старые служебные секреты: одна из женщин осталась крайне недовольна банкетом недельной давности, где, оказывается, ей достался не тот подарок, на который она рассчитывала, и она мстительно мечтала о следующем визите в ту школу, а толстяк всё вспоминал случай месяц или два назад, когда после излишне обильного угощения у него случился заворот кишок, и два или три дня он ещё напрасно мучился и приходил в норму. Им явно было что вспоминать, но и директор не оставалась в стороне и согласно поддакивала в нужных местах, хотя и не опускалась до грубостей и пошлостей соседей за столом. Они веселились и отдыхали

от трудов праведных, только что законченных и оставленных позади, как будто именно в этом веселье крылся смысл их прихода в тёплый весенний день в школу, а сама школа и то, что было её делом и сутью – слишком мелко и ничтожно и не может идти ни в какое сравнение.

Вполне возможно, что директор и завуч думали по-другому, но они не выражали своего мнения и молча продолжали поглощать одну закуску за другой. После мясного салата настала очередь лосося, потом подошли кальмарчики с рисом и варёным яйцом, что оказалось очень даже неплохо приготовлено и украшено. Селёдку – судя по всему – завуч не любила, но зато она обожала овощной салат из помидоров, огурцов и перца, и мне постоянно надо было следить, чтобы он не кончался на её тарелке. Завуч молча выражала одобрение, она просительно кивала и давала понять, что ей нужно дальше – налить вина или подать хлеба – и тоже прислушивалась к общей беседе, не вступая в неё.

А за столом верховодили те же двое: толстяк и молодой мужчина с усиками. От историй и скандалов они перешли уже к анекдотам, выдавая иногда нечто совсем уж скабрёзное, от чего заливался весь стол, трясаясь и захлёбываясь в приступах смеха, и почему-то именно на самые грубые шутки реагируя сильнее всего. Только молодая учительница, с которой я время от времени обменивался взглядами, выглядела смущённой и улыбалась в ответ: она не могла совсем отказаться от общения, и шутки – пусть и грубоватые – за-

бавляли и развлекали её.

Наконец завуч насытилась и отодвинулась от стола: она была готова продолжать беседу, и я, уже какое-то время ску-чавший и не знавший, чем заняться, сразу приступил к де-лу. – «Мы говорили о друзьях и одноклассниках Р., и вы ещё упомянули его одноклассниц...» – «Да? Ну что же. Насчёт друзей: был в классе такой Андрей Филиппов: лучший друг. Причём если Р. был трепло и сорвиголова, то Андрей на-оборот: тихий и прилежный. Чем-то они там вместе занима-лись: то ли авиамоделированием, то ли спортом.» – «А могу я найти этого Андрея?» – «Вряд ли. В школу он не приходит, хотя его можно понять: какая школа в его возрасте?» – «А насчёт одноклассниц?» – «В те годы всё выглядело строже – по сравнению с тем, что сейчас – но поклонницы у него были, и не одна. Но только поклонницы.» – Она сверкнула глазами. – «Ничего подобного тому, что происходит сейчас, раньше и представить нельзя было! Вообще он безусловно выделялся – во многих отношениях – и кроме того не от-личался особой стеснительностью. А для тех времён он был просто, – она неожиданно хихикнула, – ловеласом. До че-го-то серьёзного дело не дошло, но сами понимаете, какие у него возникали сложности.» – Это было ясно и вполне со-гласовывалось с дальнейшей жизнью Р.: бесконечные любов-ницы, от которых он позднее вынужденно укрывался в лоне семьи, заставляли его переходить от одного брака к друго-му, с неизбежными скандалами и выяснениями отношений,

почти не оставлявшими времени для спокойной семейной жизни, но таким был его характер, и неизвестно, стал бы он великим актёром без этих драм и трагедий, иногда перераставших в глупые фарсы. Возможно следовало простить его, и – во всяком случае – я просто обязан был понять причины и мотивы его действий, часто достаточно импульсивных и внешне неорганизованных, но безусловно вытекающих из главных качеств и особенностей его личности. – «Ну и конечно, как везде, в классе была первая красавица – Ира Семинина. Так вот – она тоже не удержалась, и единственный из поклонников, к которому она отнеслась как к равному – как раз стал Р. Весь класс, наверно, следил – чем же у них кончится, но они почему-то резко разошлись, и никто не знает почему.» – Её осведомлённость поражала, это выглядело вообще удивительно: откуда завуч, тогда молодая учительница, могла знать такие подробности, неужели она следила за ним? и не было ли здесь чего-то тайного, что связывалось уже с нею самой: не попала ли она сама, молодая учительница, под обаяние раскрывающейся личности? – и тогда становился ясным её интерес к Р. и такая хорошая сохранность фактов тридцатилетней давности. Здесь было над чем подумать и в чём покопаться, но ещё неизвестно – как она отнеслась бы к таким раскопкам, и я решил вернуться к более безопасным и простым вещам. – «Скажите, а где сейчас эта Ира?» – «К сожалению, она недавно погибла: об этом и в газетах писали. Но вообще они – она и Р. – стали лучши-

ми в классе и дальше всех пошли.» – «Что-то я не слышал о ней...» – «Ну как же: она стала известным общественным деятелем, а три года назад разбилась на машине. У неё была фамилия мужа... И как это получается, что лучшие всегда умирают первыми. Ладно, давайте выпьем за них.» – Она подняла бокал и дрожащей рукой поднесла его к моему месту скорби и легонько ударила по краю, а потом медленно выпила до дна, и я тоже не мог не присоединиться и не почтить память моего героя и заодно всех других, так много сделавших и обещавших в будущем и так рано ушедших из жизни, оставив потомкам добрую и светлую память.

Но завуч не могла, видимо, слишком долго думать о грустном, через минуту она успокоилась и прислушивалась уже к разговору на другом конце стола: председатель комиссии и мужчина с усиками обсуждали возможность немножко развеяться и заняться танцами. Пожилая женщина выступала против – возможно, ей казалось слишком уж большой вольностью такое занятие, а возможно – было просто ей недоступно – и тогда её отказ становился обычным упрямством. Остальные пока прислушивались, только толстяк иногда поддакивал напарнику, не выражая открыто своего мнения, но можно было не сомневаться, что все или почти все будут на стороне мужчины, предлагающего всего лишь продолжить то, что уже шло давно и не выходило слишком далеко за рамки. Даже учительница выглядела не так равнодушно и отстранённо, она больше не косилась на

соседа и с интересом наблюдала, чем же кончится спор: мужчина напирал так резво, что почти не оставалось сомнений в его победе, и вопрос был только во времени.

Наконец председатель сдалась, она ещё делала вид, что против – уже по объективным причинам. – «А где вы возьмёте музыку?» – «Как же без музыки? Музыка давно готова.» – Мужчина заскочил в кабинет директора: стоя на пороге, он держал в вытянутой руке импортный компактный двухкассетник, и тогда уже все стали отодвигать стулья, отягощённые долгой непрерывной едой, в которой настал долгожданный перерыв.

Записи были старые, хотя и западного происхождения, и далеко не все умели танцевать под такую музыку: председатель и одна из женщин сразу отошли в сторону, а остальные собрались в виде небольшого кружка и усиленно делали вид, что танцуют. Почти у всех получалось что-то странное: толстяк дёргал рыхлым телом, завуч и директор топтались на месте, а ещё одна женщина – видимо, перепившая – приседала и вставала, извиваясь как длинный толстый червяк. Прилично держались мужчина, похоже, любивший это занятие, учительница и самая молодая женщина из комиссии, ещё не забывшая окончательно то, что когда-то умела: они и конечно я составляли рациональное ядро в шумной и беспорядочной куче: женщина, странно приседавшая, быстро устала и плюхнулась в пустовавшее кресло, а завуч с директором уже просто стояли, не решаясь пока окончательно

отойти в сторону, но явно выпав из круга. Пыхтел ещё толстяк, но слишком грубо и неумело, и по-настоящему оставались только мы четверо: я бросал взгляды на учительницу, но она уже не отвечала, захваченная музыкой и высокой божественной игрой, которую она вела с разошедшимся партнёром, явно не собиравшимся устать и кончать с утомительным занятием; она, видимо, тоже любила танцы, и включилась по-настоящему. Скоро отстал и толстяк: он явно не рассчитал сил и теперь с трудом дышал и отдувался на стуле рядом с магнитофоном; багровое лицо предвещало трудности с сердцем, и он пока пил газированную воду, чтобы компенсировать потерю влаги. Потом сели директор с завучем, почти одновременно, ожидая, когда же кончится музыка, слишком сложная и быстрая: оставались только мы четвером, но и у меня начали устать ноги, и стало ясно, что конец недалеко. Понемногу это подтверждалось: вторая женщина чуть-чуть сникла, уже не так охотно она двигалась под музыку, пока почти совсем не остановилась. Почти сразу кончилась очередная песня, ещё немного мы стояли в ожидании следующей, но кассета щёлкнула и включила автостоп. – «Ладно, сделаем перерыв.» – Главный танцор великодушно разрешал всем то, что они и так уже получили, и толстяк выключил магнитофон, и, покопавшись в сумке, достал другую кассету. Тихо звучало что-то старомодное, а я пил газированный напиток и с удивлением следил, как вежливо и аккуратно мужчина с усиками берёт учительницу под руку и выводит в ко-

ридор. Она не сопротивлялась, но что-то мне не нравилось в этой настойчивости и целеустремлённости, они были похожи на вежливость и заботливость мясника по отношению к откормленному и ещё не зарезанному бычку, и я внимательно смотрел на закрывающуюся дверь и лица сидящих усталых сотрапезников. Судя по всему, никто не обратил на это внимание, гости и хозяйева пили или закусывали фруктами, и даже толстяк – старавшийся не отставать от сослуживца – был занят сочным ананасом. Я ещё выжидал, не зная, как поступить, но потом мне надоело такое тёмное и непонятное выжидание со стороны оставшихся за столом, и я тихонько встал и вышел в коридор, стараясь не привлекать лишнего внимания.

В самом коридоре никого не было, и только по звуку я смог понять, где надо искать ушедших: негромкий шорох и шёпот доносился с лестницы, прерываясь и потом снова возникая, расползаясь еле слышным эхо по паркетному полу и закоулкам коридора. Я медленно и осторожно начал приближаться, шум становился яснее и разборчивее, можно стало даже понять отдельные слова и фразы, но общий смысл был ещё трудноуловим, и я двинулся дальше.

Они стояли за стеной, у лестничной площадки, и тихо говорили, и лучше был слышен голос мужчины. – «Ну не надо, пустите, я сейчас уйду отсюда.» – «Зачем тебе уходить, разве тебе здесь плохо, глупенькая, разве я не говорил тебе, что всё это ради тебя, а семья – ну что семья?» – «Какой вы, од-

нако, опасный, я и не знала. А та учительница из двадцатой школы?» – «Господи, да кто тебе сказал такую чушь, это всё неправда: если что и было, то так – поверхностно.» – «А ребёнок – тоже поверхностно?» – «Та пойми: если она со мной была не против, то наверняка ещё с кем-то. Не надо сваливать на меня одного. Да и когда всё было? Год назад, и даже больше.» – «А я ещё что-то слышала; какой вы донжуан, так что: здесь номер не пройдёт. И не старайтесь.» – «Солнышко, я же не просто так, ты пойми, я и жениться могу: в случае чего.» – «Слышали мы эти сказки, слышали уже не один раз, только больше в них не верим.» – «А какие у меня возможности – ты знаешь? Я ведь не просто какой-то там, у меня отец – знаешь кто?» – «Слышала, слышала.» – «Ну чего ты здесь достигнешь? Лет в пятьдесят станешь завучем – если повезёт и не сожрёт кто-то ещё, и это предел желаний?» – «Я люблю школу.» – «Этого мало. Милая: надо, чтобы и она тебя любила. Или ты всю жизнь хочешь потратить на сопливых школяров, и чтобы потом – лет в шестьдесят – тебя вышибли на пенсию? Ну а за границей ты была?» – «Пока нет.» – «И никогда не будешь. Потому что люди делятся на две категории: те, на ком ездят, и те, кто ездят. И я могу тебе помочь попасть во вторую группу.» – «Не надо, не хочу я никуда попадать, отстаньте вы с вашими предложениями.» – «Ну зачем так грубо, я говорю совершенно серьёзно, и многие были бы счастливы оказаться на твоём месте, ну что ты сопротивляешься, как малолетняя дурочка, ну дай...» – За

стеной зашуршало, раздался негромкий крик, и потом хлопнула пощёчина, и прямо на меня выскочила растрёпанная учительница, поправляя на бегу кофточку; сзади донеслось тяжёлое злое сопение, и следующим выбежал неудачливый донжуан, держась ладонью за багровую щёку. – «А вы что здесь делаете? Какое право вы имели стоять здесь и подслушивать? Да я вас, да я тебя...» – Он сжал кулак и поднёс к моему лицу, и неясно было, чем может закончиться неожиданное нападение, но далеко по коридору открылась дверь учительской, и по реакции стоящего передо мной я понял, что кто-то быстро приближается к нам.

Это была завуч, перехватившая по пути молодую учительницу и насильно тащившая её за руку в нашу сторону. Донжуан слегка расслабился, но когда завуч оказалась рядом, снова взбеленился. – «Такое-то уважение ваши сотрудники оказывают вышестоящей инстанции, так они нас горячо любят, и после всего вы хотите получить аттестацию на высшем уровне?! Так знайте: ничего вы не получите. Я уж позабочусь, и ваша школа лишится не только что высшего разряда, но и перестанет быть специальной!» – «Ну зачем вы так?» – «Да: какие у нас там были планы? Построить бассейн? Считайте, что вы его уже лишились – в луже можете плавать, или в канаве под забором!» – «Зачем так строго, Сергей Николаевич? Мы сейчас всё обсудим, и тихо всё решим.» – «А этот: кто такой и что он здесь делает?» – Он грубо ткнул пальцем мне в грудь, и я постарался осторожно отвести его руку, но

он зацепился пальцами за рукав и схватился уже двумя руками за кисть моей правой руки, и какое-то время мы осторожно боролись, проверяя, у кого крепче кисти рук. Я оказался сильнее, и он отступил, разозлившись ещё больше. – «Нет, вы видели?! Да я тебя...» – «Сергей Николаевич, это свой человек, он пришёл от А.» – «А кто такой А.?» – «Как же – вы разве не слышали? Большой человек на телевидении, да и с нашим министерством имеет контакты.» – «Я не от А.» – Возможно, я делал глупость, но мне надоело мелкое жульничество и притворство, заставлявшее по каким-то странным сомнительным причинам поступаться правдой и справедливостью. Завуч опешила, она широко раскрыла глаза и странно глядела на меня: можно было подумать, что она сейчас ударит или сожрёт меня. – «От кого же вы?» – «От своей газеты. И сам от себя. Прежде всего.» – «Так что ж вы мне тут...» – «Разве я говорил, что от А.?» – «Да если б я знала, разве я стала бы...» – «Ну как, можно бить?» – Мужчина стал похож на крысу, он был явно разозлён и готов ко многому, и я понял, что мой визит в школу подходит к концу, и надо ещё суметь выкрутиться и не попасть в неожиданную историю, случайную и не обещающую ничего хорошего. – «Я сам уйду.» – Они выжидательно стояли и сумрачно – особенно завуч – смотрели на меня. – «А как быть с этой?» – «Увы, мадам, увы: вы либо договариваетесь с ней, либо мои обещания превратятся в реальность... Так, а этот что здесь ждёт? Может, позвать Виктора Семёновича?» – Я

сразу представил большую жирную обезьяну, и понял, что долго мне не выстоять, помочь же учительнице я не мог ничем: она должна была сама определить своё будущее, и либо расстаться со школой, либо согласиться с тем, что ей предлагалось, и в любом случае я оставался в стороне. Я быстро зашел в кабинет, схватил сумку, лежавшую на одном из шкафов, и не прощаясь с ничего не понимающими сотрапезниками, выбежал в коридор и мимо тихо беседующей троицы побежал к выходу.

Только на следующий день я решил продолжить поиски: после пьянки накануне следовало собрать и проанализировать полученную информацию, и кроме того, тягостное впечатление от школы оставляло слишком сильный след и отпечаток, чтобы в этот же день встречаться и с бывшим учителем. Я был рад, что не проболтался завучу о нём, и почти наверняка она не могла помешать мне найти его теперь и получить недостающее; уже поздно вечером я позвонил к нему домой и договорился о встрече утром, почти ничего не раскрывая и ни о чём не расспрашивая, чтобы не пугать напрасно. Излишняя таинственность и недомолвки начинали злить меня, но тем интереснее выглядел процесс, и это обещало хороший результат, непредсказуемый и не до конца определяемый. Насколько я теперь понимал, завуч была связана с А., то есть с тем человеком, на объективность и доброе отношение которого я вряд ли мог рассчитывать, и истина ле-

жала глубже – на более низком основании – и старый учитель безусловно имел к этому прямое отношение. Но даже факты, добытые в школе, давали кое-что новое и заставляли пристальнее подойти к некоторым направлениям: надо было заняться учёбой Р. в школе, его отношениями с друзьями и особенно с отцом, слишком тёмной и неясной фигурой. Реакция завуча заставляла о многом задуматься, и если я совершенно случайно попал в цель и его отец действительно служил в спецслужбе, то ситуация становилась сложной и загадочной: получалось, что отец и сын находились с разных сторон баррикады, что, естественно, не могло не сказаться на их личных отношениях. Но об этом почему-то нигде не упоминалось, и по крайней мере одну сенсацию я мог сделать реальностью.

Учитель жил далеко от школы, хотя тоже в центре города, но не сразу я отыскал нужный мне переулок и дом в глубине двора, серый и закопчённый от старости и пыли. Очень непросто было разобраться в различных указаниях и советах, которые я получал от случайных прохожих, посылавших меня совершенно в разные стороны, и когда я всё-таки обнаружил переулок и добрался до здания, то опаздывал почти на полчаса. Внутри он был тоже загажен, и когда я поднимался по лестнице на четвёртый этаж, требовалось внимательно следить, чтобы никуда не вляпаться и не испачкать пиджак о стены с суровыми и неприличными надписями, прославлениями одних спортивных обществ и оскорблениями других,

не менее известных. Жизнь – судя по всему – бурлила здесь и оставляла яркие следы особенно на стенах, и желательно было как можно быстрее миновать открытую местность, чтобы не столкнуться с другими проявлениями, не такими мирными.

На двери нужной мне квартиры висело несколько табличек с фамилиями и указаниями, кому и сколько раз звонить. Я немного потоптался, доставая книжку с адресом и указанием полного имени, и наконец понял, кто мне нужен. У учителя была странная фамилия – Литвак, а рядом на табличке стояло «ЗР», и я три раза нажал и отпустил звонок, и стал ждать реакции.

Ждал я минуты две или три, за дверью стояла тишина, но наконец с той стороны звякнуло и начала поворачиваться собачка замка: сначала одна, потом другая, не замеченная раньше, и дверь медленно открылась. В тусклом свете передо мной покачивалась невысокая щуплая фигурка, и я не сразу поверил, что это и есть старый учитель: так от него разило перегаром.

«Проходите, проходите.» – «Вы учитель? Литвак Геннадий Николаевич?» – «Ну я, а кто же? Вы ведь три раза звонили? Или я ослышался?» – Он икнул. – «Простите.» – «Ага, значит вы работали учителем в школе и преподавали, если я не ошибаюсь, физику, и вели занятия в том числе в классе, где учился Р.?» – Он пристально уставился на меня, так что я даже не понял, какой реакции от него можно ждать: то

ли он обнимет меня, то ли попробует спустить с лестницы. Но потом он, видимо, успокоился. – «Да, вёл. Но вы давайте, проходите. Нечего в дверях стоять.» – Он развернулся и пошёл вглубь по длинному коридору, обернувшись, когда я вытирал ноги и закрывал дверь, и у третьей двери справа он остановился и посмотрел внимательно по сторонам, и только потом открыл дверь. Он запустил меня внутрь и снова выглянул в коридор, но там стояла тишина, и он осторожно прикрыл дверь и повернул защёлку, чтобы никто не мог войти. – «Соседи, знаете ли, любопытные слишком. Приходится осторожничать. И ещё детишки хороши. Показать вам? Вот...» – Неожиданно он уселся на высокую табуретку, стоявшую у входа и задрал правую ногу, сдирая одновременно грязный носок. На голени сбоку сиял относительно свежий длинный шрам, и шрам немного поменьше красовался на ступне. – «Это их дело. Капкан поставили, сволочи. Нет, вы можете себе представить, чтобы в наше время в центре столицы великой державы на людей ставили капканы? Хотя так и не нашли – кто. Но я-то знаю. Или, во всяком случае, догадываюсь. И всё почему? Потому что я, видите ли, люблю иногда выпить и прихожу домой не совсем трезвый.» – «А милиция что?» – «А что милиция? Если она убийц не ловит, где уж ей с такими делами справляться. Но мы всё равно знаем, и так этого дела не оставим.» – Он надел носок и поправил сбившиеся тренировочные, и пропустил меня наконец в комнату дальше маленькой прихожей, отделённой шкафом

от остального помещения.

Обстановка в жилище учителя была не слишком шикарная: справа под маленьким настенным ковриком стоял старый просевший диван, слева был шкаф и секретер с книжными полками наверху – главное богатство, и между ними над обширным исцарапанным и заставленным всякой ерундой столом открывалось окно в мир, ставший таким жестоким и враждебным к хозяину. Он и не скрывал этого, длинная тёмно-коричневая штора до самого пола закрывала половину пейзажа, возможно, не слишком привлекательного, и оставляла правый угол рядом с диваном в тени. На диване валялась подушка, и, похоже, учитель только что спал, отгородившись от всех и спрятавшись в своей уютной тёплой берлоге. Он не смутился, когда я заметил бардак на столе и несколько пустых бутылок рядом и только предложил мне стул, а сам устроился на диване.

«Так-так, значит вас интересует Р., насколько я понял?» – «Да, я собираю сейчас материал, чтобы потом сделать книгу, и, возможно, несколько статей. Я ведь вам говорил, какую газету я представляю?» – «Говорили, говорили. А ведь материал есть, и большой материал. Но, – он заметил мой интерес, – не всё так просто. Это будет вам стоить, – он задрал голову, как будто на потолке было что-то написано, – пятьдесят процентов.» – «Какие пятьдесят процентов?» – «От того, что вы получите. И я хотел бы задаток.» – Возможно, моё лицо очень сильно изменилось, и он немного испуганно при-

встал. – «Ну хорошо, можно без задатка. Хотя жизнь, знаете ли, непростая, а какая пенсия – вы знаете? Это после тридцати-то с лишним лет, почти после сорока. Так что приходится.» – Он выглядел уже жалким и ничтожным, сморщенным и дряхлым старикашкой, просившим всего лишь то, что ему когда-то задолжали, и я успокоился. Он сразу сел и уже аккуратно и осторожно начал подлизываться. – «А какой материал – вы знаете? Пальчики облизать можно, и самый достоверный, непосредственно от источника. Я ведь почему так? Я знал, что понадобится когда-нибудь, их можно прямо в музей: смотрите, вот: это журналы, а вот это – дневники, а здесь у нас – тетради – да, даже тетради! и не спрашивайте, откуда они у меня, всё равно не скажу, а если скажу, то не поверите. И разве не стоят они вознаграждения, ведь сколько лет берёг, и вот оно наконец – пригодилось! Так что не пятьдесят – тут я перебрал, а тридцать?!» – Я снова нахмурился. – «Ну хорошо, двадцать: меньше уж никак не могу, нельзя.» – «А посмотреть можно?» – «Так двадцать?» – «Нет.» – Я всё ещё изображал мрачность. – «Ладно, давайте закончим на пятнадцати. Разве мои труды не заслуживают хотя бы такой мизерной суммы? Но, конечно, вы должны будете мне показать ведомость с зарплатой.» – Я поднялся и зевнул, делая вид, что всё это меня больше не интересует, и торг может завершиться. – «Вы уходите?» – Я заметил что-то вроде паники и кивнул согласно головой, и только после этого он стал снова маленьким ничтожным старикашкой, каким и был с самого

начала. – «Так сколько вы можете дать?!» – Я мысленно покопался в своих карманах и наконец вспомнил о долларовой бумажке, на всякий случай спрятанной в укромном месте в куртке. Приходилось выбирать, но с этим скрягой нельзя было, видимо, по-другому, и я решился. – «Пятьдесят долларов. Я дам вам за всё пятьдесят долларов, и не думайте, что это мало: за всё – вместе взятое – я получу больше раз в пятнадцать или двадцать: за несколько месяцев тяжёлого труда. Кроме того, я дам вам их сейчас же: после того, естественно, как увижу материалы.» – «Ну хотя бы сто?..» – «Знаете, мне это надоело. И ста у меня просто нет.» – «А пятьдесят точно есть?» – «Точно, точно...» – «Покажите.» – Это возмутило меня, но я дисциплинированно полез за подкладку и нащупал там сложенную бумажку, и потом осторожно вытащил её через далёкий разрез. – «Видите? Вот пятьдесят, и вот водяные знаки, так что всё честно.» – Я отдал бумажку ему, и он бережно поднёс её к свету. – «Видите – полоска? И что на ней написано?» – Он согласно закивал, и потом отдал мне банкноту и подошёл к секретеру. Копался он недолго, сначала он выложил посторонние бумаги, а уже из-под них вытянул связанную пачку, толстую внизу и сужающуюся вверх пирамидой. Лишнее он запихнул в секретер, и поднёс на вытянутых лапках пачку ко мне. – «Вот они, все здесь: журналы за последние три года, дневники – за последние два, и тетради – разные. И есть ещё кое-что – но уже за отдельную плату.» – «Мы же вроде договорились?..» – «На материалы

– да. Но это не материалы, это мои личные воспоминания, долгими днями, знаете ли, корпел, так что здесь уже – плод моих личных трудов.» – «И сколько вы за них хотите?» – «Ну хотя бы... десяточку, в долларах, разумеется.» – «На десять долларов я вряд ли наберу... Ладно, покажите, что у вас есть.» – Теперь уже он вынужден был пойти мне навстречу, и как ему не жалко было расставаться с бумагами, он наконец развязал пачку и разложил запасы рядом друг с другом: отдельно журналы, дневники и тетради; пока он их раскладывал, поднялось настоящее облако пыли, и мы оба расчихались. На самом верху лежала тонкая тетрадь, и разложив остальное, он взял её и раскрыл на первой странице и потом громко начал читать вслух. – «Воспоминания педагога. Часть третья. Р. Я ведь, знаете ли, когда-то тоже пописывал, не без этого, но вот – не получилось, и воспоминания – наверно, самое ценное, что у меня есть. Да, это третья часть – посвящённая Р., а есть ещё первая, вторая, четвёртая, пятая, шестую я ещё не закончил, и каждая связана с кем-нибудь из учеников, ставшим выдающейся личностью. А космонавты вас не интересуют? пожалуйста, часть вторая: Д., дважды герой; или, например, наука: есть целых две части: первая и пятая; академик и членкор: может, понадобятся? Недорого отдам, или могу даже всех вместе, оптом то есть.» – Он мерзко хихикнул. – «Так что старикашка вам ещё поможет, пригодится когда-нибудь, особенно если вы к этому старикашке по-хорошему: с водочкой или коньячком. Сегодня не дога-

дались: ладно, я понимаю, но в следующий раз не забудьте, пожалуйста.» – Во время выступления я выгребал деньги из кошелька, прикидывая, будет ли этого достаточно и не обидится ли учитель, но он заливался так вдохновенно и само-достаточно, что не заметил протягиваемые деньги, и я положил их на диван и стал складывать журналы и всё остальное в сумку, не совсем рассчитанную на вещи такого формата и такой тяжести. Наконец он закончил и очнулся, беспокойно он пошарил глазами по дивану, пока не наткнулся на деньги, и быстро схватил их и стал считать, складывая в аккуратную стопку. Долларовую бумажку он взял в конце и снова стал разглядывать на свет. Придаться было не к чему, и он сунул деньги в нагрудный карман и подошёл к столу: среди нескольких бутылок он выбрал одну, и, немного поболтав ею в воздухе, открыл крышку. Сразу потянуло сивухой – там была то ли водка, то ли самогон – и он налил в гранёный стакан на два пальца. – «Будете?» – Я строго помотал головой. – «Ну как хотите. А я без этого не могу.» – Он шумно заглотнул и схватил большой кусок чёрного хлеба: почти половину он отгрыз и только потом положил кусок обратно на стол. Я уже стоял в дверях, оглядывая напоследок жалкое вонючее жилище бывшего учителя моего героя. – «Хорошо, будем считать, что мы в расчёте. И всё-таки: на пузырьёк не добавите, от себя лично?» – Я опять помотал головой, отвергая последние домогательства. – «Ну я пошёл?..» – «А? Идите, идите. Не буду вас провожать. А когда выйдете на площадку,

захлопните дверь, хорошо?» – «Ладно. До свидания.» – Не обращая уже внимания на последние жесты или слова учителя, я выбрался в полутёмный коридор и максимально быстро прошагал мимо вешалок, кип газет и старой рухляди до входной двери: тёмная берлога с мохнатым дремучим пауком была позади, но оставалась ещё лестница, и, захлопнув дверь, я почти побежал по грязным неумытым ступенькам вниз, на волю, где ещё можно было дышать свежим прозрачным воздухом, не пропитанным сивушными и кислыми ароматами старой московской хрущёбы.

У меня намечалось ещё несколько встреч на вторую половину дня, и пока ещё оставалось время, я хотел лучше рассмотреть полученное. Светило солнце и было тепло, я искал место, где мог разложить вещи и спокойно разобраться с дневниками и журналами, и особенно с тетрадями, самым удивительным приобретением. Если журналы и дневники можно было найти где-нибудь в старых архивах или хранилищах в школе, то тетради вряд ли стал бы кто-нибудь сохранять на долгую память, и недомолвки учителя на самом деле создавали загадку. Но гораздо существеннее было то, что я получил их, и не стоило мучать себя напрасно.

По дороге к метро я обнаружил маленький прудик в компании старых переросших лип. Я быстро нашёл скамейку: здесь никто не мешал, только женщина выгуливала бульдога, гонявшегося за голубями. Сначала я достал дневник: всё было правильно, и фамилия, и подписи в двух-трёх местах

совпадали с известными мне автографами, и я полез в конец, где стояли итоговые оценки. Интереснее оказался дневник последнего года: кроме оценок за полугодия и весь год там стояли результаты экзаменов: по литературе и иностранному языку было проставлено «отлично», но остальные явно разочаровывали. Естественные предметы оценивались на «хорошо», а по истории и обществоведению синели толстые «тройки», согласуясь с общей оценкой и итогом за год. Получалось, что завуч врала и говорила явно приукрашенную правду, выгодную и нужную и ей, и школе, и кому-то ещё, скорее всего А. Я полистал дневник в середине: там была навалена бурая смесь «троек», «четвёрок» и «пятёрок», разбавленных кое-где даже «бананами» и записями красными чернилами. На одной из них я остановился: «Родители, срочно зайдите в школу» – стояло в нижней части страницы, и здесь же виднелись чьи-то подписи – видимо, учителя и матери Р., ознакомившейся с запиской, но к сожалению, смысл состоявшейся беседы нельзя было понять по таким ничтожным данным. Такие же надписи красовались и дальше, через четыре страницы я обнаружил ещё одну, и потом ещё – через пять после предыдущей: он явно не был послушным учеником, что подтверждала ещё одна графа в конце: поведение везде оценивалось «удом», и странно ещё, как человек с таким количеством замечаний и претензий мог благополучно закончить столь привилегированную школу. Явно сказывалось высокое положение его родителей – скорее всего отца – ставшего ши-

том и не допустившим полного провала и позора. Журналы говорили о том же самом: оценки Р. на фоне одноклассников выглядели достаточно скромно и даже посредственно, и в специальном разделе, посвящённом штрафам и взысканиям, Р. имел самый богатый послушной список.

Потом я перешёл к тетрадам: здесь была одна тетрадь по литературе, одна по алгебре и почему-то целых две по химии. В химии не содержалось ничего привлекательного и интересного, в алгебре были собраны контрольные работы за десятый класс, достаточно прилично оцененные, но тоже не дающие ничего нового, и единственным приятным сюрпризом оказалась литература. В тетради помещалось два больших сочинения: одно по Пушкину, второе по Толстому, отмеченные одинаково: «пять» стояло по литературе, и «четыре» – по русскому языку. Стиль был достаточно ясный и свободный, так мог мыслить и писать только человек, явно превосходящий и выделяющийся на общем фоне своего времени: идеология не затушёвывала главных идей и того, разбором чего он занимался в рамках сочинения. Судя по почерку, он был достаточно уверенным и знающим себе цену человеком: буквы были маленькие, но чёткие, и не сливались, а наоборот расталкивали друг друга, и особенно выделялась округлостью буква «о». Специалистам, возможно, анализ дал бы гораздо больше, но основное я понимал и так; хотя и жалко было пятьдесят долларов, но трата выглядела ненапрасной, и если последняя тетрадь с воспоминаниями

учителя на самом деле содержала то, что он продекларировал час назад, то визит я мог считать безусловной удачей.

Я бросил взгляд на часы: нужно было ехать в издательство, одно из нескольких, заинтересовавшихся моим предложением. Почти два часа сидел я вчера у телефона, вспоминая более-менее приличные фирмы, могущие клюнуть на книгу о Р.; во всех случаях равнодушно отказывались, выяснив тему и моё положение, не говорившее им ничего и не обещавшее быстрого несомненного успеха, который можно было бы выразить заранее определённой суммой. Тогда мне пришлось изменить тактику: я стал говорить, что это будет книга о личной жизни Р., со всеми деталями и подробностями, включая его бесчисленные романы и любовные связи, почти не отражённые в существующей литературе. Разговоры пошли интереснее: теперь меня выслушивали до конца, вызывая в отдельных случаях даже более ответственных работников, с которыми я продолжал беседу. Этого следовало ожидать: я сам удивлялся собственной недогадливости, чуть не загубившей только намечающиеся контакты с издателями. Я, конечно, не собирался делать главным в книге именно скрытую от других сторону жизни Р., моя цель состояла в другом – освободить её от слоя лжи и недосказанности – но для частных издательств лучше было придерживаться как раз такой легенды, сулящей определённую выгоду.

После двух с лишним часов сидения у телефона я всё-таки составил небольшой список: три издательства готовы были

вести переговоры, и встреча в первом из них намечалась уже на сегодня, на три часа дня. Стоило перекусить что-нибудь по дороге, времени оставалось не так уж много, и я собрал дневники, журналы и тетради: с воспоминаниями учителя у меня не было возможности знакомиться именно сейчас, и приходилось отложить это на вечер.

У метро я нашёл закусочную и торопливо сжевал несколько бутербродов с фруктовой водой. Распорядок дня был слишком напряжённый, чтобы много внимания уделять еде, впереди была ещё неизвестная мне дорога на самую окраину города, и я спешил на встречу, имевшую такое важное значение.

Но сегодня оказался не слишком удачный день, и автобус завёз меня немножко в другую сторону, и к дому, где находилось издательство, я добрался в десять минут четвёртого. Далёко не сразу мне удалось определить его местонахождение; наконец меня послали в обход: оно размещалось где-то в подземной части здания.

Табличка висела на двери среднего из трёх подвалов, я осторожно спустился: высокие неудобные ступени вели прямо и потом направо; за дверью находился маленький зал, заваленный литературой: стены были заставлены полками и стеллажами, и можно было спокойно ходить и смотреть всё выставленное на продажу. Две продавщицы за прилавком зорко наблюдали за старичком, копавшимся в дальнем от них углу. – «Извините, мне было назначено сегодня на три

часа.» – «Назначено кем?» – «Вашим издательством. По-моему, я говорил с Ириной Сергеевной.» – Одна из продавщиц – постарше – сразу ожила. – «Проходите через эту дверь: прямо по коридору, а дальше разберётесь.» – Она подняла доску и пропустила меня за прилавок, и пока вторая не спускала взгляда с единственного посетителя, я прошёл мимо стройных штабелей к маленькой дверце, где пришлось даже пригнуться, чтобы перелезть через порог, и пошёл по полутёмному коридорчику.

Справа и слева находились двери, но мне нужно было прямо; за дверью с названием издательства коридорчик сворачивал налево, и только там я обнаружил признаки цивилизации: опять-таки за дверью находилась светлая комната, в которой за огромным заваленным бумагами столом сидела женщина. – «Здравствуйте, вы Ирина Сергеевна?» – «Да.» – «Мне назначено на три часа. Простите, пока я нашёл ваше обиталище, прошло уже...» – «Да, что-то вы поздновато. Слава богу, других встреч на ближайшие два часа не запланировано. А то бы пришлось вам – договариваться ещё раз. У нас серьёзная организация, не как у некоторых... Так что вы хотели нам предложить?» – «Я, собственно, работаю журналистом, – я назвал издание, – и немножко занимаюсь литературой; я собираюсь заняться книгой – биографической. Вы, наверно, хорошо знаете, насколько актёр Р. популярен в стране, да и за границей он тоже, по-моему, признан: один из немногих. Так что я собираюсь сделать книгу о нём.» – «Ну

что же, у нас было несколько изданий такого типа. Но знаете: такие вопросы у нас обсуждаются с редакторами – как минимум. Или нет: мы же назначили вам встречу с заместителем генерального – он ждёт вас. Кстати – он наш выдающийся писатель: Георгий Михайлович – надеюсь, вы слышали?» – Я отрицательно помотал головой. – «Ладно, а я лишь секретарь. Нет, но вы правда не слышали?» – «Извините, нет.» – «Ладно, бог с вами: идите в ту дверь, и по коридору вторая дверь справа. Там написано: зам генерального директора.» – Она показала пальцем направление. – «Спасибо. И ещё раз извините.»

Выдающийся писатель сидел за столом и сосредоточенно работал на персоналке, и только когда я поздоровался и вошёл, он немножко отвлёкся и показал рукой на стул рядом, и краем глаза я заметил наконец картинку: он резался в один из вариантов тетриса, забравшись очень далеко, но из-за моего прихода фигурки посыпались беспорядочно и он сделал несколько ошибок, фатальных для продолжения действия. Звякнуло «гейм овер», и он вышел из игры, не слишком довольный поглядывая на меня: возможно, я помешал ему поставить новый рекорд. Он выключил персоналку и сложил руки, готовый к разговору. – «Вы по какому делу?» – «Извините, мне было назначено на три, но пока я нашёл ваш дом, а потом ещё и подвал, прошло слишком много...» – «Да, уже половина четвёртого.» – Он порылся в бумагах на столе. – «У вас было предложение по поводу книги... Перевод?» –

«Нет, биография: биография Р., одного из лучших актёров последнего времени.» – «Ну что же, покажите.» – Я испуганно уставился на него, но он водил глазами по столу, и не замечал моей реакции. – «Показывайте, показывайте.» – «Дело в том, что я только собираюсь её написать.» – Он устало зевнул и поморщился. – «И это всё, что вы можете нам предложить?» – «У меня есть начало, – я стал выпутываться и импровизировать, – но это не самое главное. Я собираюсь делать не просто книгу о Р. – что было бы слишком просто и тривиально – я собираюсь делать книгу о личной жизни Р. – прежде всего, и о том, как личная жизнь оказалась связана с его творчеством. Я надеюсь, вы слышали кое-что о его похождениях, и не кажется ли вам, что лучшей приманки трудно будет пожелать? то есть коммерческая сторона будет достаточно надёжной и основательной.» – «Насколько я помню, уже выпускалась одна биография Р.» – «Да, я знаю и автора, и других заинтересованных людей: автором был А., но вся его книга – одни подтасовки и приукрашивания. Я могу это даже доказать: в том числе документально.» – «А. – большой человек.» – Он задумался и откинулся на спинку кресла: возможно, он прикидывал, не слишком ли опасно будет выступить против такого авторитета и не вызовет ли это нежелательных последствий. Размышлял он недолго, и наконец вернулся к разговору. – «Вообще предложение может оказаться интересным. А что у вас там насчёт документов?» – «Есть кое-что: особенно связанное с ранними года-

ми. И я не сомневаюсь, что ещё достану.» – «И откуда же?» – «Я уже много лет собираю материалы и давно, можно сказать, готовлюсь. Несколько адресов близких Р. людей у меня есть, и кое с кем я уже встречался, так что информация у меня самая достоверная.» – «А что вы там говорили по поводу коммерческой стороны?» – Он стал доброжелательным и вежливым, и появившийся интерес был явно благоприятной реакцией, которую требовалось поддержать и не дать заглохнуть и угаснуть. – «Вы конечно же слышали бесчисленные слухи и сплетни о бурной личной жизни Р.? У него было три жены, и никто не знает точно сколько любовниц и подруг: такой человек мог себе подобное позволить, хотя в те времена это находило немного не тот приём.» – Он внимательно слушал меня, поигрывая карандашом, подобранным на столе; им он делал иногда заметки на листке бумаги: возможно, связанные с моими объяснениями. – «Но сейчас, конечно, всё изменилось, и чем другим можно привлечь такой читательский интерес, как не любовными похождениями? К сожалению, вторая жена Р. умерла – что я знаю точно – но остались ещё две, а через друзей я надеюсь найти кого-нибудь из старых знакомых, и – внимание! – есть ещё кое-что.» – Он сразу насторожился: этот мужчина среагировал удивительно легко и свободно: только теперь я заметил его повышенную возбуждённость и интерес к тому, что я рассказывал. Зрачки у него немного расширились, а в углах рта заблестела слюна, и похоже было, что она сейчас закапает на

заваленный бумагой стол, и я остановился, чтобы не доводить его до крайности. – «Собственно, речь идёт о первой любви, или точнее о том, что можно признать как первую любовь, причём – как оказалось – она стала человеком, достигшим тоже известности и кое-каких успехов.» – Возможно, я разочаровал его, и он ждал чего-то более существенного, например, известия о нестандартных связях Р. с приложением списка основных партнёров, но чего не было, того не было: с данной стороны, судя по всему, он был чист, да и зачем ему с его возможностями могло это понадобиться? Насколько я мог судить, Р. были чужды неестественные наклонности и стремления, пусть даже распространённые в его среде больше, чем в других сферах, и вряд ли он стал бы делать то, что не связывалось с глубинными свойствами его характера и кроме того каралось ещё и законом. Его нельзя было обвинить в законопослушности, что доказывалось и поведением в школе, и пьяными дебошами уже во взрослой актёрской жизни, когда несколько раз он даже умудрялся попасть в вытрезвитель, и только великий талант спасал его от серьёзных последствий. Главный режиссёр театра, где Р. проработал почти всю жизнь, всегда приходил на помощь и вытаскивал из самого последнего дерьма, но с другой стороны сам Р., похоже, не чувствовал особых обязательств по отношению к режиссёру, тоже небесталанному и пользовавшемуся определённой известностью. Он мог опоздать или даже вовсе не явиться на репетицию, и все причастные к спек-

таклю люди не знали, что подумать и проклинали в очередной раз ушедшего в загул актёра, но ничего подобного никогда не происходило на спектаклях, и особенно во время премьер: все знали, что в каком бы свинском состоянии ни приползал Р. домой накануне или за несколько дней до того, на сцене он будет пластаться и вытягивать, вздымать действие вверх, на горные вершины, мало кому доступные, и даже если сама пьеса выглядела не слишком удачной, последнее слово и дело было за Р., который спасал от провала даже совсем уж слабое и беспомощное. В конце карьеры близкие к театру драматурги даже использовали это качество, не слишком заботясь о шлифовке своих опусов, но обязательно придумывая роль для Р., одну из центральных в пьесе. Применялся даже шантаж, чтобы заставить его согласиться на роль, и количество разной дребедени, сыгранной к концу карьеры, превысило допустимые размеры. Очень немногие из таких ролей остались в памяти, да и то в-основном благодаря самому Р., его настойчивости и в какой-то степени резкому характеру. Он заставлял переписывать то, что ему не нравилось, и довольно часто зрители, бывшие горячими поклонниками театра или самого Р., видели странное зрелище: от спектакля к спектаклю, с течением времени, текст, звучавший со сцены, понемногу изменялся, почти всегда в лучшую сторону. Начиналось всё с его роли, но поскольку одно связывалось с другим, приходил черёд и других ролей, и вся пьеса уже выглядела по-другому. Кто-то из друзей да-

же шутиливо спрашивал, не возьмёт ли кто-нибудь из близких театру драматургов его в соавторы, но сам Р. не слишком обращал на это внимание и продолжал раздаривать направо и налево свои идеи. Казалось даже странным, что он сам не берётся за такое привычное для него дело, и бывшие друзья и родственники неоднократно намекали, что было бы неплохо увидеть на сцене его собственные творения. Неизвестно было, как Р. относился к таким подначиваниям: его обычно резкий характер не проявлялся в данном случае яркими цветами и гранями, и в воспоминаниях не сохранилось ни одного упоминания о драматургических экспериментах: возможно, здесь скрывалась ещё одна тайна.

Зам генерального был несколько разочарован: когда я коротко рассказывал об однокласснице Р., ставшей потом тоже достаточно известной личностью, он успокоился и опять стал делать заметки на листке бумаги, кивая иногда головой в такт моим мыслям, однако ясно было, что такая новость не вызывает особого интереса и восторга: вполне возможно, что он уже составил примерный ответ на моё предложение. Несмотря на начальную благоприятную реакцию, дело шло не слишком удачно, я уже чувствовал внутреннее недовольство зама, почти со скукой слушающего белиберду о событиях тридцатилетней давности, он уже почти не скрывал, что это ему неинтересно, и я видел, как мои шансы зацепиться здесь уменьшаются и почти приближаются к нулю; надо было что-то делать, и первоначальные идеи не могли

уже помочь и пробить апатию скучающего мастодонта. Я замолчал и весь напрягся, и наконец ассоциации выдернули на поверхность одну случайную догадку, которая могла оказаться в принципе и достоверной. – «Вообще знаете ли, то, что я вам сейчас рассказывал, достаточно обычно и не так интересно. Но есть такая вещь, о которой, по-моему, никто не догадывается. Дело в том, что отец Р. работал в спецслужбе, причём служил там не какой-нибудь мелкой сошкой, нет, он был полковником, и представьте себе картинку: с одной стороны – сын, один из символов вольнодумства и стремления к свободе, и с другой стороны – его отец, призванный со всем этим бороться, и к чему такое противостояние должно было привести.» – «Это вы серьёзно?» – Он бросил карандаш и уставился на меня, пытаюсь, видимо, понять, разыгрываю я его или говорю правду, но явных причин не доверять мне не существовало, и он немного растерянно хлопал глазами: наконец-то я смог заинтересовать его по-настоящему, и дело выглядело уже по-другому. – «Так-так, понимаю.» – «Вам теперь ясно, какую интригу можно тут построить, и ведь это объясняет его мучительные метания, и все его срывы, и бесконечные пьянки, когда он старался забыть о противостоянии – вы подумайте с кем – с родным отцом!» – Я тоже начинал верить в то, что говорил сейчас, придумывая почти на ходу будущую интригу, не уступающую самым лучшим и известным детективам, ну а на собеседника это произвело огромное впечатление: он выпрямился в кресле,

и тоже, возможно, прикидывал, что может дать такой сюжет. Теперь впечатление было сильным и захватывающим, и надо было использовать его до конца. – «Ну так что, такая биография интересует ваше издательство?» – Он очнулся и пожевал губами, возвращаясь с небес на землю, где требовался уже другой, чисто деловой подход. – «Что я могу сказать? Такая книга может заинтересовать наше издательство. Но когда она будет готова?» – Он уставился на меня уже не с недовольством, а с интересом. – «Может, полгода, может – чуть больше.» – «Ну вот тогда и поговорим.» – «А насчёт договора?..» – «Какого договора?» – «Ну, хотя бы предварительного – на издание.» – «Знаете что, мы подобных вещей не делаем: даже с известными писателями. А что уж говорить об изданиях, у которых есть пока только идея? Так что – делайте книгу, а там поглядим. Там видно будет.» – Он заметно торопился, и я встал. – «Делайте, делайте книгу. И знайте, что лучших условий вам сейчас никто не предложит. А в большинстве издательств вас вряд ли станут даже слушать – с одной-то голой идеей.» – Я не знал, так ли это на самом деле, но в ближайшие несколько дней стоило это проверить, и я вежливо попрощался с замом генерального и выдающимся писателем, который на прощание даже привстал с кресла, и обратно по кротовым переходам вылез на улицу. День кончился, и это было последнее дело на сегодня. Уже можно было открывать списки приобретений и потерь, куда попадало то, что я отдал и получил в квартире бывше-

го учителя; но нельзя было забывать и опыта, полученного в издательстве: их не интересовал Р. как личность, и главным выглядело всё скандальное и тайное, что было с ним связано, и к воссозданию чего я неожиданно сам приложил руку. Теперь нельзя было отступать, и мои поиски получали определённую направленность, так явно расходившуюся с первоначальным замыслом, понемногу тускневшим и уступавшим место другой реальности, жестокой и неприятной и мне, будущему её создателю, и возможно, многим другим, ждущим от искусства немного света и тепла.

Домой я добрался почти в шесть часов, когда ещё всюду светило солнце и было душно, как в конце лета. В квартире стояла тишина, родители уехали в деревню на месяц, чтобы заниматься овощами и фруктами, и я мог сосредоточиться на своём деле. Я быстро разогрел и поел приготовленное заранее, и занялся тетрадью с воспоминаниями учителя: надо было наконец узнать, за что я отдал деньги.

Тетрадь была тонкая, в двенадцать листов, разлинованных в клетку, но заполнена она оказалась не до конца, а чуть больше чем наполовину: видимо, не так уж много мог вспомнить учитель о своём великом ученике. На обложке стояла фамилия и цифра «три» – порядковый номер тетради во внутренней иерархии учительского архива, а на обратной стороне обложки – дата записи: число примерно десятилетней давности. То есть записи отделяло от событий больше

двадцати лет, на которые наверняка выросли поздние наслоения.

Как я и слышал в школе, учитель на самом деле оказался классным руководителем Р., в записях об этом было сказано ясно и с понятной гордостью. Класс, где учился Р., он принял, когда они уже перевалили за середину и приближались к концу обучения, что оказалось связано с реорганизацией школьной системы и объединением в одних классах мальчиков и девочек; ему достались последние три года классного руководства у Р., и возможно, поэтому его записки ограничивались этим сроком.

Всё было навалено в одну беспорядочную кучу, и мне пришлось разделять истории и случаи, раскладывать их по отдельным полочкам, чтобы потом можно было легко найти необходимое. Начиналось всё с учёбы и поведения героя: учился он вначале хорошо, хотя способности позволяли бы ему быть лучшим в классе, но подводила небрежность и необязательность: он мог блеснуть на одном занятии, а на следующем забыть прочесть какой-нибудь параграф и долго пытаться выкрутиться, что не всегда приводило к успеху. «Пятёрки» иногда перемежались «тройками» и даже ещё худшими оценками, и в классе он был вначале чуть выше среднего уровня. По поводу поведения мнения учителей разделялись: для кого-то его беззлобные шутки были всего лишь развлечением, а кто-то воспринимал их слишком серьёзно и соответствующим образом отмечал в журнале и

дневнике: не случайно я наткнулся на несколько таких записей, обличавших Р. и дававших повод для вызова родителей. Сам учитель не был таким уж строгим педагогом, и прорабатывал героя только по необходимости, являясь его классным руководителем.

Но к концу учёбы поведение Р. стало неожиданно ухудшаться, пока однажды не обнаружилась ужасная вещь: оказывается, он прогуливал занятия, причём достаточно давно и достаточно регулярно, пользуясь добротой матери, покрывавшей грехи с помощью записок учителям. Все были шокированы, и даже мать, не ожидавшая такого размаха преступлений, а по результатам расследования открылось ещё более страшное: вместо занятий в школе он посещал читальные залы различных библиотек, зачитываясь литературой прошлых веков и нового времени, всех эпох и всех народов, на что, естественно, не хватало и не могло хватить времени, остававшегося после занятий. В присутствии директора, завуча и классного руководителя Р. дали понять, что с такими замашками он вряд ли сможет закончить десять классов, и даже был специально выделен испытательный срок, по итогам которого должна была определиться его судьба. Видимо, испытание завершилось удачно, но отношения со многими учителями, узнавшими, чему Р. предпочитал общение с ними, оказались испорчены, и многие стали его сознательно заваливать, действуя по принципу «кто не с нами, тот против нас». Теперь он переместился в худшую половину клас-

са, то есть если лучшей половине оценки немного повышались – часто неосознанно – то другой части приходилось бороться за выживание в явно неблагоприятных условиях, и если учесть равнодушие и неактивность Р., то можно было понять тяжесть его положения в самом конце школы. В записках упоминалось об открытой вражде Р. с главным идеологом школы – учительницей истории – приведшей к появлению даже «трояков» в окончательном аттестате. Видимо, она взяла на себя нелёгкую задачу по борьбе с паршивыми овцами в благородном стаде, и Р. стал одной из главных мишеней и самой заметной паршивой овцой.

Но школу ему всё-таки дали закончить, и главной причиной было, видимо, высокое положение отца, не позволявшее окончательно добить Р. и избавиться от него. Судя по запискам, старый учитель чаще защищал его, и не все в школе были настроены против, но положение не позволяло заступникам заметно влиять на его судьбу.

Кроме самого общего рассказа о последних годах в школе я выделил несколько отдельных эпизодов, косвенно подтверждающих его высокое будущее, хотя конечно, далеко не все понимали это. Первой оказалась история о летней обязательной практике после девятого класса, когда весь класс работал на заводе. Учитель не упоминал, что это был за завод и чем там все занимались, только к концу практики обнаружилось, что Р. заработал в два или три раза больше одноклассников. Учитель был удивлён и в качестве классного

руководителя сделал запрос: от него зависела оценка по трудовому обучению, но всё оказалось верно, и пришлось подкорректировать не самую лучшую оценку по предмету.

Потом шли воспоминания о каком-то интеллектуальном турнире в классе: требовалось что-то вспомнить, отгадывать или уже заранее знать, и здесь проявилось полное и подавляющее преимущество Р. по всем разделам над одноклассниками: знал он больше всех, и лучше других реагировал на неожиданные вопросы, но сильнее всего превосходство проявилось в том, что было связано с памятью: он просто задавил всех, и даже классный руководитель, знавший по идее своих подшефных, был поражён таким несоответствием школьных успехов неформальному состязанию. Возможно, после этого учителю стало кое-что понятно, но и он, конечно, не смог бы предположить будущего взлёта, тем более что сам Р. – насколько мне было известно – тогда не думал об актёрской карьере.

Третий случай – подтверждавший предыдущее – произошёл в десятом классе. Насколько можно было понять, из-за участвовавших случаев воровства вещей из раздевалки в школе организовали дежурство старшеклассников, освобождая их на отдельные занятия; во время одного такого дежурства Р. проявил бдительность и не позволил совершиться преступлению, хотя и не смог задержать предполагаемого вора. Случай не имел особых последствий, и только в совокупности со всем остальным давал возможность понять и

оценить потенциал и неслучайность того, что случилось с ним потом.

Помимо этих эпизодов, в нескольких местах проскальзывали намёки, из которых можно было понять, что в идеологическом плане Р. считался неясной и даже ненадёжной личностью; соответствующие службы имели такую информацию, хотя и сложно было понять, в чём неблагонадёжность проявлялась, но, видимо, на отношения с главным идеологом школы это накладывало отпечаток, что стало причиной появления злосчастных «трояков» в аттестате. Трудно было поверить, что человек, обладавший лучшей в классе памятью и сообразительностью, не мог выучить того, что изучалось на занятиях по истории и обществоведению, и причины, очевидно, крылись совсем в другом. Представляю, как могла выглядеть его характеристика после окончания школы: с одной стороны – неблагонадёжность с точки зрения идеологии, с другой стороны – неактивность и незаинтересованность во всём, что касается учёбы и общественной жизни, и даже общие способности вряд ли могли заметно улучшить такое подобие волчьего билета – но удивительно! – он поступил в институт – пока не театральный – с первого же захода. Здесь была уже другая история жизни Р., тоже не до конца ясная, но всё-таки я точно знал, что сразу после десятого класса он поступил в обычный инженерный институт, который затем бросил, не доучившись даже первого семестра, а через несколько месяцев неожиданно для всех с блеском сдал эк-

замены в театральный институт.

Я узнал достаточно много нового, однако одна сторона жизни Р. почему-то пропускалась: речь шла, конечно, о его отношениях с одноклассницами. По непонятной причине то, о чём с интересом говорила завуч, совсем не отражалось в воспоминаниях учителя, и данный пробел надо было восполнять из других источников. К счастью, у меня имелся адрес первой жены героя, которая могла что-нибудь знать по этому поводу; расследование желательно было проводить последовательно, в хронологическом порядке, чтобы иметь возможность понять побудительные причины его действий и поступков, далеко не всегда простых и внешне логичных. Почему он выбрал инженерный институт и конкретно тот факультет, хотя никогда не имел склонностей к предстоящей работе, и почему бросил его так быстро, и чем он занимался несколько странных месяцев перед поступлением в театральный институт, а то, что он занимался, и, видимо, много и напряжённо работал, было ясно из результата, но почему-то нигде об этом не говорилось ни слова, как будто эти месяцы были просто вычеркнуты из его жизни. И чем была обусловлена его первая ранняя женитьба, и сразу после уход из дома родителей к жене: наверняка у него дома условия выглядели намного благоприятнее, однако почему-то он выбрал трудную жизнь с большими материальными сложностями, с которыми опять-таки непонятно как справлялся. Надо было идти на контакт с первой женой, жившей совсем рядом с го-

родом, но не имевшей телефона: завтра утром я собирался выбраться туда, хотя и не знал ещё, застану ли её дома; приходилось рисковать, но на худой конец можно было оставить записку или съездить за город ещё два-три раза.

Я слишком долго занимался анализом и изучением записок, и мысленным построением каких-то будущих связей, и не сразу услышал, как надрывается телефон. Он прозвонил уже раз пять или шесть, и можно было ожидать, что сейчас замолкнет, но человек проявлял настырность, и пока я не торопясь подходил, гадая, кто бы это мог быть, он не остановился. – «Алло?» – На другом конце молчали. – «Я вас слушаю.» – «Слушай, ты, собиратель жареных фактов, если ты ещё сунешься куда-нибудь со своими расспросами, то тебе будет плохо. Тебе ясно?» – «Это кто говорит?» – «Кто надо.» – Голос был грубоват и явно принадлежал человеку немолодому. – «Я вас не понял.» – «Чтоб больше никаких шевелений и расспросов по поводу Р. не было. Теперь ясно?» – «Но это же редакционное задание.» – «Сказки можешь дяде рассказывать, а здесь люди серьёзные.» – «А вы, извините, от кого?» – «Кто много знает, тот долго не живёт.» – «И всё-таки?» – «Считай это первым предупреждением.» – Трубку повесили, и я остался один, в тишине и молчании, теперь пугающем, поскольку появился новый фактор, препятствие на и так нелёгком пути, пока неизвестно насколько опасное, но если после первых же трёх дней розысков стал возможен такой звонок, это значило, что я кому-то

хорошо наступил на больное место и кое-чего достиг, и не было смысла останавливаться в самом начале, а надо было так же последовательно и упорно двигаться дальше.

Из двух вариантов я выбрал всё-таки электричку: из-за надёжности расписания и потому, что знал этот вокзал и раньше, а автобус требовалось ещё найти, отыскать в навверняка пёстрой мешанине и хаосе. Я обдумывал вчерашний звонок: не очень понятно было, кому я мог помешать, причём настолько, чтобы устраивать представление и запугивать после первых трёх дней активной работы. Я вспомнил всех, с кем общался: мой главный редактор, Б., завуч, старый учитель и потом редактор в издательстве, вряд ли заинтересованный в давлении на меня. Моему главному не было смысла звонить таким вот образом: он мог просто аннулировать мою командировку и вызвать на работу, чтобы там уже обсудить возникшие сложности с глазу на глаз. Спившийся учитель тоже выглядел непричастным: какой смысл ему-то было лезть в кашу, совершенно для него постороннюю и далёкую, особенно после того, как он получил деньги. Оставались двое, причём если Б. выступал как окончательная инстанция, то за спиной завуча маячило ещё одно заинтересованное лицо – А., предполагаемая связь с которым помогла мне так легко выудить из завуча кучу информации. Насколько можно было понять, я имел дело с одним из двух главных специалистов по Р.: этот человек умудрился где-то добыть но-

мер моего телефона, который я не оставлял ни Б., ни завучу, то есть возможности недоброжелателя выглядели серьёзно, но понять, кто же это – А. или Б. – казалось невозможно. Оба не были заинтересованы в появлении ещё одного конкурента и могли в принципе организовать звонок – а звонил – очевидно – посторонний, но слишком уж большое значение уделялось мне и непомерно выглядели меры предосторожности: можно было подумать, что я пытаюсь открыть какую-то неприятную и даже опасную тайну, будто не было уже выпущено большое количество биографических материалов по Р. Хотя оказалось, что слишком многое было оставлено за границами, и прежде всего то, что могло привести к негативному восприятию самого Р., особенно в глазах недалёких поклонников: его отношения с окружением не самого высокого интеллектуального и морального уровня могли показаться подтверждением его низких качеств, но на самом деле всё здесь было намного сложнее: просто его превосходство почти во всём натыкалось на глухую стену непонимания и неодобрения, особенно со стороны пожилых, привыкших немножко к другому людей: его внешняя непочтительность, видимо, определялась не хамством или прочими качествами, а стремлением к справедливости, часто несоединимым со сложившимися тогда отношениями, и когда он называл вещи своими именами, это далеко не всегда находило нужный приём.

Оставалась ещё загадка: каким образом звонивший мне и

тот, кто стоял за ним, узнали, что я выполняю не редакционное задание: фактически под таким удобным соусом я пытался реализовать давнюю, ещё в университете намечавшуюся идею; только мой главный редактор и редактор в издательстве знали точно, что целью должна стать книга. Получалось, что кто-то из недоброжелателей вышел на моего шефа, потому что издательство почти наверняка исключалось, если, конечно, мой прошлый собеседник – «выдающийся писатель» – не связался сам с А. или Б. Но подобное выглядело маловероятно, и какой смысл ему было соваться не в своё дело; единственный вариант – если только он близко знал того или другого, и источник утечки можно было вычислить. Этим я собирался заняться завтра, а сейчас я ехал к первой жене Р., жившей совсем недалеко от города. Подошла нужная станция, я вышел из поезда на платформу, как и в городе заставленную ларьками и забитую людьми, и спросил у старушки, где находится нужная улица. Старушка показала, я поблагодарил и двинулся по переходу на другую сторону. Насколько я понял, улица находилась недалеко, но я на всякий случай ещё раз узнал – теперь у мужчины – адрес: всё оказалось верно, я двигался в правильном направлении. Улица оказалась грязным тупиком с двух- и трёхэтажными домами по бокам, а место тротуара занимали кусты, вымахавшие у самой обочины. Пока не было машин я быстро добежал по дороге до здания с нужным номером и нашёл наконец узкий проход через заляпанную грязью зелень. Подход к

зданию был засыпан щебёнкой, а нужная квартира находилась на втором этаже. Лестница выглядела убогой и обшарпанной, даже два человека не смогли бы разминуться здесь, и учительская хрущёба казалась почти небоскрёбом по сравнению с обиталищем Ирины Ивановны, бывшей первой жены моего героя.

Звонил я недолго, даже у порога можно было услышать музыку и голоса, хотя и не совсем ясно было, откуда они исходят, но когда дверь открылась, я понял, что мне повезло. Бормотало и изливалось радио: из-за звукопроницаемости стен можно было подумать, что там разговаривают несколько человек, но на пороге стояла только невысокая пожилая женщина. – «Здравствуйте, извините, вы Ирина Ивановна?» – «Да. Что вам нужно?» – «Хороший вопрос. Я журналист. Журналист и писатель – но в данном случае главное – первое. Меня интересует ваш первый муж...» – «Это какой же? Наверно, Р.?» – «Да, он. Мы можем поговорить подробно? Если это вас не затруднит.» – Она застыла, возможно, прикидывая будущие результаты и последствия, а потом улыбнулась и отошла в сторону, давая мне пройти. Впереди стояла стенка, я свернул направо: прямо по ходу теперь находилась кухня, а налево открывался широкий проход в комнату. – «Проходите и садитесь: можно на диван или в кресло.» – Я снял ботинки и прошёл по ковру к креслу: так было удобнее, а на соседнем столике можно было разместить блокнот и записывать информацию.

«А вы неплохо устроились. Вы живёте одна?» – Она уже сидела на диване и смотрела на меня. – «Да как сказать. Можно считать, что да.» – Я хмыкнул и стал осматриваться: напротив меня пространство между окнами занимал сервант, справа находилось ещё окно, а слева на диване вольно раскинулась не такая уж старая, как можно было подумать вначале, женщина.

Я достал ручку и блокнот. – «Видите ли в чём дело, я собираю материалы о жизни и творчестве Р. Меня интересует подробная информация, а вы, насколько мне известно, одна из немногих, знавших Р. с юности.» – «Ну, это вы преувеличиваете. А его дружки?» – «Дружками я ещё займусь. А вы как-никак были его женой – по-моему, в течение трёх лет?» – «Нет, меньше: два года, даже ещё меньше.» – «Так-так, а почему же в книге – биографии Р. – написано, что первый брак продолжался три года?» – «По документам – три года, но на самом деле...» – Она передёрнулась и скривила лицо. – «Вот в чём дело... Он от вас ушёл?» – «Нет. Куда ему было уходить?» – «К родителям, конечно.» – «Да нет, к каким родителям. Он не мог этого сделать.» – «Почему же?» – «А вы что, не знаете? Он так разругался с отцом, что потом не мог с ним встречаться.» – «Извините, я об этом впервые слышу. А почему он... поссорился?» – Она с интересом рассматривала меня. – «Такой образованный, книги читает, а о таком не слышал?...» – «В книге об этом ничего не написано. И в статьях тоже, кстати.» – «Ну ладно. А за-

чем вам это знать?» – «Видите ли, всё, что пока написано об Р. – насколько я могу судить – слишком неполно и отрывочно. Например, из той самой книги, о которой я говорил – она, кстати, пока единственная – совершенно невозможно понять мотивы его поступков. Например: зачем он поступил в институт на специальность, к которой не имел – насколько мне известно – никакого призвания, и почему почти сразу бросил. Потом: каким-то образом он проскочил мимо армии – в те-то времена, не имея для этого веских оснований. И ещё...» – «Насчёт армии – это просто. У него было плоско-стопие, и потом ему помогли родители и кто-то ещё: по-моему, из дальних родственников.» – «Ага, ещё один момент: значит, у него есть дальние родственники?» – «А может, я и путаю. Да и кому это надо?» – «Надо. Всем его поклонникам и поклонницам.» – «Ну, его поклонницам требовалось от него другое.» – Я сначала не понял. – «Как вы сказали?» – Она оживилась и привстала: теперь она была в игривом настроении. – «А что я сказала? Я сказала правду: поклонницам требовалось от него нечто другое. Вы что же, не знаете об этом? Какой воспитанный и симпатичный молодой человек...» – Она уже стояла и поигрывала цепочкой, выуженной из кармана. – «А я не стесняюсь и всем об этом говорю: да, он был бабником, и бабником высшего класса. И то, что мне удалось удерживать его два года, совсем не так уж мало. У многих дело дальше первой ночи не продвигалось.» – «Вы так спокойно обо всём рассказываете...» – «А что же мне:

грустить прикажете? Пускай другие грустят, а я своё от него получила, да и потом: то, что я с ним просто познакомилась, уже была чистая случайность.» – «Расскажите, пожалуйста, поподробнее.» – «Такому милому мальчику? с удовольствием.» – Она прошла по комнате и села на стул напротив меня, заложив ногу за ногу. – «Вы не курите? Сигареткой не угостите?» – «Нет, извините, нет.» – «Жаль.» – Она обернулась к серванту и, порывшись на полке в вещах, достала пачку «Явы» и коробок. – «Предпочитаю наши. Хотя от других тоже не отказываюсь. Так о чём мы?» – «О знакомстве с Р.» – «Обычная, знаете, история: парк, весна, две девушки, два молодых человека. Я была с подругой, но он выбрал меня.» – «Он долго за вами ухаживал?» – «Нет, терпеливостью и скромностью он никогда не отличался. Да и кто мог ему отказать?» – «Ну, не все же были такими слабыми и беспомощными. Разве у него отсутствовали неудачи?» – Она неожиданно закинула голову назад и засмеялась, как будто я сказал глупость или что-то неправильное, но потом резко остановилась. – «Вы спрашиваете меня так, как будто я прожила с ним всю жизнь и была поверенной во всех его интрижках и увлечениях. Насколько я понимаю, он вначале ещё не был таким... охотником, и только входил во вкус. И во всяком случае о чём-то таком реальном я узнала только через полтора года после свадьбы.» – «Расскажите, пожалуйста, поподробнее.» – «Как я узнала?» – «Нет, о свадьбе.» – «Ничего особенного: обычная свадьба в кругу семьи и знакомых. От-

да он, правда, не приглашал.» – «А его мать?» – «Она была. Очень приличная женщина.» – «У вас сложились хорошие отношения?» – «Можно сказать, что да. Только у неё были немного аристократические замашки.» – «То есть?» – «Ну, например, ей не нравилось моё образование и воспитание. Я кончала техникум, а она хотела большего.» – «А кем вы работали?» – «Продавщицей – не в продовольственном, а в промтоварном магазине. Да и сейчас тоже. А что работа? Нормальная работа.» – Она передёрнула плечами и стряхнула пепел на ковёр, и так не слишком чистый, но, похоже, чистота мало её занимала: в одном углу я заметил апельсиновую кожуру, и кроме того рядом с диваном валялась пробка от бутылки. Сами бутылки наверняка размещались где-то рядом, например в серванте напротив, но я не стал выяснять этого, не за этим я сюда пришёл. – «Хорошо, а какие отношения у него сложились с отцом?» – «Мерзкие. Или, наверно, никаких не было. Они ведь поссорились и – по моему – даже не общались: во всяком случае я при встречах не присутствовала.» – «А по какой причине, вы не могли бы сказать?» – «Насколько я понимаю, Р. считался паршивой овцой в своём кругу.» – «Вы ничего не путаете? Это достаточно серьёзное обвинение.» – «Как же я могу путать, если он мне сам говорил?» – «А что он думал?» – «А что он мог думать? Он называл их свиньями и подлецами – кроме матери, конечно. И я с ним была согласна.» – «Это связывалось с идеологией?» – «С чем, с чем?» – «Ну, он же счи-

тался неблагонадёжным – ещё в школе – из-за чего у него могли даже появиться трудности при поступлении в институт.» – «Может быть, может быть, точно не знаю. Да, по поводу института: он поступил туда, чтобы доказать им, на что он способен.» – «И как всё происходило?» – «Не знаю, мы познакомились уже после того, как он поступил.» – «Так-так, интересно, значит потом он переехал к вам и жил с вами два или... три года?» – «Да.» – «И что же происходило тогда?» – «По-моему, он даже и не посещал занятия. И ничего удивительного, что экзамены он и не пытался сдавать.» – «То есть?» – «Ну, он просто забрал документы.» – «А чем же он занимался?» – «Это вы у его дружков спросите. Меня он редко куда приглашал.» – «Хорошо, а адреса какие-нибудь у вас сохранились?» – «Да есть одного... забулдыги.» – «Чем же он вам так не угодил?» – «Всем!» – Она почти выкрикнула слово, и потянулась опять к пачке сигарет. Пальцы немного дрожали, и она не сразу зажгла спичку и затянулась противным вонючим дымом, от которого стала нервно кашлять и захрипела. Судя по реакции, она была не слишком высокого мнения о близких Р. людях, что согласовывалось с отзывами и других людей, но всё равно было не слишком приятно видеть ещё одного опустившегося человека, имеющего отношение к старому образу великого человека, оставившего такой заметный след в истории и осветившего нашу юность. Судя по её словам, где-то жил старый друг Р., и нужно было безусловно выйти на него, потому что, похоже, с

женщинами у Р. отношения складывались не слишком доверительно. – «Это очень интересно. А вы не могли бы мне его дать?» – «А? Пожалуйста.» – Она встала и открыла сервант, уже в средней его части; почти целиком он оказался забит журналами и старой бумагой, в которой она какое-то время копалась, сначала в одном месте, потом в другом, пониже. Из кучи она наконец достала старую записную книжку, растрёпанную и треснувшую в нескольких местах, и полистала её. – «Сейчас найду. Вот, записывайте.» – Она положила её на столик передо мной, показывая пальцем нужное место, и я быстро переписал адрес и телефон в блокнот: адрес был московский, хотя и незнакомый, видимо, где-то на окраине.

«А теперь: не хотите ли выпить за знакомство? Я угощаю.» – Она засунула книжку обратно и полезла в самую нижнюю часть. – «Помогите мне.» – «А может не надо?» – Она уже достала бутылку с вином – похоже, портвейном – и мне пришлось быстро встать и забрать у неё напиток, чтобы она могла взять стаканы и что-то из закуски. Она поставила всё на столик и придвинула стул, на котором сидела. – «Пухаживайте за бедной одинокой женщиной.» – «А вы живёте одна?» – «Ну конечно. Разве здесь есть ещё чьи-то следы? Кому нужна старая одинокая женщина?» – Она хитро подмигнула, и я включился в игру. – «Какая же вы старая? Насчёт одиночества я, правда, ничего не могу сказать, но по поводу остального вы напрасно на себя наговариваете.» – «Да? Спасибо.» – Она улыбнулась. – «Наливай. И чувствуй себя

как дома.» – Ясно видно было, куда она старается направить разговор, и следовало спешить, пока она совсем не отвлеклась от главного для меня дела. – «Хорошо. Сейчас.» – Я плеснул совсем немного в её стакан – который она держала наготове – и столько же в свой собственный. – «И всё-таки подождите: вы ещё не всё мне рассказали.» – «Да? И что же... тебя интересует?» – «В-основном те несколько месяцев, которые он где-то проболтался после ухода из института. И каким образом он смог поступить в театральный – совсем уже непонятно.» – Она неохотно отставила стакан. – «Опять о том же самом.» – Она зевнула. – «Да не было там ничего такого. Ну шлялся он сначала по компаниям – но это ведь и раньше было.» – «Пил?» – «Пил, пил, ещё и не то делал.» – «Но каким образом он умудрился подготовиться к вступительным экзаменам, и подготовиться так, что выдержал их – при диком-то конкурсе?» – Я мог добавить ещё десяток отягчающих факторов, но и без них событие выглядело непонятно и почти подозрительно, усиливаясь явно ещё и почти доказанной близостью спецслужб и спецорганов, которые могли оказать как отрицательное, так и наоборот положительное влияние почти на любого человека в этой стране в те годы. Совершенно не задумываясь, я снова, уже не первый раз, сделал слишком смелое предположение, за которым могло следовать что угодно – подтверждение или наоборот полный отказ от него – в любом случае поиски и тыканья даже в неудачных направлениях могли вытащить на свет что-то

другое, о чём я мог просто не подозревать раньше. – «Вы напрасно так к нему относитесь – с недоверием и предубеждённостью. Он всё мог – и даже то, чего он добился – я уверена – не было его пределом. Я думаю, что в институте это сразу почувствовали и дали ему возможность – даже если он чего-то и не умел в тот момент – показать себя в другом, более убедительном и близком, и на этом он по-моему и вылез.» – Пока она говорила, я хотел встрять и выразить несогласие с её мнением обо мне, но за массой слов показалось нечто более интересное, и я решил не отвлекаться. – «И что же было ему ближе и доступнее уже тогда, когда он только начинал?» – «А вы не знаете? Он ведь так умел передразнивать и изображать разных людей – что получалось одновременно и похоже, и смешно, но почти всегда никто на него не обижался.» – «Странно, я слышу об этом впервые.» – «Он не всем это показывал, только самым близким людям.» – «А, извините, вас он не передразнивал?» – «Какой любопытный.» – Она подмигнула и взялась за отставленный стакан, чего я всё время опасался, но теперь совсем непросто было остановить её или хотя бы притормозить на небольшое время, пока она не выдаст мне последнее из сохраняемого долгие годы.

«Ну что же ты?..» – Она ждала, что я присоединюсь, но я всё выдерживал и выдерживал паузу, опасаясь скорой и неприятной развязки. – «Сейчас. Но я совсем чуть-чуть.» – Я взялся за стакан, и она сразу стукнула доньшком своей посуды по краю моей, и пока она выпивала, сладко зажму-

рившись, я чуть-чуть пригубил и поставил стакан на стол. – «Но мы ещё не всё выяснили.» – «Это ты о чём? О том же самом?» – «Ну да. Что же он такое делал в те несколько вольных месяцев, о чём никто нигде не упоминает, и о чём вы сказали так пренебрежительно, и, можно сказать, сурово?» – Она недовольно смотрела на меня, почти скорчив гримаску, получившуюся совершенно несознательно и против её воли. Гримаса постепенно исчезла, но недовольства, похоже, осталось ещё слишком много. – «И охота тебе всё лезть и лезть туда, сам не знаешь куда. Иди-ка ты лучше ко мне.» – Она оставила стакан и развела в стороны руки, готовясь принять меня, но я игнорировал предложение. – «Не хочешь? Ну тогда я сама к тебе сяду.» – Она неожиданно шустро вскочила и почти плюхнулась мне на колени, так что я оказался вдавлен в кресло. Но это было не всё, это было начало: она какое-то время вертелась из стороны в сторону, устраиваясь удобнее; потом она повернулась ко мне лицом и опять улыбнулась, обдавая перегаром. Судя по всему, она уже была поддатой, когда я пришёл, но данное обстоятельство я заметил только сейчас: держалась она очень хорошо. – «Ну зачем так? Вы всё-таки тяжёлая.» – «Ах, мой птенчик уже устал, но не может же он обидеть бедную тётю, которая угостила его к тому же такой вкусной водичкой...» – Вино оказалось паршивым, но я решил не обижать хозяйку, чьи реакции вряд ли можно было предсказать заранее; положение выглядело, конечно, неприятным, и требовалось искать выход из него.

«Так вы не хотите мне помочь?» – Она лениво зевнула, и мне осталось только гадать, что означает такая реакция: то ли она значила подтверждение, то ли на самом деле ей было всё равно, и просто она не хотела отвлекаться; при любом из вариантов следовало заканчивать встречу, пока она не зашла слишком далеко. – «Вы тогда лучше встаньте: а то мне тяжело.» – «Как? Встать? Это что же – я тебе не нравлюсь?» – Я помотал головой. – «Брезгуешь, значит?» – Я молчал. – «Ну да: зачем тебе нужна какая-то старуха.» – Она скорчила рожу, сморщившись и на самом деле превратившись в старуху, и приблизила лицо ко мне: вблизи оно выглядело, как может выглядеть лицо пятидесятилетней женщины, и все украшения, скрывавшие на большом расстоянии горькую и неприятную правду, теперь пропали и стали невидными: это была маска старой опустившейся женщины, глазки которой нетвёрдо и неуверенно бегали из стороны в сторону. Мне стало даже жалко её, не рассчитывающую на доброе, и, возможно, единственным светлым пятном в её жизни оставалось недолгое совместное существование с Р., приносившим, как мне казалось, только свет и радость другим людям. Теперь следовало попрощаться и тихо уйти, чтобы оставить в памяти женщину, ставшую первой женой моего героя и кумира: что-то же было в ней такое, что по-настоящему привлекло и остановило Р., и хотя сейчас она, конечно, уже далеко ушла от себя самой тридцатилетней давности, ради Р. надо было оставить о себе хорошую память.

«Вы всё равно меня не напугали и не напугаете.» – Она резко откинулась и уже со странной улыбкой смотрела мне в лицо. – «Разве я хотела напугать такого милого мальчика? Ты всё неправильно понял.» – «Ну почему же? Я понял «всё» правильно.» – «И в чём же дело? Может быть, мы предпочитаем водочку?» – «Извините, мне надо идти. Я сегодня ещё занят. А водку я вообще терпеть не могу.» – Используя момент неприязни, я хотел приподняться, но она не пустила, вцепившись руками мне в рубашку, а когда я попробовал встать, держа её на руках, она так впилась в кресло, повизгивая и пытая от усилий, что я почти сразу бросил дело. – «Ну что вам от меня надо?» – «А? Это уже другой разговор.» – Теперь она выглядела строже и суровее, почти как гордая хозяйка, имеющая дело с просителем. – «Ты, главное, расслабься и успокойся.» – «Но у меня действительно сегодня есть дело.» – «Да?» – Она задумалась. – «Ну хорошо, у такого красивого мальчика наверняка есть какая-нибудь близкая знакомая?» – «Есть.» – «Я так и думала. Но нельзя же, чтобы всё доставалось только кому-то одному, это же несправедливо.» – «Не ваше дело.» – «Как раз очень даже моё, потому что нечасто у меня в гостях бывают такие... симпатичные и приятные молодые люди.» – Похоже, она всерьёз рассчитывала на то, вокруг чего распространяла полупрозрачные намёки и подсказки в течение всей беседы, и надо было выбирать: прорываться силой или соглашаться с таким немного унижительным для меня условием. Скандал казался нежела-

тельным, ведь она могла сделать его достоянием гласности, и тогда на одного врага в моём нелёгком деле стало бы больше, другой же исход мог тоже иметь неприятные последствия: если бы Б. или А. услышали о таком казусе, они могли перекрыть мне доступы и возможности, преподнеся событие в подходящем свете. Оба исхода вели к неудаче, и виновником была пожилая опустившаяся баба, явно перепившая и зашедшая через край.

«А вы не боитесь, что об этом узнают люди, причастные к Р.: я имею в виду хранителей его памяти?» – Если простые уговоры на неё не действовали, следовало попробовать шантаж, пока в лёгкой форме. Она сощурилась и коротко рассмеялась. – «Пускай знают. Я что, не имею права на личную жизнь?» – «В таком виде – нет.» – «Я на всё имею право.» – Неожиданно она приблизила лицо и поцеловала меня: я немножко дёрнулся, и поцелуй пришёлся на подбородок, но хватку она ослабила, и я быстро поднялся и отбежал в угол комнаты. Немного растерянная она сидела, раскорячившись в кресле, и потирала бок, который я зацепил при броске. – «Ну что ты делаешь, дурачок, я всего лишь хотела тебя поцеловать.» – «Обойдусь без ваших поцелуев. Кстати, мне пора.» – Она сразу всполошилась и выскочила из кресла. – «Ну зачем так спешить, подожди, у меня ещё есть кое-что.» – Она открыла нижнюю дверцу серванта, где находились запасы спиртного, и полезла вглубь, гремя бутылками в поисках чего-то нового. – «Где же она была? Ещё на про-

шлой неделе оставалось больше половины.» – Она бормотала, но уже совсем тихо и непонятно для меня, а я примеривался к тому, чтобы быстро взять сумку и подбежать к входной двери, и не попасть в цепкие объятия хозяйки, но она закончила раньше. – «Вот же она. И как я с самого начала забыла? Это только для самых дорогих гостей.» – Она держала в руке длинную здоровую бутылку, в которой я распознал обычную ёмкость для «Наполеона», и, надо думать, именно «Наполеон» был предназначен для самых дорогих гостей. – «А я его всякой ерундой пою.» – «Меньше чем на «Хэнесси» я всё равно не соглашусь.» – Довольная успехом поисков, она уже улыбалась, но потом удивлённо застыла. – «Где же я тебе этот... «Кенеси» достану? Ларьки у нас только на станции.» – «В ларьке вы вряд ли его найдёте.» – «Ну тем более. Так что давай уж пусть будет «Наполеон».» – «Тогда мне пора. Спасибо за угощение. И за информацию тоже.» – Я пошёл к сумке, лежавшей на столике, прикидывая, насколько серьёзно настроена хозяйка и много ли сил придётся затратить на окончательный прорыв, но совершенно неожиданно в дверь зазвонили и забухали ногами. Ломился явно мужчина, но насколько это было серьёзно и в какой степени он имел право на подобное, я не знал, а в реакциях хозяйки было тоже нелегко разобраться: коньяк она поставила на стол рядом с едой и другой бутылкой, и уставилась на дверь, похоже, совершенно не готовая к новому визиту.

Я освоился первым: подбежав к двери, я приподнял со-

бачку замка: гость не ожидал подобного, он вломился и по инерции сделал несколько шагов внутрь, не заметив меня, и уже боковым зрением я увидел сжавшуюся и испуганную хозяйку, поставившую перед собой стул: скорее всего для защиты. Гость же совершенно не стеснялся: уже обернувшись, я смотрел, как он кроет её грязными матерными словами, но, похоже, она привыкла к такому, и опасалась она не слов, а самого гостя. Мужичонка выглядел лет на десять моложе, и преимущество в силе было явно на его стороне: он двигался быстрее, и если бы не моё присутствие и движение, которое я сделал, собираясь забрать сумку, то хозяйке могло достаться намного сильнее. – «Ах ты, вот ты где спрятался...» – Он заметил меня. – «Тихо, тихо, я пришёл по делу, а теперь ухожу.» – «По делу?! Знаю я ваши дела. А ты, потаскуха такая...» – Он раскатывался дальше, обращаясь снова к хозяйке и не стесняясь в выборе слов и определений, а я осторожно и незаметно для него подобрал сумку; теперь он выглядел потише, первый натиск уже прошёл, зато из воплей и криков можно стало кое-что понять: мужичонка оказался официальным сожителем Ирины Ивановны, которая вела себя при нём достаточно свободно и раскованно, и после короткого перечисления её любовных походов можно было сделать вывод, что я очень легко отделался. – «Извините, я пойду.» – Я не стал прислушиваться к тому, что кричал дальше расходившийся гость, и закрыл за собой дверь. Непонятно как я спустился и выбрался из дома: было

жуткое настроение и усталость, как будто я таскал мешки с цементом, и запах бормотухи пропитал всё вокруг и долго не выветривался, когда я шёл по дороге к станции, и единственным, что давало мне силы и надежду, был новый адрес, который я смог выцарапать у слишком любвеобильной и благожелательной хозяйки: с его помощью я надеялся получить информацию такой глубины и достоверности, какую не смогли бы обеспечить десяток завучей и других узких специалистов по жизни и творчеству моего героя и кумира.

На этом мои дела не закончились: сразу после возвращения домой я сделал попытку определить корни и источники грозящей мне опасности. Если виновато было издательство, то угроза исходила от А., чьё имя не нуждалось в представлении, и в таком случае требовалось продолжать поиски возможного союзника, могущего принять мою работу для печати. Я дозвонился сразу, всё та же секретарша сидела у телефона на другом конце и пыталась понять, что же мне от неё надо. Немного завуалированно я прощупывал почву и её отношение ко мне, но никаких изменений по сравнению с позавчерашним днём мне обнаружить не удалось, и, видимо, никаких новых инструкций по поводу обращения со мной она не получала. Это казалось добрым знаком и – судя по всем – издательство и зам генерального не были замешаны и виноваты в позднем звонке с угрозами. Надо думать, неприятности шли от завуча из школы, не захотевшей упустить из

вида такой случай, и наверняка её сильно подогрел скандал, случившийся перед моим бегством. Вполне возможно, что мотивы мести могли возникнуть и у членов комиссии, особенно если у мужчины с усиками не получилось то, на что он так надеялся, и совместные усилия могли помочь им выйти в конце концов на мою газету, и тогда уже дело зависело от реального влияния и власти, которыми обладали новые враги. Судя по всему, им удалось поговорить с моим главным редактором, ведь откуда ещё они знали, что я собираюсь делать книгу: остальные варианты были проверены, или слишком уж невероятным совпадением стала бы утечка по другому каналу. На следующее утро я собирался заглянуть в другое издательство, сейчас же я решил попробовать телефон друга Р., полученный утром: если бы удалось договориться о встрече во второй половине дня, то день можно было бы считать не потерянным напрасно.

Я позвонил и с надеждой вслушивался в длинные гудки, но реакции не было: возможно, друг Р. ещё не пришёл домой. Через полчаса я сделал то же самое; результат повторился. Весь вечер я пытался достать У., но он, похоже, где-то прятался или просто его не было в городе. Я старался не думать, что первая жена Р., возможно, надула меня или случайно подсунула не тот телефон: второй визит мог слишком дорого стоить. Тогда я прикинул, куда ещё имело бы смысл сходить во второй половине дня: на очереди стояли последняя жена Р., его театр и театральный институт, который он в своё

время закончил. Жену я решил оставить на будущее: два дня подряд сложно было переваривать общение с самыми близкими Р. людьми. И театр, и институт находились недалеко от центра, хотя и в разных концах, но логичнее было начать с института, тем более что и новое издательство располагалось где-то в пределах Садового кольца, и поиски не могли стать слишком сложными.

Но на следующее утро меня ждала неудача: после предварительной беседы с секретаршей мне так и не удалось проникнуть дальше её кабинета, и результатом оказались лишь невразумительные и ни к чему не обязывающие обещания и пожелания. Мой собеседник в первом издательстве оказался прав: никого не интересовал живой и честный образ Р., одного из лучших актёров недавнего прошлого, и даже если бы с собой у меня была уже готовая рукопись, то вряд ли она могла кого-то заинтересовать в этом месте. Возможно, я ошибался, но скорее всего именно оно занималось распространением самой грязной и тяжёлой порнухи, и начальная заинтересованность – проявившаяся несколько дней назад – видимо, была вызвана ошибкой. Ошибка оказалась выявлена, и оставалось только смириться и отправиться дальше – в театральный институт, многообещающее учреждение, в котором страдал и мучился будущий король сцены, одна из ярких личностей последних десятилетий.

То, что он мучился и неоднократно находился в подвешенном и неопределённом положении, было мне известно из

статей Б., поскольку в главной биографии такие невыгодные подробности опускались и могли бы показаться даже странными на общем фоне. Тихая идиллия, судя по книге, продолжалась в течение всех пяти лет обучения на актёрском факультете, хотя совершенно точно я знал, что в конце первого и второго курсов Р. попадал в тяжёлое и опасное положение; судя по всему, отцовское влияние сказывалось в конце концов и в данной ситуации, и он выкарабкивался и спасался от окончательного вылета на обочину жизни, где вряд ли смог бы чего-то достичь. Вынос тела так и не состоялся, но, видимо, ситуация благотворно подействовала на его отношение к учёбе, и больше он уже не зависал над пропастью. Если бы кто-то сказал тогда педагогам, что это их лучший и самый талантливый ученик, они вряд ли согласились бы, и убедить-ся имели шанс только те, кто дожил до его скоропостижной гибели: сколько сразу тогда вылезло певцов осанны и курителей фимиама, только почему-то раньше они находились в тени и тихо молчали. Те же самые люди, которые недовольно морщились при виде постоянного двоечника и хвостиста, могли после его смерти часами говорить и вспоминать истории и смешные случаи, где оказался замешан Р.; «посмотрите, он был другом Р.» – и сразу человек делался знаменитым, превозносясь даже выше Р. в период его бурной и насыщенной жизни и работы, когда даже на такие приглашения у него не всегда хватало времени; потомки вели себя благоразумнее и почти никогда не отказывали, тем более что и свобод-

ного времени и пространства у них было намного больше, и почему они должны были отказываться в том, что шло им на пользу? Это выглядело как восполнение недополученного Р. при жизни, и хотя неизвестно было, как сам Р. отнёсся бы к таким заходящим уже за край акциям и действиям, никто, естественно, не протестовал.

Почему же с такими сложностями проходила учёба Р. в том самом месте, о котором мечтали многие? Насколько мне было известно, в институте он тоже не отличался излишним прилежанием, хотя никто не мог обвинить его в халтуре или недобросовестности, просто его нетерпимый и вредный характер начал проявляться уже в полной мере: обстановка и специфика заведения позволяли некоторые вольности, и он максимально их использовал, не считаясь даже иногда с приличиями. Мне было известно об участии Р. в нескольких розыгрышах, самый безобидный из которых выглядел примерно таким образом: находясь в неглубоком подпитии вместе с друзьями, они собирались у телефонной будки и набирали случайный номер. Хотя номер мог оказаться и не случайным: жертвой могла стать квартира кого-то из недоброжелателей; игру Р. обычно брал на себя: строгим изменившимся голосом он спрашивал хозяина квартиры – кого-нибудь из взрослых – и, представившись служащим коммунального хозяйства, предлагал проделать несложную последовательность действий: достать где-нибудь верёвку или шланг, привязать его к батарее или трубе отопления – и за-

тем, когда растерянный хозяин интересовался – что же дальше? – следовал совет засунуть другой конец понятно в какое место. Не исключались и варианты, но за последним указанием трубка бросалась, и компания со смехом и ржанием шла продолжать веселье к кому-нибудь на квартиру. Всё проходило благополучно до тех пор, пока однажды Р. не пришла в голову идея повторить номер с одним из преподавателей: но не на того он, видимо, напал, и педагог быстро разобрался в ситуации; состоялся неприятный разговор, и только профессионализм и гуманное отношение спасло будущего героя: педагог оценил уровень и простил избыточную грубость и нахальство ученика, запретив ему дальше использовать свою находку. Неизвестно было, прекратил ли на самом деле Р. своё телефонное хулиганство, или стал просто изобретательнее и хитрее, но больше он не попадался и благополучно смог доучиться до последнего курса.

Но такие шутки были не единственным, омрачившим его учёбу в столь привилегированном заведении: как мне поведала первая жена и как я уже раньше мог узнать из отдельных статей и выступлений, в это же время началось его излишнее увлечение двумя крайностями: вином и женщинами; если в школе он как-то ещё держался или его пока сдерживали в узких определённых заранее границах, то после началось усиленное приобщение и к тому, и к другому. Теперь он не был маленьким скованным мальчиком, заочно знающим пределы своих полномочий, и ранняя самостоятельная жизнь ве-

ла к излишней свободе и раскованности: он мог делать, что хотел, и родители первой жены не представляли для него абсолютно никакого авторитета, и даже с мнением самой жены он считался слишком мало.

Где-то в конце учёбы он впервые в жизни очутился в вытрезвителе, где впоследствии оказывался ещё неоднократно, но первое испытание оказалось самым сложным: никто ещё не знал его как великого актёра и не прощал непристойные выходки и ситуации: в очередной раз он оказался в тяжёлом положении, но почему-то получил быстрое прощение, и даже в личном деле неприятность оказалась опущена и забыта почти всеми, кроме старого приятеля, составившего ему тогда компанию: в одной из статей бывший собутыльник делился воспоминаниями об этом и некоторых других случаях. Сам он пострадал намного больше, и оказался даже исключён из учебного заведения, но вспоминал происшествие с юмором и без обиды: после он пошёл совершенно по другому пути, приведшему его в конце концов к успеху. Только одно удивляло его: непотопляемость и подозрительная живучесть старого приятеля. Я не верил в провидение и в ангелов-хранителей, подставляющих в тяжёлый момент своё невесомое и крепкое крыло, и над этим стоило подумать, но пока я не имел достаточного количества фактов и тем более сопутствующих им доказательств.

Женщины были главной слабостью и хобби Р., и не удивительно выглядело то, что мне рассказывала его первая же-

на: ей ещё достался самый лёгкий и простой из всех отрезков жизни Р., другим же приходилось намного сложнее, ведь даже соседи были хорошо осведомлены, что если хозяин не пришёл в должное время домой, значит эту ночь он проведёт в чужой постели. Не всегда Р. вёл себя подобным образом: изредка в нём пробуждалось что-то вроде ответственности по отношению к семье, и тогда в течение нескольких недель он держал себя достаточно строго: не задерживаясь после спектаклей или репетиций – если только его не отлавливали старые друзья-собутыльники – он шёл понуро домой и устанавливал в квартире на некоторое время подобие матриархата: он сам ходил в магазин за покупками, наводил чистоту и порядок в углах, давно заросших пылью и паутиной, или даже стирал груды белья. Только одного не любил и никогда не делал Р. даже в самые спокойные периоды жизни: с пренебрежением он всегда относился к кухне и приготовлению еды, довольствуясь на худой конец чем-нибудь из холодильника. Ни одна из жён и любовниц так и не приучила его мыть посуду и хоть что-то себе самостоятельно готовить, объяснялось же всё, видимо, излишней неприхотливостью Р. и его готовностью есть хоть недоделанные полуфабрикаты. Странно выглядело такое со стороны, ведь наверняка несложно было научиться жарить мясо или рыбу, или готовить картошку, рис и макароны, но в данном вопросе он оставался непреклонным и оставлял всю работу очередной жене или любовнице, или вообще не касался и не заходил

на кухню. К счастью для него любовницы и реже жёны шли сплошным косяком, и немало попадалось среди них хороших хозяек, так что обязательной и неперенной язвы желудка Р. заработать не успел, а при такой работе и отношении к себе это выглядело настоящим чудом. Бывало и так, что о его здоровье пеклись сразу две женщины, и происходило настоящее соревнование – кто кого выживет: тогда Р. катался почти как сыр в масле, что бывало временами очень полезно и поучительно – но рано или поздно гаремный отрезок перетекал в обычную моногамию, пока он не наткнулся на очередную излишне горячую поклонницу таланта. Поклонницы были его адом и спасением, от некоторых он не знал, как отделаться, ведь если они заполучали его на один раз, то думали, что он теперь принадлежит им навсегда или хотя бы на достаточно длительный срок, но сам он думал по-другому, и действовал в таких случаях достаточно решительно и жёстко. Длительные отвлечения не нравились ему самому и многим его коллегам и друзьям по работе, часть которых открыто завидовала его успехам: это могло сильно сказаться на качестве и продуктивности его работы, и даже режиссёр – старый друг и покровитель – советовал не слишком увлекаться и не переходить определённых границ. Но кто бы смог остановить великого безумца, великого не только на сцене, но и в некоторых других делах, не всегда нужных и полезных для общества? Логические аргументы не всегда годились и могли подойти для моего героя, но поразительная выносли-

вость не покидала его и здесь тоже, и на сцене он никогда не выглядел утомлённым и измотанным, где бы не провёл предыдущую ночь, и даже больше того: на сцене он преображался, и дьявол, вселявшийся в его брентную оболочку, мог в одиночестве вытянуть из прорыва любое самое неудачное начинание. Человек, близко знавший его, так мог бы и подумать: откуда у этого почти истощённого и потрёпанного жизнью актёра берутся дополнительные, ничем не подкреплённые и не обусловленные силы и возможности, и в каком-нибудь отдалённом веке наверняка всплыл бы данный вопрос и Р. мог попасть в лапы инквизиции или иной соответствующей службы, но его счастье состояло ещё и в этом: он вовремя родился и не надо было доказывать свою непричастность к козням и каверзам главного врага человечества. Страшно было подумать, что такие же, как он – гениальные и потому немногочисленные – наверняка попадали на костёр или в лучшем случае на плаху, и скольким из них пришлось заплатить жизнью за приобщённость к высшему, которое невежественное и злобное окружение принимало за нечто иное – козни дьявола или прочей нечистой силы, и сколько же веры и надежды должны были иметь следующие, кто повторял тот же путь, сулящий только злые шипы и тернии, без всякой возможности выбраться из пёстрой клоаки к свету, где их ждут добро и справедливость.

Он, безусловно, принадлежал к таким людям, но по счастью, на дворе стояла другая эпоха, и людям его профессии

можно было, наоборот, только позавидовать: в отличие от прошлых времён, явно недооценивавших комедиантов и лицедеёв, новые времена превратили их в привилегированное сообщество, и совершенно понятным и обоснованным казалось, что лучшие среди них принадлежали теперь к элите. Возможно, Р. слишком явно пользовался положением, но таков уж был его характер, и не мне было осуждать его за многочисленные срывы и непристойности, иногда направленные даже против общественных устоев и основ. Я хорошо понимал, что развитие и прогресс идут благодаря таким крайностям и перегибам, когда что-то – сначала доведённое до гипертрофированных размеров – появляется сначала у немногих, а потом, разбавляясь и принимая нормальную форму и величину, сходит уже постепенно всё ниже и ниже по иерархической лестнице поступков и действий – и хорошо, когда здесь оказываются замешаны кумиры и герои вроде Р., потому что тогда процесс находит высокохудожественное воплощение. Это было ещё одним достижением Р., а сейчас я шёл как раз в то место, где он получил профессию и смог реализовать своё главное призвание: театральный институт находился недалеко от издательства, и я предпочёл пройти пешком.

Было начало дня, но могла появиться мысль, что больше половины города не работает: по улицам шлялось такое количество людей, что приходилось лавировать и уступать дорогу слишком наглým и нахрапистым, или обгонять медлен-

ных и ленивых. Я хорошо знал адрес и примерное расположение института, и наверняка даже видел здание, не обращая на него раньше внимания: здесь были старинные и застроенные красивыми прочными домами улицы, где многие мечтали бы иметь квартиру, но слишком дорого стоило такое удовольствие и слишком многие стремились к этому. Даже мой шеф, главный редактор крупной газеты, не смог бы поселиться в этом месте, он только ворчал иногда, что кое-кто захапал себе слишком много, и другим не осталось ничего. Наверно, он был прав, а институт всю жизнь с самого основания располагался здесь, и его не смогли выкурить и согнать отсюда даже новые времена. Не исключено, что долгая осада всё-таки могла кончиться выселением, но пока он держался, существуя – почти как и всё остальное – непонятно как и за счёт чего: наверняка руководству делались разные предложения, и, возможно, приходилось даже отбиваться от назойливых и слишком активных деловых людей – по совместительству рыцарей меча и кинжала – но пока он ещё находился здесь, и надо было пользоваться моментом.

Когда я наконец нашёл улицу, то ожидал сначала, что смогу сразу определить нужное здание: однако ничего экзотического я так и не обнаружил; это была обычная улица с обычными трёх- и четырёхэтажными домами, и точный адрес пришлось искать уже по номерам. Институтом оказалось широкое трёхэтажное строение, у входной двери которого болталась вывеска; на вывеске мелкими буквами на чёрном

фоне было выгравировано полное наименование, но только с близкого расстояния я смог разобрать их и понять, что это то самое заведение.

Внутри здание выглядело тоже вполне прилично: направо и налево длинной кишкой растягивался коридор, равномерно утыканный дверями, некоторые из которых иногда открывались и выпускали молодых в-основном людей: моего возраста и чуть моложе. Безусловно это были студенты, только непонятно было, почему они заняты такой суетой и чем обусловлено броуновское движение: если ещё продолжались занятия, что они делали в коридоре, а если всё давно кончилось, зачем они болтаются в институте. Конечно, они могли заниматься в творческих лабораториях или мастерских, что определялось спецификой заведения, но даже и такая работа могла выглядеть более спокойной и организованной, ведь нельзя же было утверждать, что в обстановке хаоса и беспорядка можно достичь высокого уровня мастерства? Такие вещи казались вполне логичными и целесообразными, а пока я хотел просто пройтись и посмотреть обстановку; сложно было определить, где в этом здании нужно искать следы пребывания Р.: может быть, всё-таки оставался кто-то, знавший его, или же следы Р. были рассеяны и растворены повсюду, и тогда почти невозможно было рассчитывать и надеяться на то, что я получу здесь что-нибудь существенное.

Сначала я двинулся направо; на дверях виднелись только цифры, а принадлежность и вид аудитории определить

казалось абсолютно невозможно: для этого требовалось попасть внутрь, а я, конечно, не хотел мешать занятиям; меня просто могли попросить удалиться. Цифры висели трёхзначные и начинались с единицы, где-то за дверями стояла тишина, а где-то было шумно, разговаривали люди или звучала музыка. Я не сомневался, что в таком месте собраны лучшие силы страны: звёзды сцены и кино – зашедшие или действующие – безусловно должны были передавать здесь многолетний опыт и знания, наследие прошлых поколений и свои собственные достижения, сконцентрированные и просеянные долгой практикой и работой. Где-нибудь наверняка я смог бы наткнуться на великих комиков недавнего прошлого, высоких трагиков или крупных режиссёров и сценаристов, создававших весь творческий процесс и задававших ему направление и скорость, и наверняка кто-то из них мог помнить Р., с которым – как с коллегой по работе – общался в прошлом. Я очень надеялся на такие встречи, но пока что ничего подобного не проявлялось: те немногие, кого я встречал в коридоре, совершенно игнорировали меня и быстро выскакивали из одних помещений и проносились по коридорам или к выходу, или к лестнице в конце, или быстро забежали в соседние аудитории: похоже, это было обычным здесь явлением, одним из последствий творческого характера процесса. Студенты были почти все рослые и сильные, с мужественными или в крайнем случае красивыми лицами: казалось, что здесь находится агентство фотомоделей, тем более

что и единственная студентка, проскочившая мимо меня к выходу, вполне подходила под эти критерии: высокая голубоглазая блондинка вполне могла бы изображать дорогую и малодоступную вешалку для модной и вычурной одежды «от кутюр», только непонятно было, что она здесь делает. Только один из всех не годился для общего правила, но там была уже другая крайность: низенький студент – я сначала подумал, что ребёнок – выбежал из одного кабинета и быстро – насколько было возможно – заскочил в соседний. Он один не был красивым и привлекательным, и даже больше того: пока он добирался до места назначения, я успел заметить, какая у него непропорционально большая голова и оттопыренные огромные уши, и неприятный наглый взгляд: вполне подходящая натура на роли шутов или злодеев.

Похоже было, что сейчас всё-таки продолжаются занятия: когда я дошёл до конца коридора, то обнаружил наконец помещение, на двери которого висел не только номер, но и табличка с названием: там находился спортивный зал. Но назначение я мог определить и без таблички: за дверью звенело несколько пар рапир или шпаг, кто-то бегал и бил мячом о пол и сразу несколько человек громко кричали. Надо думать, студенты занимались физической подготовкой, которая должна была, конечно, занимать важное место во всей подготовке будущих актёров и режиссёров. Вряд ли я мог как-то повлиять на ход занятия, и я решился наконец пролезть внутрь, чтобы своими глазами увидеть, как готовят бу-

душую гордость и славу.

У входа никого не было, и я смог тихонько войти и прикрыть за собой дверь: зал оказался большим и почти огромным для такого здания, судя по высоте потолков он захватывал и второй этаж, и уж никак нельзя было подумать, что это всего-навсего тренировочный зал для спортсменов-дилетантов. Здесь находились две площадки – волейбольная и баскетбольная – состыкованные длинными концами, а поперёк вполне укладывалось неплохое футбольное поле, и почти так оно и было сделано: в ближнем ко мне конце у стены стояли маленькие ворота и несколько человек бегали за мячом, а в дальней стороне, отгороженной плотной спускающейся с потолка сеткой, находилось нечто более привлекательное и необычное. Я подобрался ближе и сел на скамейку у стены, наблюдая за уроком: на разложенных на земле дорожках фехтовали две пары студентов и пара студенток; преподаватель в синем костюме суетился рядом, иногда крича и давая советы, но, возможно, они не слишком реагировали на них, потому что преподаватель несколько раз подбегал совсем близко и останавливал бой. Что-то ему там не нравилось, хотя я не замечал чего-то слабого или неудачного; вполне возможно, что они отрабатывали специальные приёмы. В самом далёком от меня углу шло другое занятие: на гимнастическом ковре под присмотром другого преподавателя – женщины – работало несколько студенток. Они занимались силовыми упражнениями: стоя спиной друг к другу,

они цеплялись локтями и по очереди поднимали и опускали друг друга, или вместе приседали на корточки, пока преподаватель не остановила их и не приказала взять по мячу. Можно было подумать, что сейчас начнётся что-то весёлое и простое, но получилось по-другому: мячи оказались какими-то слишком тяжёлыми – будто набитыми камнями или железом – и с большим трудом студентки пихали их вверх и потом ловили, а в конце снова разбились на пары и уже перекидывались здоровыми массивными булыжниками. Я думал, так будет продолжаться до конца занятия, но неожиданно всё остановилось: преподаватель фехтования отпустил своих подопечных и расстроил футбольный матч: четверо студентов были вызваны на дорожки вместо ушедших, и такому же вмешательству был подвергнут гимнастический сектор. Пару минут они менялись формой, надевая защитные куртки и маски, а потом освободившиеся пошли отдыхать. Но здесь, похоже, не теряли времени напрасно: девушек сразу заставили присоединиться к тем, кто занимался мячами, и только студенты получили послабление. Никто не наблюдал за ними специально, и футбол они выбрали, возможно, по собственной инициативе. Но, видимо, не все были любителями и поклонниками игры: только трое сразу присоединились к игрокам; один после короткого выяснения отношений ушёл в раздевалку. За ним послали: судя по всему, уговоры ничего не дали, и тогда я заметил направленный в мою сторону внимательный изучающий взгляд. Они недолго посове-

щались, и один из игроков подошёл ко мне.

«Привёт, ты новенький?» – «Нет, я не учусь, я пришёл по делу.» – «Какая разница? Выручить сможешь?» – Я осмотрел поле и собравшихся в середине студентов, которые внимательно смотрели в нашу сторону. Все они казались такими же рослыми и сильными, как и те, кто бегал непонятно зачем по коридору, против таких лосей вряд ли я смог бы показать что-то приличное, но для сбора информации надо было использовать и эту возможность. – «Если только на воротах: я давно не играл. Кстати: вы на актёрском?» – «Да, второй курс.» – Мы пошли к центру поля, где один из игроков – возможно, самый умелый – пинал мячик и жонглировал им в воздухе. – «Всё нормально: он встанет на ворота.» – «Но я ненадолго.» – «Ладно, до конца занятия немного осталось.» – Он показал мне ворота, которые надо было защищать, и я рысцой побежал к ним, пока все стояли и ждали продолжения.

Игра пошла дальше: мои нападавшие выглядели сильнее, и с самого начала заперли соперников на их половине; с интересом смотрел я, как они наседают на противоположные ворота, а соперник с трудом защищается. Если бы ворота были немного больше, то тяжело пришлось бы всей команде, но вратарь пока справлялся: несколько ударов он отбил руками и всем, чем только можно, и пока разыгрывались угловые, я мог спокойно отдыхать. Наконец вратарь не справился; мы теперь вели, а мяч вернули к центру, и соперники, почти как

в настоящем футболе, возобновили игру. Их атака сразу захлебнулась, мяч был перехвачен: сразу же удался прорыв, и самый быстрый из нападающих вышел на вратаря и почти без помех вколотил мяч в верхний угол.

Соперники явно не ожидали такого подвоха от тех, кто только что – хотя и в меньшинстве – почти всё время защищался. Я увидел, как недовольно говорит что-то вратарь – высокий блондин: безусловно, это было связано с провалами в защите, но, похоже, не только защита стала поводом: игроки собрались в центре, и судя по жестикуляции и новой расстановке, теперь произошла замена. Тот, кто меня пригласил, и ещё один – очень высокий и худоватый – остались со мной, а вместо четвёртого – забившего гол – к нам попал игрок послабее. Это сразу же сказалось на результате: теперь пошла борьба в середине поля, и минуты две никто не мог подойти близко к воротам, пока наконец наш бывший партнёр не шлёпнул издали. Удар был приличный, но мяч кого-то задел, и ко мне он подлетел уже на излёте, почти потеряв скорость. Я бросил его далеко вперёд, в сторону высокого игрока, и сразу вся игра ушла к другим воротам, а я снова стоял и смотрел, как упорно и настойчиво нападающие пытаются одолеть защиту и забить ещё один гол.

Но так продолжалось недолго: они всё-таки отбились, и теперь уже на меня неслась могучая и быстрая лавина: бывший партнёр летел слева, почти обгоняя и обходя защитника, а по центру выворачивал напрямик ещё один нападаю-

щий. Безусловно напрашивался пас в центр, и когда до ворот оставалось метров пять, он всё-таки сделал его, а я выскочил вперёд и опередил второго игрока: я подставил ногу, и мяч отскочил к центру, и пошла уже атака вдвоём на одного защитника и вратаря.

Игра шла ещё несколько минут, и я ещё два раза спасал ворота, что было непросто против мощных и сильных игроков: однажды они устроили осаду, решив непременно отквитать хоть один гол, и с огромным трудом я три раза отбивал тяжёлые могучие удары, звук от которых разносился по всему залу. Я так и не пропустил, и когда преподаватель фехтования завершил занятие, недовольные соперники хмуро ушли в раздевалку, и только один из моих напарников подошёл ко мне. – «А ты неплохо стоишь.» – «В классе я был лучшим вратарём, и в университете в группе – тоже.» – «Приходи, если будет время – можно после занятий.» – «Я вообще-то по делу. А к вам я случайно.» – «И что за дело такое?» – «Я журналист, и собираю сейчас материалы по Р.» – «Это ты про нашего Р. говоришь?» – «Ну да, он же кончал ваш институт.» – Он сморщился. – «Да вроде было дело. И что тебя интересует?» – «Насколько я понимаю, здесь есть педагоги, учившие его, и потом: память о таких людях должна сохраняться надолго, и было бы логично, если бы у вас существовало что-то вроде музея: не обязательно Р., но лучших выпускников за все годы.» – «Это ты загнул, старик. Какой музей? Кому это надо? Нет здесь ничего такого... А ста-

рикашки те – небось давно на кладбище: где им ещё быть?» – Он немного подумал. – «Или страдают таким выпадением памяти, что вряд ли помнят свои собственные имя и фамилию... Спасибо, что выручил. А сейчас извини: у нас занятие.» – Он хлопнул меня по плечу и побежал к раздевалке, откуда уже выходили его однокурсники: никто не стал бы дожидаться его, и опоздание на самом деле было бы неприятно.

Я вышел в коридор: здесь уже бродили те, кто до того страдал и мучился в плотных аудиториях, и как оказалось, таких людей было здесь очень много. Не спеша я лавировал среди мелких кучек и скоплений будущих артистов и звёзд, выискивая преподавателей, желательно постарше; кто другой мог бы ещё помочь мне, но вокруг были по виду только студенты, и никому явно не перевалило ещё даже за сорок. Одни открыто курили, явно игнорируя общие правила, но остальным это было, похоже, безразлично, и они весело трепались, обсуждая дела. Так я прошёл половину коридора – почти до входной двери, и только здесь заметил человека, выглядящего достаточно строго и солидно: ему было около сорока, и он вполне мог оказаться преподавателем, тем более что других подходящих кандидатур вокруг видно не было.

Однако я ошибся: когда я подошёл и вежливо спросил, он небрежно отрицательно мотнул головой, и продолжать беседу явно не захотел, быстро уходя от меня по коридору. Я сразу потерял его из виду; но требовалось хотя бы выяснить, где здесь находится ректор и учебная часть. Ближе всего ока-

зались два студента, о чём-то шептавшиеся. Разговор сразу распался: сверху вниз они рассматривали меня, как непонятное назойливое насекомое, пока я не повторил вопроса, и наконец один из них ткнул рукой вверх и коротко сказал: «на втором».

Я пока не спешил и решил пройти до другого конца коридора; студенческая жизнь сама по себе была дорога и памятна мне. Я был уже спокоен и расслаблен: обстановка казалась знакомой и привычной, и только контингент выглядел нестандартно: как и до того, студенты были рослые и мужественные, а среди студенток навстречу мне попала не одна пышная и томная красавица или претендентка на звание супермодели, хотя встречались, конечно, и исключения. Но все они выглядели слишком уж шикарно, и в этом смысле намного превосходили ту среду, где учился и обитал когда-то я.

Меня удивило это: неужели за три года условия жизни студентов так серьёзно изменились? Совершенно незаметна была такая тенденция в последние мои университетские годы, и я не имел представления, чем можно объяснить такое положение. Я почти добрался до конца коридора и лестницы, ведущей наверх; справа – там же, где спортивный зал – находилась столовая, сейчас почти пустая. Я не прочь был перекусить ещё раз, накануне встречи с кем-нибудь, как я надеялся, из руководства: сказывалась беготня по городу и недавняя игра в футбол. Но когда я подошёл к прилавку – заваленно-

му всем, чем только можно – то сразу же опешил: сзади за обширной спиной продавщицы стояли десятки видов напитков, начиная с бормотухи и кончая лучшими видами коньяка, но цены не слишком соответствовали уровню обычной столовой: это был скорее уровень ночных баров и дискотек, неестественно раздутый и завышенный. Я не решился отдать немного, лежавшее в кармане, за пару бутербродов со сморщенным сыром или колбасой, и тихо вышел снова в коридор и начал подниматься по лестнице.

Второй этаж оказался ухожен лучше первого, хотя и первый производил приятное впечатление: посередине здесь лежала ковровая дорожка, а из-за спин и голов торчали верхушки нескольких пальм. Здесь было такое же столпотворение, как внизу, но публика выглядела несколько иначе: почти сразу я увидел двоих мужчин среднего возраста, и дальше по коридору гуляло ещё несколько. Я сразу подошёл, чтобы выяснить расположение руководства; мне вежливо показали. Это оказалось рядом, как раз в середине коридора: ближе находился кабинет ректора, а следующей была дверь учебной части: небольшая толпа обложила её со всех сторон, и всё время кто-то входил внутрь и потом выскакивал оттуда, вкручиваясь в многолюдное шумное сборище.

Я не решился лезть в толпу: гораздо полезнее стало бы знакомство с высшим руководством института; дверь ректората была закрыта, и я вежливо постучал, но ответа так и не услышал. Тогда я быстро открыл её и зашёл внутрь, присло-

нившись сразу к ней спиной и оглядываясь.

Здесь находилась пока прихожая, в которой за большим столом сидела и прихорашивалась секретарша: она корчила мордочку, рассматривая своё отражение в зеркальце, и отреагировала на меня с заметным опозданием, когда я сделал шаг вперёд.

«Вы куда? Вам что, было назначено?» – Она бросила платок на стол и сразу стала старше лет на десять: теперь ей можно было дать под тридцать. – «Нет. Я, извините, журналист из одной серьёзной газеты, и пришёл по делу.» – «Для дел у нас есть приёмные часы: записывайтесь, и тогда приходите.» – «Нет, девушка, извините, но вы не понимаете: у меня разговор на тему, можно сказать, личную, но имеющую самое близкое отношение к вашему институту.» – «На личные темы у нас отводится по десять минут.» – «Значит, я могу сейчас пройти?» – Она окрысилась. – «Десять минут в приёмные часы. Если вам некуда девать своё время, то здесь люди работают по-другому.» – «А мне казалось, что здесь люди должны думать об искусстве, а время здесь совсем ни при чём.» – «Если это всё, то запишитесь и не мешайте работать.» – Она упаковала парфюмерию в сумочку и придвинула пишущую машинку, стараясь изобразить видимость работы: в каретку она всунула чистый лист и что-то начала шлёпать, сильно стучая по клавишам. Но не так-то просто было отвязаться от меня, и не напрасно я считался лучшим из молодых сотрудников газеты. – «А я, знаете ли, всё равно не уйду.

У вас своя работа, а у меня своя, и так просто от меня ещё никто не отделялся... Хотя извините, – я улыбнулся, – зачем я говорю вам грубости, если дело можно решить проще. Давайте, я вам объясню, что мне надо, и не исключено, вы сами сможете мне помочь.» – Она перестала притворяться и уже доброжелательнее посмотрела на меня: на самом деле ей было около двадцати пяти, и такой уж особой злости и ненависти к посторонним не было и в помине: она оказалась достаточно красивой и приятной зеленоглазой брюнеткой, отличаясь от тех – кого я здесь видел – только маленьким ростом.

«Ну спросите.» – «Дело в том, что я собираю материалы про Р. – вашего бывшего выпускника. Поэтому я хотел бы встретиться с вашими старейшими преподавателями, которые работали здесь, – я быстро прикинул, – тридцать лет назад.» – Она задумалась, и сразу почему-то рассмеялась. – «Где же я вам их достану? У нас были всякие реорганизации, так вот, после них почти никого не осталось. Я помню: есть несколько человек за пятьдесят, но из тех, кто работал давно – и настолько давно – вы вряд ли кого-то здесь найдёте.» – Я задумался. – «У нас теперь молодые преподаватели. А ректору знаете сколько? Всё равно не поверите.» – «Сорок пять?» – «Меньше.» – «Сорок два?» – «Тридцать семь. А заместитель по учёбе ещё моложе.» – Неожиданно открылась дверь в коридор, и секретарша быстро застучала на машинке. Кто-то вставил голову в образовавшийся проём и немно-

го покрутил ею, но, видимо, это оказался один из студентов: голова убралась, и щель исчезла, и снова мы остались вдвоём.

«И как же они так... умудрились?» – «Вообще интересная история. Но я вам её не буду рассказывать.» – Её голос неожиданно изменился: она снова стала строже и недоверчивее. – «Всё равно разболтаете или в статье используете: а мне здесь ещё работать и работать.» – «А если не разболтаю? Даю честное слово. Нет, даже так: клянусь, что единственное, ради чего я сюда пришёл – книга о Р. Вы видите? Я с вами откровеннее, чем собирался быть с вашим руководством и со многими другими тоже. Мне просто интересно.» – Она серьёзно задумалась. Видно было, как она колеблется, не решаясь ни на излишнюю откровенность, ни на полное удержание внутри себя этой, возможно, на самом деле интересной истории; кстати, я тоже произвёл на неё достаточно благоприятное впечатление: видимо, она уважала твёрдость характера, и была на самом деле любительницей посплетничать, особенно в делах, связанных с личным руководством. Такие качества бывали очень полезны в моей работе, я всегда старался поощрять их, даже если результат мог оказаться совершенно мне не нужным, и теперь в очередной раз наблюдал за схваткой двух желаний: раскрыть всю подноготную и боязнью попасть впросак и потерять работу.

«Знаете, я всё-таки не стану рассказывать. А если вам надо – расспросите кого-нибудь ещё – об этом многие зна-

ют.» – Как ни странно, она удержалась. – «А по поводу вашей просьбы: поговорите с заместителем; может, он что-то и подскажет. А я – совершенно серьёзно – больше ничего об этом не могу сказать. Просто не знаю.» – Судя по всему, она говорила правду, пусть и горькую для меня, но что ещё могла знать молодая девушка о великом актёре недавнего прошлого? Я и так сильно отвлек её от работы, и оставалось только узнать, где можно найти заместителя, и поблагодарить её за помощь. – «Хорошо, а где я могу его найти?» – «Вообще он везде бегает. Ладно, можете посидеть здесь: рано или поздно он заглянет.» – «Хорошо. Большое вам спасибо за всё.» – Я выбрал стул, ближний к входной двери. Пока можно было привести в порядок мысли и оценки, которые появились за последние часы; так я делал постоянно, заполняя отдельный специальный блокнот, сейчас же это казалось просто необходимо.

Прошло, наверно, полчаса, прежде чем открылась дверь и из коридора в приёмную ввалился тот, кто был мне нужен. Сначала я даже не поверил: он был в красном двубортном пиджаке, одежде всех торговцев подержанным барахлом и залежалым хламом, и только по реакции секретарши я смог понять, что это и есть заместитель. Он выглядел старше меня всего лет на десять, и я спокойно мог бы принять его за одного из дельцов, умеющих продавать пустые обещания и добывать деньги из воздуха: так он светился силой и энергией молодого нахрапистого животного. Сразу же он подле-

тел к секретарше и бесцеремонно чмокнул её в щёчку, на что она отреагировала спокойно и почти весело: она только улыбнулась и показала глазами на меня. Мужчина быстро повернулся и весело и нагло востро посмотрел в мою сторону; я уже привстал, чтобы представиться и сразу перейти к делу. – «Здравствуйте, вы заместитель?» – «Да, по хозяйственной части. Что вы хотели?» – «Я из газеты...» – «Ах, так это вы? Мне сообщили...» – «Кто вам сообщил?» – «Неважно. Дальше.» – Действовал он в соответствии с первым впечатлением: его осведомлённость вызывала нехорошие мысли. – «Меня интересуе Р. – ваш бывший выпускник: всё, что связано с институтом.» – «Понятно.» – Он коротко задумался. – «Да, я думаю, лучше меня вам здесь помочь никто не сможет.» – «А старые преподаватели?» – «Насколько я помню, последний из тех, кто работал здесь тридцать – я не ошибся? – лет назад, умер в прошлом или позапрошлом году. Тем более в последнее время произошло омоложение коллектива. А, как известно, молодым везде у нас дорога, а старикам – сами понимаете! – почёт. Да, о чём я?» – Он неожиданно встрепенулся. – «Никого из стариков вы просто не найдёте, так что я – наилучший из вариантов. Оленька, можно кофейку?» – Она спросила его взглядом. – «Вы будете?» – Заместитель обращался уже ко мне. – «Да, спасибо.» – «У нас растворимый.» – Я кивнул, и она встала из-за стола и открыла дверь, которую я не заметил: дверь находилась у неё за спиной и почти сливалась со стенкой такого же блед-

но-зелёного цвета.

«Рассказывайте.» – Я достал блокнот и приготовился записывать. – «Нет, давайте так: вы задаёте вопросы, а я на них отвечаю. И ещё: у меня есть только двадцать минут: дела, дела.» – Секретарша принесла нам по чашке, не забыв и себя тоже: заместитель отпил половину, секретарша прихлёбывала маленькими глоточками, а я выпил сразу всё, чтобы больше не отвлекаться. – «Я знаю, что Р. поступил в институт с первого же захода, являясь неблагонадёжным с официальной точки зрения по тем временам, хотя до того никогда не играл на сцене – даже в школе или дворце пионеров. Вы не могли бы объяснить, как могло такое произойти?» – «А что вы хотите? Он же гений или что-то вроде того: к сожалению, я не видел его спектаклей, и не могу сказать об этом ничего конкретно.» – «Ладно, а по поводу учёбы: он ведь не был слишком прилежным и покладистым студентом, и даже пару раз мог вылететь.» – «Ах, все мы можем вылететь, если не уцепимся покрепче... Да, помню, помню: ходили байки, даже что-то вроде анекдота. Как же там всё происходило? Оленька, ты не помнишь?» – Секретарша напряжинилась, стараясь использовать запасы серого вещества, но, видимо, это была слишком старая история. – «Ну про то, как он наколот преподавателя...» – «А потом преподаватель сам его чуть не... наказал?» – «Вот-вот, умница. Что ж там было такое?» – Я решился вылезти. – «Вы говорите про его шутки с телефоном и водопроводчиком?» – «А вы откуда знае-

те?» – «Профессия обязывает.» – «Смотрите, какой он, однако...» – Он с интересом посмотрел на меня. – «А что вы ещё знаете?» – Вопрос был задан в странной, слишком расплывчатой и неопределённой форме, и я сразу подумал, что он спрашивает не только про Р. – «Достаточно много. Профессиональная необходимость.» – «Да? Ну-ну. Так что там было? Ну да. А по поводу учёбы вообще – вне зависимости от шуточек и розыгрышей – я могу сообщить ещё, что он не стал ни отличником, ни наоборот – отстающим, хотя и выделялся своей энергией и работоспособностью... Почти как я.» – Он неожиданно хихикнул и допил свой кофе. Шутка показалась мне плоской и неуместной, и я решил двинуться дальше, пока у него ещё оставалось время. – «А какие отношения у него были с... женщинами?» – Я искоса провёл глазами по секретарше, но она не реагировала – во всяком случае внешне: возможно, она слышала разговоры ещё и не на такие темы, и как всякой секретарше достаточно большого начальника, ей предписывалось никак не проявлять личных чувств и эмоций. – «А? Так-так, очень интересная тема, и не при вас, Оленька, будет сказано, но большего бабника и котяры стены данного института наверняка не видели. Что уж мы по сравнению с ним, – он потрепал секретаршу по щёчке, – жалкие котята и сосунки. Но вы, конечно, знаете?» – Он обратился ко мне, и я вежливо кивнул головой в знак согласия, и он понёсся дальше. – «Кто-то мне рассказывал, что пока он учился в институте, он, извините, – заместитель проделал

всем телом неприличное движение, – со многими сокурсницами. Но другие курсы он тоже не игнорировал, так же как и другие факультеты. Да, ещё ходила сплетня: он умудрился даже соблазнить двух преподавательниц: из-за Р. у них вышла стычка и даже целая драка. Одна из них вынуждена была уйти, чтобы не встречаться потом с соперницей в коридоре; при этом обе были замужем. Хотя мало ли что болтают: не исключено, что здесь много преувеличено. Но вообще от него всё можно было ждать.» – Он посмотрел часы. – «Ох, извините! Мне пора.» – «Давайте: я с вами, и между делом вы мне ещё что-нибудь расскажете.» – «Как хотите. Я забегу на пять минут, а потом помчимся дальше.» – Он быстро вскочил и нырнул в кабинет, где на двери висела табличка «ректор», а я бросился заносить в блокнот те мысли, которые пробудились у меня в последние минуты.

Он отсутствовал минуты три, но я всё же успел коротко отметить основные тезисы и факты, с которыми потом следовало ещё поработать; заодно я спросил у секретарши, куда – по её мнению – может сейчас направиться заместитель. Она пожала плечами: он мог оказаться везде, и работа заместителя и заключалась в том, чтобы поспевать всюду и ничего не упускать. Насколько я понимал, он был кем-то вроде коммерческого директора, и судьба могла забросить его и меня вместе с ним куда угодно: от Останкинской башни до дворца пионеров где-нибудь на окраине, или склада продуктов или одежды в торговой части города. Когда он появился,

я не стал задавать вопросов: у меня сегодня было достаточно много свободного времени, и лишняя прогулка по улицам и площадям не могла повредить мне.

Однако оказалось, что есть ещё дела внутри самого здания. Мы спустились на первый этаж, и он завернул в одну из аудиторий, попросив меня подождать снаружи. Это выглядело странно: сейчас продолжалось занятие, и вмешательство заместителя вряд ли могло быть воспринято доброжелательно. Но, судя по всему, скандала и препирательств внутри не возникло: во всяком случае шум за дверью не стал громче, а когда он вышел, то был не один, а с молодым высоким парнем: наверняка студентом. – «Сейчас поедем.» – Он был сосредоточен и очень краток. – «Тогда вы мне поможете?» – Я согласно кивнул, хотя и понятия не имел, в чём будет состоять помощь, но вряд ли заместитель предложил бы мне что-то сложное или трудновыполнимое. Мы быстро прошли к выходу, и заместитель рысцой побежал к углу здания; студент не отставал от него, и мне пришлось тоже поднажать, чтобы не упустить их. Когда я завернул за студентом, заместитель уже открывал дверцу машины: судя по знаку спереди, «мерседеса», хотя и немного потрёпанного и побитого; студент сел сзади, а для меня заместитель оставил место справа от себя. – «Неплохая у вас машинка.» – «По-другому нельзя: положение обязывает.» – Он резко тронул с места и завернул направо, увеличивая скорость. Он гнал резво и нахраписто, не особенно обращая внимание на дорожные

знаки: ограничители скорости были явно не для него, а на переходе, который он проскочил не задумываясь на красный свет, слава богу никого не оказалось. – «А вы не боитесь, что врежемся?» – «Пускай другие боятся.» – Наконец мы миновали широкие пространства и углубились в лабиринт узких улочек и переулков, где ему просто пришлось сбросить скорость. – «Вы хотели ещё что-то узнать? Спрашивайте.» – Видимо, он хорошо знал местность и автоматически реагировал на повороты, а машины и люди здесь почти не попадались. – «Тогда у меня такой вопрос: насколько мне известно, на последнем курсе Р. впервые в жизни вышел на сцену в каком-то спектакле. Вы не смогли бы припомнить, как всё это произошло: что был за спектакль, в каком театре, и какая роль ему досталась?» – «Вы, конечно, извините меня, но я даже не помню, где ночевал в прошлый четверг.» – Он весело заржал, рискуя влететь куда-нибудь или не вписаться в очередной поворот. – «Шутка, шутка. Хотя насчёт четверга я действительно не помню. Шурик, я не с вами был?» – Он неожиданно обратился к сидевшему тихо сзади студенту, но студент только отрицательно мотнул головой. – «Ладно, не принципиально.» – Он стал строже. – «Почти приехали: так что вопросы потом.» – Машина затормозила. – «Вы меня ждёте здесь.» – Заместитель выскочил и быстро пошёл к подъезду кирпичного невысокого дома: вывесок у дверей не было, и я не мог сообразить, по какому делу мы приехали сюда.

Отсутствовал заместитель минут пятнадцать, и пока его не было, я рассматривал третьего попутчика: он оказался явно моложе заместителя и судя по всему года на два-три моложе и меня, но по внешнему виду можно было подумать, что он здесь главнее всех: на нём сидел первоклассный костюм явно не местного производства, на груди сверкало что-то золотое, а на одном из пальцев – насколько я мог разобрать – блестела большая массивная печатка, тоже явно из золота. Похоже, я ошибался в нём, и по реакциям теперь тоже вряд ли можно было принять его за студента: он лениво развалился и закрыл глаза, совершенно не реагируя на моё присутствие.

Но когда открылась дверца и в машину с шумом и пыхтением залез заместитель ректора, попутчик сразу проснулся и полез с претензиями по поводу долгого отсутствия. Я удивился: они были на «ты», и я даже мог бы подумать, что попутчик на самом деле важнее: он почти не церемонясь употребил несколько нецензурных слов в связи с какой-то Машкой, а заместитель только отбивался, обещая, что всё будет сделано как надо. – «Ты сам отвлекаешь меня.» – «Ладно, давай двигай.» – Наконец заместитель завёл мотор и развернулся, двигаясь в обратном направлении. – «Не мог до вечера подождать, и прямо на месте – не отходя от кассы?» – «Это ты можешь – не отходя от кассы, а для меня там работа.» – Я совершенно ничего не понимал, и даже задействовав всю мою интуицию и небольшой, но впечатляющий опыт, не

мог докопаться до смысла беседы. Это казалось обидно, учитывая мою достаточно высокую квалификацию, и я некоторое время молчал и обдумывал странные слова, которые не давались мне и сопротивлялись моим стараниям выудить из них смысл. Мы уже выбрались на широкую магистраль и ехали – судя по всему – куда-то на окраину. Он вёл машину спокойнее, не так шустро, как: здесь уже попадалась милиция, и за излишнее своеволие можно было поплатиться – если не правами, то некоей денежной суммой – и насколько я понимал, дальнейшие дела не являлись такими уж срочными. Это успокаивало: я не любил машины и чувствовал себя не слишком уверенно в несущемся по городу пьяном драндулете, наверняка устроившем бы где-нибудь в сельской местности небольшой переполох с приведением в боевое состояние всех категорий шавок разного калибра; но сейчас мы передвигались по городу, и реальной опасностью могла быть только милиция, равнодушная к машинам подобного класса; это и учитывал заместитель, держась подальше от тротуара, где казалось легче притормозить его, чтобы затеять несложное выяснение отношений с заранее определённой целью. Молчание затягивалось, и частично по его вине: я видел, каким сияющим было его лицо и сколько довольства и жизнерадостности исходило от него теперь: от него даже пахло чем-то новым, то ли духами, то ли дорогим одеколоном, и кое-какие мысли стали наконец проступать сквозь полное незнание. Я, кажется, понял, зачем мы ездили в тот

район: однако это было его личное дело, и не мне следовало чему-то учить его и читать явно напрасную мораль. Я здесь по другой причине и не стоило лезть в такие подробности, за которые потом могло стать стыдно и неловко: жареные факты надо было оставить любителям и делать самому то, к чему я лучше всего был приспособлен: искать и находить конечную правду, скрытую до моего появления сплошной стеной дымовой завесы, напущенной когда-то слишком заинтересованными людьми. Так я понимал свою цель в журналистике и ради этого проводил сейчас что-то вроде журналистского расследования; первоначальные благие намерения сделать биографию кумира понемножку стали меняться: я уже занимался серьёзными раскопками, в которых находил и союзников и противников; результаты выглядели впечатляюще, но не совсем так, как я мыслил первоначально: откуда-то вылезали новые непонятные факторы и обстоятельства, о которых я не имел понятия раньше, и в чём-то дело даже запутывалось. Чтобы вылезти из паутины, оставалось предположить вещи, несопоставимые с образом гения и мученика, отдавшего в конце концов даже жизнь за освобождение от лжи и насилия; пушкинский синдром Моцарта и Сальери явно не проходил и мог ещё и перерасти в свою противоположность, оправдывающую самые чудовищные поступки великих людей, как это и выглядело на практике: всё время возникало впечатление, что за спиной Р. кто-то стоит, и такой реальной силой вероятнее всего стала та спецслужба, в ко-

торой сотрудничал родной отец Р. Во всяком случае только это логично и последовательно объясняло удивительную живучесть и непотопляемость гения: очень многие на его месте давно оказались бы отлучены и от столь строгой и элитарной школы, и тем более от высшего образования, мечты о котором наверняка грели многих менее удачливых современников. И безусловно неясно было, каким образом молодой, только начинающий актёр оказался сразу же приглашён в один из лучших театров города и практически сразу снялся в своём первом фильме.

Мы всё ещё ехали по широкой улице или проспекту; заместитель молчал, улыбаясь про себя, а попутчик – насколько я мог заметить – подрёмывал сзади, забившись в угол. Они не были сейчас радушными хозяевами, показывающими мне своё богатство, как ожидалось изначально: жирный наглый гусак находился слева от меня, а за спиной притаился в ожидании другой зверь неизвестного мне вида, не менее опасный и требовательный. Теперь я не очень хорошо понимал, зачем заместитель пригласил меня в поездку: он явно знал даже меньше меня о предмете, интересовавшем меня, ради которого я затеивал все расспросы и поиски; на жест доброй воли такое поведение тоже не было похоже, и вместе с некоторой таинственностью могло значить, что от меня пытаются что-то скрыть, и цель моего приглашения как раз и состоит в том, чтобы держать меня на расстоянии. Не исключалось, что за время нашего отсутствия всё будет приведено в

порядок или хотя бы прикрыто настолько, чтобы я не смог добраться до главной опасности; уже много раз я встречался с таким отношением, но меня не пугали специальные приготовления: всегда можно было при желании найти лазейку или даже огромную дыру в возводимом с такими стараниями заборе, и на уровне простого разгадывания тёмных и мрачных кроссвордов у меня обычно не возникало сложностей: вот если ясно почувствовавший опасность добирался до моего шефа и предъявлял более-менее весомые аргументы, тогда дело становилось намного серьёзнее и исход зависел уже от абсолютной величины и значимости аргументов. Но заместитель не знал о моих возможностях и решил, видимо, обойтись малым: сейчас он спокойно ехал в следующее место назначения, забыв о помощи, которую обещал оказывать мне по мере необходимости; ещё раз я пытался вызвать у него воспоминания о событиях тридцатилетней давности, но как и раньше, всё тихо растворилось и ушло в песок: он опять попробовал глупо пошутить, и как и в первый раз, вызвал одну неловкость.

Наконец мы приехали: новым пунктом назначения – судя по вывеске – была фирма по поставкам ширпотреба; как только машина остановилась, попутчик сразу проснулся и бодро вылез из машины. – «Вы пока посидите, мы ненадолго.» – Заместитель выбрался за ним, прихватив свёрток – взявшийся непонятно откуда – и они скрылись внутри, где их, видимо, уже ждали.

Я сразу достал блокнот и ручку: возня вокруг вызывала подозрение, и кое-что ещё требовало специальной проверки и изучения: блокнот был уже другой, связанный с чисто журналистской работой, куда я коротко занёс основные впечатления от института: странную беготню по коридорам, намёки секретарши относительно недавней смены руководства и впечатления от встречи с заместителем ректора. Он явно пытался что-то скрыть от меня, теперь я в этом не сомневался, и пара интересных историй – вне зависимости от замысла книги – могла оказаться полезной в постоянной работе. Я уже решил обязательно докопаться до истины, даже если на моём пути встанут и ректор, и весь преподавательский состав: это стало делом чести, и просто так от меня они теперь не смогли бы отделаться.

Я ждал минут двадцать; наконец среди мелькавших спин возник красный пиджак, обвешанный коробками; попутчик тащился за ним: у него коробок не было, зато в каждой руке он нёс по большому увесистому узлу. Я поторопился открыть заднюю дверцу: один узел они пристроили на заднее сиденье, а остальное запихнули в багажник, немного попопев. – «Ну как, возвращаемся?» – «Пока нет. Надо ещё в одно место.» – Заместитель вспотел и тяжело отдувался: видимо, не каждый день занимался он переносом таких грузов. – «А вообще, если хотите, можете ехать: вы нам больше не понадобится. Я думал, будет сложнее.» – «Нет, спасибо: раз уж я взялся с вами ехать, то буду до конца. Может, ещё че-

го вспомните.» – «Это вряд ли. Напрасно я наобещал вам столько: но большего вам всё равно никто не предложит. Так что – хотите? мы подбросим до ближайшего метро, ну а дальше сами...» – «Нет, спасибо.» – Он явно был не слишком доволен итогом, но переспорить меня было сейчас невозможно, и он наконец завёл мотор и мягко тронулся с места.

Последний пункт назначения находился не так далеко: в этот раз мы подъехали к высокому жилому дому, и совершенно неожиданно заместитель предложил мне захватить один узел и часть коробок. – «А то я что-то устал.» – Мы обошли дом, и по извилистой тропинке среди куч строительного мусора он провёл караван знакомым маршрутом, который вывел к подвалу: они помогли мне освободиться от немалой тяжести, и я рассчитывал, что сейчас хоть чуть-чуть смогу понять цель и задачу похода, но я просчитался. – «Вы дорогу найдёте? Спасибо за помощь: дальше мы сами. И ещё: следите пока за машиной, а то мало ли что.» – Спротивляться было бессмысленно: теперь я находился, можно сказать, на его территории, и в свои дела он не собирался посвящать посторонних, тем более если посторонний был журналистом с не очень понятными целями и намерениями.

Я решил больше пока не лезть и не нарываться: совершенно незачем было обострять отношения с человеком, обладавшим, судя по всему, немалым влиянием. Поэтому я сделал то, что он попросил; почти полчаса прогуливался я около машины, даже немного обидевшись на заместителя: он мог бы

дать мне ключи, чтобы я спокойно посидел или даже подремал внутри машины, раз уж мне не разрешается присутствовать на встрече. Видимо, свидание было достаточно конфиденциальным и серьёзным, если меня так явно отослали подалее; когда они показались наконец на тропе, я удивился. Теперь заместитель двигался налегке, а попутчик сгибался под тяжестью объёмистого непрозрачного мешка. Шли они молча, и так же молча и сосредоточенно прошли мимо меня и открыли багажник: мою помощь они отвергли и сразу с предосторожностями запихнули нелёгкий груз: только потом мы наконец устроились внутри.

«Ну как, всё удачно?» – Я решил немного прощупать заместителя. – «Сойдёт. Так как: не хотите – до ближайшего метро?» – «Благодарю, не стоит. Вот если бы вы свели меня с кем-нибудь из знающих людей – в том, что меня интересует – я был бы крайне благодарен.» – «Из знающих, говорите?» – Он задумался и даже осторожно почесал себя в затылке. – «Санёк, а если его вечером пригласить, твои возражать не станут?» – Попутчик пожал плечами: весь день я чувствовал его равнодушие к моей персоне, но теперь стало видно равнодушие и к мнению друзей или сослуживцев, как я понял, устраивающих сегодня какое-то застолье; видимо, на встрече ожидалось люди, имевшие непосредственное отношение к институту. – «Ладно. Хорошо. Уговорили. Но при одном условии: вы не будете совать нос туда, куда вас не просят.» – «Я согласен.» – Желания немедленно заняться

разоблачениями у меня не возникло: пока можно было организовать параллельный основной задаче сбор полезной информации, а её отражением и обобщением я мог бы заняться через несколько месяцев, если к тому времени – конечно – никто не опередит меня.

Обратно мы доехали быстро: заместитель выглядел снова бодрым и свежим, как при первой встрече в приёмной ректора; он попробовал даже шутить, но снова сделал это неудачно: я ушёл в свои мысли, а попугайчик сзади так и не проявил ни разу положительных или отрицательных эмоций. Видимо, он всё-таки не был непосредственно связан с институтом: даже я и тем более заместитель выбрасывали намного больше энергии по всему эмоциональному спектру; похоже, заместителя можно было считать выпускником института или неудачливым в прошлом абитуриентом. Это объясняло его нынешнюю работу: человек с таким запасом воли и энергии мог легко найти хорошую работу, и то, что он работал в не самой богатой и выгодной сфере, было его плюсом и положительной стороной. Приличное внешнее и внутреннее состояние здания института наверняка было его заслугой, хотя, конечно, я понимал, что никто на его месте не стал бы работать за одну зарплату. Здесь был явно тот случай, когда человеку позволялся выход за рамки правил, и требовалось только определиться с рамками: если бы они оказались достаточно скромными и сдержанными, то никакой главный редактор не смог бы заинтересоваться подобным материа-

лом, и только что-то чрезвычайное имело смысл использовать в качестве основы и сырья для небольшого, но шумного скандальчика.

Мы подъехали к институту в два часа дня: согласно договорённости меня ждали в пять у кабинета ректора. – «А пока подышите свежим воздухом.» – Я возразил: было бы очень полезно побродить по институту и пропитаться атмосферой актёрской жизни: это могло дать понимание того, что чувствовал Р. в те годы. – «Да бросьте вы: ничего он такого особого не чувствовал. И кроме того, здесь недавно прошёл большой ремонт. И потом: не забудьте об условии.» – Он заставил вспомнить меня обещание, которое я, разумеется, не собирался выполнять, но пока приходилось во всём соглашаться и говорить любезные успокаивающие фразы.

Я подождал, пока они вытащили мешок и уже вдвоём понесли его наверх. Несколько минут я подождал у входа, делая вид, что с кем-то должен здесь встретиться: я смотрел на часы, изучал улицу и притопывал от нетерпения ногой; потом я всё-таки решился и осторожно – вглядываясь в темноту коридора – прошёл в вестибюль.

Сейчас было что-то вроде перерыва, и коридор снова оказался забит мирно беседующими и отдыхающими: в такой толпе можно было удачно спрятаться. Но я хотел продолжения поисков и открытий: неохваченным оставался ещё третий этаж, где – вполне возможно – находилось главное место скопления творческих сил. Имело смысл рискнуть: слишком

неясно выглядела перспектива вечерней встречи – заместитель не обещал мне ничего конкретного – а в случае удачи можно было рассчитывать и на то, и на другое: мне не хотелось верить, что память об Р. совсем вытравлена и уничтожена здесь за исключением самых пошлых и грязных следов, возможно, выдуманных и присочинённых чьей-то нелепой и злой фантазией. Во всяком случае я не верил в историю о двух преподавательницах, поддавшихся обаянию Р. настолько, чтобы сделать всё то, что им приписывалось; скорее уж заместитель сам выдумал или довёл до крайности какие-то неясные слухи: судя по замашкам, он был на многое способен, тем более что собственное поведение ясно показывало его предрасположенность к тому же самому, в чём он обвинял Р.

Я быстро дошёл до конца коридора, внимательно глядя по сторонам; знакомого красного пиджака видно не было, хотя не исключался другой вариант: кто-то же дал ему знать о присутствии в институте постороннего неизвестного журналиста. Насколько можно было понять, никто не следил за мной; в случае же явной слежки я мог дать логичное объяснение: я шёл в столовую, но, похоже, оно пока не требовалось. Я заглянул в столовую: опасности тоже не обнаружилось; следующим пунктом назначения я избрал туалет: разве мог кто-то винить меня в естественном и обычном желании, тем более что он на самом деле был бы кстати, а на первом этаже я почему-то не заметил дверей с подходящими симво-

лами или буквами.

Когда я поднимался на второй этаж, всё выглядело спокойно: я с интересом смотрел на разгуливающих, но никто не обращал на меня внимания. В центре коридора – как и в первый раз – скопление казалось гуще; я сделал вид, что рассматриваю надписи на дверях: должны же были где-то оказаться подходящие обозначения? Однако почему-то их нигде не было, и скорее всего в здании имелась своя система обозначений, неизвестная посторонним людям. Теперь я получил законный повод подняться выше: я ещё раз огляделся по сторонам и пошёл по лестнице.

Но только на середине пути вверх я заметил высокого мужчину, который почти не скрываясь бежал за мной. Почему-то сразу я подумал, что он никак не связан с заместителем и явной угрозы для договорённости пока не существует: наверно, он действовал слишком открыто и неискусно, совсем не так, как мог бы действовать один из хозяев института. Я замедлил движение, чтобы дать ему возможность приблизиться: меня догонял худой и почти совсем облысевший мужчина, неуклюже обходя и обгоняя встречающихся на дороге. Когда он почти догнал меня, я добрался до площадки на третьем этаже и остановился; сразу же за спиной возникла тень, она приблизилась и нависла надо мной – как высокая каменная глыба – и над ухом тихо и осторожно зашуршало. – «Я знаю, вы журналист: у меня есть очень серьёзный и большой разговор. Но действовать надо тихо-тихо, как

будто мы просто прогуливаемся: я вас отведу в комнату, где нам никто не помешает.» – Он осторожно захватил меня под руку и повёл в дальний конец коридора. Я не сопротивлялся и сразу поверил ему: неоднократно во время визитов в разные места я сталкивался с таким поведением и беседовал потом с оппозиционно настроенными обычно к руководству людьми, не хотевшими лишнего шума. Наверняка так же было и на этот раз: мы не спеша пробрались почти до конца коридора, и неожиданно мужчина резко повернул направо и открыл очередную дверь; он быстро затащил меня внутрь и закрылся, но этим дело не ограничилось: мы прошли через зал направо, где обнаружилась ещё дверь, и только когда мы оказались внутри – в тёмном подобии чулана – незнакомец наконец отпустил меня и тяжело уселся в одно из кресел.

Я огляделся: здесь был свален театральный реквизит, относящийся ко многим эпохам и народам, на полках виднелись мешки и коробки, а в глубине стояло несколько шкафов, и на фоне пёстрой мешанины сидел испуганный незнакомец, нервно облизывавший губы. Я аккуратно устроился в другом кресле, и поскольку он молчал, мне пришлось начать разговор. – «Так что вы хотели мне сообщить? Я внимательно слушаю.» – Видимо, он очень волновался, потому что я заметил, как дёргается его правое веко и пульсирует на шее синяя жилка: одна из крупных вен. Он всё ещё молчал. – «И от кого вы, кстати, узнали обо мне?» – «Мне сообщил один ученик и ... ещё кое-кто. Но вы не бойтесь. Это я должен

бояться.» – Он закончил совсем тихо и почти уныло. Но я не собирался сидеть здесь слишком долго и дал понять это, посмотрев и подкрутив наручные часики: незнакомец наконец встрепенулся и зашевелил сухими лапками, сложенными до того на коленях. Он поднёс левую руку к лицу и вытер несколько капель пота, и попробовал остановить нервный тик – всё ещё мешавший ему – но потом оставил бесполезное занятие и начал наконец прояснять ситуацию. – «Вы меня... извините... что я так. Но если бы вы знали, что здесь происходит.» – «Заместитель ректора мне кое-что рассказал.» – «По учебной части?» – «Нет, по хозяйственной.» – «Он и есть главный... бандит!» – «Ну почему же – бандит? Может – он несколько и не соответствует занимаемой должности: всё-таки – театральный институт – но бандитского или уголовного я ничего в нём не заметил. Кстати, он пригласил меня вечером.» – «Вечером?! Когда здесь собираются все эти... уголовники и прочие типы, и происходит ещё кое-что, о чём приличный человек не должен и знать, не то чтобы присутствовать?» – Он стал горячиться, и стеснительность сразу прошла: сейчас он говорил абсолютно твёрдо и не косноязычно, не задумываясь о подборе слов: похоже, он очень серьёзно воспринимал ситуацию. – «И что же здесь такое происходит страшное, из-за чего вы так сильно расстраиваетесь?» – «Знаете, легче сказать и вспомнить, чего здесь не происходит.» – «Например?» – «До убийств пока не дошло, но если так дальше пойдёт...» – «А вы, кстати, кем тут

работаете? Обо мне вы основное знаете, а сами пока что не представились.» – «Фамилию я не хочу называть – мало ли что? – а остальное – пожалуйста: я старший преподаватель, веду курс у актёров и режиссёров. И кроме того: я один из немногих, оставшихся после большой чистки. Да и то: чего мне это стоило, если бы вы знали.» – «Кстати, насчёт чистки: секретарша мне что-то такое намекала, вот только я мало что понял.» – Он устало посмотрел мне в лицо, и только тогда я наконец осознал, с кем беседую: это был немолодой – явно за сорок – издёрганный и побитый жизнью человек, почему-то решивший обратиться за помощью ко мне, журналисту известной крупной газеты, как будто моя помощь могла что-то значить и решить что-то важное: я был всего лишь одним человеком почти без влияния и совершенно без всякой власти, и одного неблагоприятного слова главного редактора могло оказаться достаточно для устранения любых коллизий и никто не смог бы помочь уже мне удержаться на моей работе, если бы подписанная мной статья затронула чьи-то крупные и весомые интересы. Я не стал объяснять ему такие ясные и очевидные вещи: он мог подумать, что я совершенно ему не сочувствую, а рассказать он мог – судя по всему – очень много.

«Вы говорите о секретарше? Она далеко не всё знает. А если и знала бы, то не стала бы рассказывать постороннему: она своё место знает.» – «Ну вот и расскажите. Хотя я предупреждаю заранее, что ничего обещать не могу: я пришёл

сюда совершенно по другой причине. Меня интересует Р.» – «Вы имеете в виду нашего выпускника?» – «Я знаю только одного человека с такой фамилией, оставившего след в истории.» – «Да, вы правы, конечно, насчёт истории. Только чем же я могу помочь? Я моложе его и никогда с ним не общался, да если бы и представилась такая возможность, я всё равно вряд ли смог бы стать его другом.» – «Хорошо, а не знаете ли вы людей, которые с ним виделись, или – может быть – даже вели у Р. занятия?» – Он задумался: я видел, как старательно он пытается вспомнить нужное мне, но что-то то прорывается наружу, то снова ускользает и уходит в глубину, туда, куда не может проникнуть разум и зацепить и удержать твёрдое знание. Он откинулся на спинку и вцепился руками в подлокотники, а сосредоточенный и унылый взгляд перебегал со стеллажей на пол и обратно, не задерживаясь надолго ни на одном предмете. Наконец что-то клюнуло, и он вскинул на меня глаза, неуверенно бегающие по сторонам: ещё немного он собирался с мыслями, пока не выдал ожидаемое. – «А вы знаете, я помню одного такого: он всю жизнь проработал преподавателем, и наверняка сталкивался с Р. Только он попал как раз в чистку; но если честно, то он и так изрядно засиделся: наверняка у него раньше были покровители наверху. Ну а после переворота – сами понимаете: покровителей убрали, и его тоже сплавил на пенсию. Больше я – к сожалению – не могу никого вспомнить, да и то: всё, что касается преподавателя – как же его звали? – не слишком надёж-

но. А вообще сейчас в институте другие заботы и интересы: кому теперь нужен Р.?» – Я хотел возразить, но – вглядываясь в усталое измученное лицо – я вспомнил весь сегодняшний день: педагог был безусловно прав, и странная подозрительная суэта и беготня, а потом скользкие и неудачные шуточки заместителя ректора безусловно подтверждали: искусство не было здесь больше властелином и хозяином, а вместо него появилось нечто новое, держа искусство на роли пасынка и приживалы. Однако упоминание о перевороте я не пропустил мимо: эту тему обязательно надо было развить дальше. – «А что вы называете переворотом?» – «Как что? Ту самую смену руководства, которое – хотя и не слишком удачно вело дела – но всё-таки не поступало так, как нынешнее. Вы ведь ничего не знаете.» – Он почти прошептал последние слова, выкатив глаза и нагнувшись вперёд: он стал похож на испуганного зверька вроде лемура с торчащими высоко ушками и выпуклыми огромными глазными яблоками, пытающегося схватить меня за ногу, чтобы не упасть с высокой ветки: я отодвинулся в кресле, и он сразу опомнился. – «А вы рассказывайте: я внимательно слушаю.» – Он всё ещё сидел в наклонном положении с согнутой спиной и шеей, но теперь немного успокоился. – «Года три назад, когда пошли всякие интересные дела, у нас тоже начались трудности: как и везде, не платили зарплату, а то, что платили, хватало на одну-две недели. Ну, вы знаете?» – Я кивнул. – «Конечно, все выражали недовольство: руководство ничего не

делало, а только проедало старые запасы, остальные же ничего не умели и не хотели. Так продолжалось, пока однажды в институте не появилась группа молодых инициативных людей. Их, кстати, привёл бывший завхоз. Ну естественно, они сразу всем всего наобещали: и зарплату поднять – из внебюджетных фондов, и ремонт устроить, и вообще всё привести в порядок. Меня тогда не было, и под шумок они провели собрание и сменили всё начальство: естественно, завхоз стал ректором, ну а остальные – другими членами руководства.» – «Но разве не было борьбы?» – «Ещё какая! Только потом обнаружилось, что у них всё было заранее подготовлено: и наверху всё оказалось тоже улажено – как же без этого? и покровители нового руководства смогли одолеть покровителей старого: это ведь так просто не делается, вы понимаете?» – Я согласно кивнул. – «А что потом?» – «Потом? Вы же видели бардак, который сейчас внизу?» – «Бардак? По моему, там нормальная рабочая обстановка.» – «Рабочая?! Это после того, как нас выжили с первого этажа из самых удобных помещений, и всем приходится ужиматься и вести занятия у двух-трёх групп в одном помещении?» – «Что-то я не понял.» – «А кто по-вашему эти люди, занявшие почти пол-здания, причём абсолютно незаконно и без всяких документов и оснований? зато теперь у ректора и его прихвостней есть по даче и по машине. И не по одной!» – «Так кто же это такие?» – «А вы не поняли?» – Он распрямылся и уже со злостью посмотрел мне в лицо. – «Они же сдают полови-

ну помещений фирмам, а я должен вести занятия у третьего курса чуть ли не в туалете!» – «В самом туалете?» – Он хлопнул глазами. – «Нет, в переоборудованном под класс. Вы понимаете, что происходит?! Они гребут себе под задницу, совершенно не думая о других и об искусстве тоже. Какое там, к чёрту, искусство! Скоро мы вообще в подвале будем заниматься, если там дальше пойдёт.» – «Насколько я понял, все разгуливающие на первом этаже – это коммерсанты?» – «Да. И на втором тоже – в-основном. За нами пока остался третий этаж – целиком, но что будет дальше – совершенно непонятно. С этим ведь надо что-то делать. И останавливаться они не собираются.» – «А почему никто не реагирует?» – «Реагируют. Только недолго: всех их потом быстро сокращают.» – «А комиссии?» – «Какие комиссии?! Господь с вами, их покровителям никакая комиссия не страшна, а если кто-то не послушается.. нет уж, тут я промолчу: я пока ещё жить хочу. Но вы же из центральной газеты: вам поверят, и если поднимется трезвон, то, может быть, что-то и изменится.» – Он помолчал. – «Ведь до чего, сволочи, дошли?! Они берут студентов – особенно отстающих – и предлагают: или повысим оценку и позволим учиться дальше – за пару недель бесплатного рабского труда на даче – или крутитесь как хотите. Конечно, не все, но многие соглашаются. И потом бывшие студенты должны защищать доброе, вечное, светлое?! Ничего подобного: не будут они этого защищать. Но и тут ещё не всё: я могу сообщить такое, от чего – не сомневайтесь даже –

волосы встанут на голове. Только при одном условии: вы меня не выдавайте, это всё не шутки. Вы не выдадите меня?» – Он говорил почти строго, но одновременно подобострастно. Я немного подумал. – «Да.» – «Так вот: ночью тут работает бордель.» – «В каком смысле?» – «Лупанарий, дом с красным фонарём, наконец – публичный дом. Теперь вы поняли?» – Я потрясённо замер: это выглядело слишком неправдоподобно, хотя почти сразу мне вспомнилось содержание недавней газетной заметки: о том, как в некоем областном центре накрыли публичный дом, действовавший при институте культуры. Заметка была маленькая и короткая, но наверняка исходила из достоверного источника, и можно было не сомневаться в её правдивости. – «Вы абсолютно уверены?» – Я решил всё-таки соблюдать осторожность. – «Ви-дите ли, в чём ещё дело: там подрабатывают некоторые студенты и конечно студентки: особенно те, кто приехал из других городов и живут в общежитии. В моей актёрской группе есть две девушки, и ещё студент работает вышибалой. Какое потом может быть искусство? Хотя кое-кому и везёт: у меня есть чудесная студентка, так вот она нашла богатого покровителя и живёт теперь в квартире: но это исключение из правила.» – «Вы считаете её удачливой?» – «При таких условиях и обстоятельствах – да: она по крайней мере не на панели.» – Я представил себе, что должен чувствовать преподаватель, знающий, что его старания не могут принести пользы и дело жизни унижено и задвинуто на задворки: у него была

безусловно жажда мести, перемешанная с боязнью и страхом и за работу, и возможно – даже за жизнь: не случайно он, видимо, делал намёки и так настойчиво просил сохранения тайны; вполне возможно, он знал ещё что-то более серьёзное и наверняка совсем уж криминальное, о чём не решился мне рассказать. – «И что вы хотите от меня?» – «А разве вы не поняли?» – Он обиделся, и, похоже, очень серьёзно. – «Разве не в вашей власти устроить такой скандал: ведь чем больше шума, тем выгоднее самой газете: разве я не прав?» – «Для жёлтой прессы – да, но я работаю в серьёзном издании. И потом: вы говорили о сильных покровителях; если они настолько сильны, то вряд ли вам кто-нибудь вообще поможет; если только сам Президент. У вас есть выходы на Президента?» – Он сжался и печально помотал головой. – «Вот то-то. У нас тоже, хотя газета и одна из крупнейших.» – «Но знаете, по поводу покровителей есть ещё информация: может, хоть она поможет.» – Он резко оживился. – «Они ведь тоже не сидят просто так: насколько мне известно, недавно у них произошёл раскол, и нашего бывшего завхоза – ставшего ректором – отсюда убрали: уже по-тихому.» – «Да? Это кое-что меняет. И кто же сейчас исполняет обязанности?» – «Один из заместителей: как раз тот самый, с которым вы общались.» – «Он что же: одновременно теперь и ректор, и заведует хозяйственной деятельностью?» – «Я не знаю точно: думаю, что да.» – «Да, а с ним был какой-то тип: молодой и молчаливый. И шикарно одетый.» – Он задумался: видимо,

молодой незнакомец не успел ещё слишком примелькаться, и его знали пока недостаточно. – «Я точно не могу сказать; может быть, представитель «крыши».» – «Как-как? Я что-то не понял.» – «Ну местной группировки. Разве сейчас без них хоть одно дело обходится?» – «Значит, у вас тоже?..» – «А что вы хотите: при такой-то бурной деятельности? Здесь постоянно кто-нибудь крутится. Надо же защищать свою территорию от чужих?» – В этом он был безусловно прав, и от случайных наездов посторонних необходимо было, конечно, иметь постоянную защиту. – «Кстати, я ведь сегодня ездил с ними, и они занимались непонятными делами. Интересно только – какими?» – Он помолчал, неуверенно глядя на меня. – «Я не знаю.» – Он пожал плечами. – «Там может быть всё, что угодно.» – «Я по-моему уже говорил: он ведь пригласил меня сегодня вечером.» – «Ни в коем случае!» – Он всполошился. – «Если вы пойдёте, он наверняка пойдёт на всё, чтобы сделать вас своим человеком. И тогда вы уже ничего не сможете против них.» – «Это не так просто.» – «Я знаю, они всё могут.» – Он почти шептал. – «Так вот: у нас появился как-то журналист – честный, справедливый – так они ему, – он говорил еле слышно, – подсунули девицу, а потом сфотографировали. Но об этом, – он приложил палец к губам, – никто не должен знать. Если вы проболтаетесь – они до меня быстро доберутся.» – «Вы предлагаете мне не ходить?» – «Ни в коем случае!» – Он почти кричал. – «Если бы вы знали, как я рискую.» – «Ну а где у них всё проис-

ходит?» – «Прямо тут: на первом этаже, в столовой. Я как-то хотел подсмотреть, но они всех обычно выгоняют: относящихся к институту, и что тут потом начинается...» – «И что же? Мне просто интересно.» – «Самые настоящие оргии. Как у Пушкина: пир во время чумы. Тем более что и девицы недалеко. А для своих у них всё бесплатно.» – «И откуда вы так всё хорошо знаете? Удивительно даже.» – «Я не могу сказать.» – Он явно нервничал. – «Если я скажу, то подведу одного человека. И себя тоже. Но вы просто обязаны мне помочь.» – «Знаете, без документальных подтверждений мне никто не поверит. То есть я – конечно – могу сделать статью, и – не исключено даже – что главному редактору она понравится, – я специально сделал паузу, – но вы должны понимать, что мы живём не в безвоздушном пространстве, и ему тоже приходится считаться с мнением серьёзных людей. А что, если кто-то из них входит как раз в число покровителей, об этом вы не подумали?» – Он резко отпрянул и испуганными глазами уставился на меня: моё неосторожное предположение произвело на него сильнейший эффект, как если бы в комнате – у меня за спиной – возник и сформировался бы из воздуха тайный свидетель, собирающийся донести на него. Возможно, он даже мелко задрожал – такое появилось впечатление – и я сразу решил его успокоить. – «Ладно, вы не бойтесь. Я поступлю следующим образом: я коротко объясню шефу ситуацию, и если он сочтёт возможным, то мы продолжим выяснение деталей. А если нет, то я поступлю

так: у меня есть знакомства в других газетах – в том числе и в жёлтой прессе – так что я просто кого-нибудь сюда направлю. А как вас, кстати, зовут: к кому можно будет обратиться?» – «Нет, нет, не надо фамилий, имён, я ещё жить хочу: разве трудно это понять?!» – Похоже, мне не удалось привести его в норму: он снова испуганно отодвинулся и вжался в кресло, как будто я представлял для него несомненную и близкую угрозу, только что обнаруженную. Теперь он дрожал на самом деле. – «Хорошо: но кого-то ещё – кто был бы заинтересован в разоблачении – вы можете мне сейчас назвать?» – «Нет!» – Он опять нервно дёрнулся и почти выплюнул отрицание, и я решил оставить его в покое: слишком мало шансов имелось на то, что главный редактор поймёт меня и согласится: он тоже был всего лишь человеком, хотевшим жить, и жить хорошо. Скорее он продал бы меня самого, что я понял не так давно, после одной истории такого же характера, как и намечавшаяся. Хотя редактором он был неплохим, и, самое главное: лучшего не предвиделось. – «Так что вы можете всё-таки посоветовать?» – Он настороженно сопел в кресле. – «Попробуйте – к секретарше. Но, пожалуйста, без ссылок.» – Он ещё помолчал, не решаясь ни сказать что-то новое, ни перейти к действиям. – «Ладно, давайте прощаться: меня, небось, кто-нибудь давно ищет.» – Он медленно выбрался из кресла, и мне пришлось сделать то же самое, в ожидании, пока он откроет дверь кладовки. «Но главное – никому ни слова; и чтобы нас вместе не ви-

дели, а то быстро распознают. Выходите первый, я пока тут подожду.» – Мы прошли через аудиторию, и он приоткрыл дверь и высунул наружу голову. – «Ну всё – прощайте. Но помните: вы меня не видели, и я вам ничего не говорил.» – Я кивнул ему напоследок и выскользнул в коридор: сейчас здесь вообще никого не было, и я даже подумал, что можно просто походить и поглазеть на доски, развешанные на стенах: они оказались заполненными фотографиями и листами исписанной бумаги, содержащими явно какую-то полезную информацию. Но мысль о дрожащем за дверью преподавателе оказалась сильнее, и я постарался сдержать слово: почти не заглядываясь на внешний антураж я быстро дошёл до дальнего конца коридора, где вторая лестница вела на нижние этажи и было мало возможностей натолкнуться на преподавателя. Только здесь я вспомнил о договорённости с заместителем ректора, который оказывался теперь ещё – судя по словам педагога – также и.о. ректора. Мне не хотелось принимать участие в пьянке – о чём педагог рассказал такие пикантные подробности: в конце концов я просто устал, и следовало заканчивать сегодняшний визит в институт: если верить педагогу, эта клоака не способна была больше воспроизводить настоящие актёрские таланты и делать работу, нужную искусству: даже педагог произвёл на меня жалкое впечатление забитой ущербной личности, ни на что не способной, и искать надо было в других местах.

Я быстро спустился на первый этаж и шёл по коридору;

теперь я по-другому видел окружающее меня: красные и малиновые пиджаки ещё пока бегали из аудитории в аудиторию, и длинноногие накрашенные девицы тоже не отставали от них: рабочий день пока продолжался, и все выглядели страшно занятыми, как будто от их суеты зависела судьба человечества или по крайней мере этого города, привлёкшего или вызвавшего волшебной дудочкой полчища двуногих крыс, заполонивших улицы, площади и кварталы; они слетелись как стаи саранчи, как толпы шакалов на зов падали, приманившей их со всех сторон света и давшей всем им пищу и кров, самые сладостные и удобные. Только последнего не смог или не захотел сделать невидимый крысолов: устроить им западню с пышными похоронами и поминками в конце: так и остались они из-за этого отступления от плана хозяевами, разжирев и заплыв светлым тёплым салом; мне здесь было делать нечего, и я свернул в вестибюль и вышел на улицу.

Однако почти сразу я заметил, что меня догоняет какой-то человек; я двинулся ещё быстрее, но мужчина уже открыто бежал за мной. Мне пришлось остановиться: баллончик с газом лежал в кармане куртки, укутанный в носовой платок, и я постарался побыстрее развернуть его, чтобы иметь возможность сразу же отбить нападение. Мужчина был моего роста и выглядел чуть старше: мне абсолютно не было ясно – чего от него можно ожидать – и я собрался и расставил ноги, чтобы легче отпрыгнуть в сторону.

Но когда он наконец добежал, то остановился за несколько метров, и я смог убедиться, что у него достаточно мирные намерения: он улыбался натренированной улыбкой профессионального лицедея и медленно приближался ко мне. Наконец он встал и улыбнулся ещё больше: широкий оскал должен был, видимо, изображать подобие голливудской улыбки. – «Извините, что я вас так напугал: насколько мне известно, вы журналист, пришедший сегодня утром?» – «Да. А откуда вы знаете?» – «Какая разница.» – Он мило улыбнулся. – «Но вы так спешили, что мне пришлось вас догонять; и даже немножко пробежаться.» – Он снова выставил ослепительный белозубый оскал, на который, видимо, очень рассчитывал. – «Но вы, я надеюсь, не окончательно нас покинули?» – «Да я, собственно, заходил тут по одному делу – вы понимаете? – по маленькому.» – «Как же, как же, мы всё понимаем.» – Он ухмыльнулся и подмигнул, уличая меня в чём-то не вполне дозволенном. Похоже, я попался: соглядатаи и.о. ректора застукали меня, и предстояло неприятное прояснение ситуации. – «И где же вы... извините за нескромность, прятались?» – «Да вот: пришлось подниматься наверх: у вас же непонятно ничего; не будешь же прямо в подъезде?» – «Ну да; но я так спрашивал. Насколько мне известно, вы интересуетесь искусством?» – «Не совсем.» – Он вёл себя мирно, и от объяснений моего присутствия здесь в данный момент, возможно, удалось бы уйти. – «Меня интересует конкретный человек: Р.» – «Тот самый, который был

двадцать лет назад?» – «Да: один из лучших актёров последних десятилетий.» – «А лучший актёр будущего вас не интересует?» – Я с большим сомнением оглядел его: он вряд ли мог претендовать на такую роль. – «Нет, вы неправильно меня поняли: я его преподаватель. Разве вас не привлекает такое: стоять у истоков нового искусства нового времени? А что касается Р.: для той эпохи он был, конечно, хорош, но сейчас, извините, другая ситуация.» – «Что вы имеете в виду?» – «Разве вы не слышали, что сейчас эпоха постмодерна? По-моему, об этом все должны знать: это общеизвестно.» – «Знаете, меня не интересует постмодернизм.» – Я кажется, понял, с кем имею дело: с новейшим продавцом старой гнилой тухлятины. – «Ну тогда вы ничего не понимаете в искусстве: время реализма давно прошло, и, кстати, Р. – пояись он сейчас – непременно стал бы сторонником нового. Уж я-то точно знаю.» – Я с сомнением покачал головой. – «Ну а куда бы он ещё пошёл: к голливудским жеребцам и бройлерам, которых теперь набирают на актёрский? Его бы сейчас просто не приняли. Остаёмся только мы.» – «Вы преувеличиваете.» – Но я совсем не был уверен, что он говорит неправду: насчёт жеребцов можно было с ним согласиться. – «А может, вы и правы: какие-то они все больно здоровые и откормленные.» – «Вот-вот, я же говорил: новые времена – новые тенденции – новые вкусы. Нынче в моде – голливудский стандарт. С соответствующими мозгами.» – Он нервно рассмеялся, и я тоже не мог к нему не присоединиться:

он открывал мне глаза на реальную ситуацию, и по одной этой причине я мог быть ему благодарным. – «Так что почему бы вам не помочь тем, кто занимается на самом деле искусством?» – Я серьёзно задумался: он явно рассчитывал на моё содействие в качестве журналиста – кто же теперь обходился без широкой и крикливой рекламы? – но нужно ли это было мне самому и мог ли я позволить себе такое отвлечение и не лучше ли было всё же полностью сосредоточиться на моём замысле? Я задавал себе такие вопросы и одновременно вспоминал только что прошедший разговор с педагогом на третьем этаже: там бился и стонал от боли ещё один человек, рассчитывавший на мою помощь, почти без шансов на успех и облегчение – но он не знал этого и, несмотря на вероятную и близкую опасность, он всё-таки доверился мне и выдал всю подноготную людей, которые получили бы в иные времена за свои подвиги максимальные или близкие к максимальным сроки заключения; он уже был конченным человеком, и единственным, ради чего он это делал – было воздаяние всем справедливого возмездия и наказания, но здесь ситуация выглядела иначе: помощь требовалась уже новому, молодому и растущему, могущему хоть как-то продолжать общее дело, почти заброшенное и вытесненное далеко на периферию: ради этого стоило отвлечься, тем более что здесь не было видимых опасностей и моё участие не грозило осложнениями. Педагог ждал моего ответа, и я наконец решился. – «Хорошо: а далеко идти? И ещё: у меня не так

много времени.» – «А мы быстренько: за полчаса уложимся. Я покажу вам своего ученика, а уж вы не подведите.» – Мы двинулись обратно к зданию института. – «Но учтите: такая помощь не только от меня зависит. Главному тоже придётся дать.» – «Непременно, непременно: как же без главного? Но вы обеспечите скидку?» – «Если ваш ученик того заслуживает. Но если главному очень понравится, он может и даром: на основе благотворительности.» – «Даром?! Не верю своим ушам!» – «Но на всякий случай: спонсоры у вас есть?» – «А как же? Без спонсоров мы никуда: разве мы не понимаем? Мы всё прекрасно понимаем. А наши спонсоры плюс ваша газета – великая сила.» – Он был откровенен, видимо, чувствуя за спиной значительную мощь, уже начинающую крутить жернова и молоть ту муку, из которой со временем можно будет наделать много мягкого и пышного хлеба; тот, кто давал зерно и помогал запускать колёса, должен был безусловно в будущем оказаться в выигрыше, и широким и доброжелательным жестом он приглашал меня тоже принять в этом участие, и я не собирался отказываться, как и все те, кто уже что-то вложил в появление и взлёт новой звезды.

«Нам ещё далеко?» – «Не очень.» – Мы поднимались на второй этаж и я стал внимательно оглядываться по сторонам: встреча с и.о. ректора сулила неприятности, и сложно было заранее определить, поверит ли он моим объяснениям. – «Вот сюда: прошу вас.» – Он завернул в самый конец коридора и приоткрыл одну из дверей: я захотел пройти, но

неожиданно он засунул голову внутрь и неразборчиво крикнул. Когда я вошёл в обширную тёмную аудиторию, то не сразу понял причины такого поведения: обведя взглядом почти половину территории, я только тогда узрел двоих ребят, молчаливо что-то делавших за ширмой. Потом они вышли, и тогда я увидел, что один из них – девушка в рабочих брюках и рубашке; вторым был, судя по всему, тот самый студент: будущая звезда театральной сцены.

А педагог не терял времени напрасно: он уже зажёл батарею ламп дневного света и дал мне возможность рассмотреть обстановку: комната напоминала зрительный зал со сценой, обставленный кривыми и безногими стульями, а часть сцены занимала декорация с кучами сваленного тряпья, где и нашли приют те двое. Девушка быстро ушла, а педагог стал подгонять ученика, натягивавшего облегающий костюм телесного цвета: между делом он ещё и поругивал нерадивого подопечного, с которым – насколько можно было разобрать – имел договорённость. Я подошёл к стене и выбрал один из стульев: насколько я понимал, ученик должен был продемонстрировать что-то из своего умения, и я устроился прямо напротив свободной половины сцены. Однако когда переодевание кончилось, оказалось, что такого пространства будет явно недостаточно, и демонстрация предполагается непосредственно в зале. – «Эта сцена требует простора.» – Педагог наконец занялся представлением ученика, разминавшего пока руки и хлопавшего и тёршего неразогретые пока икры и

мышцы брюшного пресса. – «Позвольте представить: Дима. Он из области, поступал два раза безуспешно, и если бы не я: мог ещё раз десять. Самое главное: обратите внимание, какая пластика. Если вы мне предъявите человека, могущего хотя бы половину, я согласен, – он коротко задумался, – покинуть навсегда это заведение и никогда больше театром не заниматься.» – Он выглядел почти гордо, не сомневаясь в успешности дела. Я вернул стул на то место, откуда взял его, и постарался поудобнее устроиться; педагог нервно ходил рядом, и – насколько можно было разобрать – собирался разъяснять мне ход действия и давать комментарии.

Я ожидал каких-нибудь слов или хотя бы несложной пантомимы, но, видимо, это был уже театр, очень далеко ушедший от Станиславского в непонятном и неизвестном мне направлении: лицо и голосовые связки оставались как раз единственным не задействованным средством, а в дело пошли руки, ноги и прежде всего само тело; начало состояло в том, что ученик свернулся твёрдым шариком на полу и застыл в такой позе. Педагог стоял рядом со мной, нервно подпрыгивая и раздавая комментарии. – «Он покажет сцену «кольцо жизни»: идея моя, постановка тоже.» – После недолгого состояния неподвижности тело зашевелилось и покрылось конвульсиями: он то приподнимал напружинившиеся плечи, то двигал ими из стороны в сторону, изображая подспудное глубинное движение, готовое вот-вот вырваться на поверхность; насколько я мог понять, сцена должна была со-

провождаться мелодией, но педагог в ответ только согласно закивал головой и приложил палец к губам: он хотел сам давать комментарии, а моё мнение его не интересовало. – «Он был комком глины... а теперь прорастает... вот оно как пошло!» – Из комка проклюнулось и выдралось – освобождаясь из цепких объятий земли – пока ещё слабое и трепещущее от порывов ветра растение: оно поднималось вверх, к солнцу, где раскрывающиеся руки-листья жадно ловили растворённое и рассеянное вокруг тепло; пока всё казалось спокойно и мирно, и саженец проходил все метаморфозы превращения в рослое и стройное дерево: оно крепко держалось за почву и тихо шумело пышной раскидистой кроной. Но неожиданно движения студента изменились: он сделал несколько шагов в сторону и принял совершенно другую позу: это был кто-то массивный, кто шёл, переваливаясь с боку на бок и приплюхиваясь к ароматам полей. – «Корова или овца: в-общем, нечто травоядное.» – Корова шла дальше и наконец что-то обнаружила: судя по всему, она обнюхивала растение, достаточно молодое и сочное, чтобы быть интересным и привлекательным, и когда окончательное решение созрело, началась настоящая серьёзная борьба: растение пыталось оказывать сопротивление, но силы были слишком неравны, и корова постепенно заглатывала и пережёвывала уже простую зелёную массу, бывшую только что частью живого и сильного организма. Начались судороги и метаморфозы: ученик изображал теперь одновременно и гибнущее оди-

нокое растение, и ленивое, но настойчивое травоядное, не желающее оставить добычу другим, придушим после; борьба уже кончилась и прекратилась, и последние остатки зелени исчезали в объёмистой ненасытной утробе, поглощавшей их, казалось, с хрупящими и чавкающими звуками: отсутствие звукового оформления компенсировалось на самом деле богатейшими возможностями и способностями ученика, делавшего время от времени почти невероятные вещи. Он изгибался как длинная бескостная гусеница и закидывал руки за спину, сцепляя их замком и выворачивая обратно через голову, а потом опрокидывался на спину, изображая последние предсмертные судороги, и снова восставал из пепла, обновлённый и принявший другое обличие. Но снова уже что-то изменилось: он отошёл на несколько шагов и стал новым персонажем. – «Это хищник: тигр или лев.» – Незамедлительно подсказал преподаватель. Хищник подходил не спеша, он хорошо ощущал добычу и не боялся, что она уйдёт от него, и только недобро и мрачно поскверкивали его глаза, предчувствовавшие будущее пиршество, а он был всё ближе и ближе, пока не подошла к концу возможность выжидания: он бросился как молния и почти сразу свалил глупое и доверчивое животное, вцепившись ему в холку, и, подведя постепенно зубы к горлу, разорвал главные артерии и вены; травоядное уже тихо умирало, не надеясь на помощь и спасение: оно слишком поздно всё узнало и заметило, и так же, как совсем недавно зелёное ни в чём не повинное суще-

ство стало его пищей, оно само должно было стать средством для поддержания чужой посторонней жизни, и никакие отсрочки и послабления не могли уже здесь помочь и изменить ситуацию. Оно слабело и угасало, никло вместе с убывающей и кончающей вытекать кровью, а хищник тоже не терял времени напрасно: он был очень голоден, и не стал ждать, пока жизнь окончательно уйдёт из жертвы: он уже кромсал её мягкое брюхо длинными острыми зубами, захлёбываясь и давясь от нетерпения. Теперь настало его время, когда он один оставался на вершине успеха, но, наверно, так не могло продолжаться очень долго: добыча была давно уже съедена, а голодный зверь долго ходил по бескрайним просторам степи, пытаясь найти и поймать ещё одну безобидную и смирную тварь: все они куда-то исчезли, и голодный зверь напрасно всматривался в мелькание силуэтов на горизонте. Он был уже совсем слабым и беспомощным, и даже если бы набрёл на самую жалкую и ничтожную овечку, у него вряд ли хватило бы сил догнать её и сомкнуть на шее зубы, почувствовав снова позабытый вкус горячей крови: он сам уже подышал, как предыдущая его жертва, только намного медленнее, и мучения – которые у жертвы продолжались всего несколько минут – были намного страшнее и горше: та хоть знала, ради кого пришлось ей проститься с жизнью, а он в полном одиночестве и тоске брёл по раскалённой равнине, и ещё не видел, кому принесёт в жертву своё тощее исхудавшее тело. Но наконец он тоже не выдержал и остановился:

он умирал медленно и мучительно, конвульсивно пытаюсь что-то ещё сделать, но неоткуда было взяться запасам сил, и так уже израсходованным в напрасных попытках спастись: он наконец расстался с жизнью, и откуда-то со стороны налетели страшные мохнатые птицы: они дрались уже за тело, хотя что там могло остаться после недель бесцельных блужданий? Скоро они покинули жалкие останки, и началась новая глава: там уже копошились и ползали черви и насекомые, что очень охотно и достаточно подробно описал педагог, смакуя детали и не надеясь, видимо, на мою достаточную догадливость. Они жирели и размножались, и наконец привлекли к себе постороннее внимание: на них уже налетела стайка птиц, вкусившая как и все и включившаяся в тот общий круговорот, который никогда не кончается, но они тоже не были последним звеном и стали жертвой уже самого опасного и грозного хищника: заряд картечи из ружья охотника уничтожил половину стайки, и теперь они мирно колыхались на связке у пояса с перебитыми крыльями, шейками и сердцами. – «А теперь внимание: финальный аккорд!» – Ощипанные жирные тушки уже жарились на огне, и человек приступил наконец к поеданию: очевидно, они являлись лакомством, и он не мог устоять и не ограничивал себя в грубом примитивном обжорстве. – «А сейчас он их... на свалку!» – Человека мучительно затошнило: можно было подумать, что у него начинаются конвульсии и он продолжит крутить то колесо, которое прошло уже так много оборотов и

никогда не захочет остановиться, но это был, видимо, только временный позыв, и всё то, что переходило из состояния в состояние, меняя растение на корову, а из льва доставаясь ни на миг не останавливающим свой вечный танец жучкам и насекомым, двигалось теперь по новым, благословлённым цивилизацией маршрутам: теперь оно истекало вниз, покидая человека, чтобы по длинной системе канализационных труб достичь тихого укромного места и превратиться в кусок вещества, быстро затвердевающего и на глазах превращающегося в кусок мерзкой грязной субстанции: ученик снова уже лежал на полу, двигаясь всё медленнее и спокойнее, прижимаясь ближе и ближе к тому, из чего всё выходит: он уже только дрожал и вздрагивал, уменьшая амплитуду, и наконец замер, сделавшись таким же плотным и упругим комком, каким был вначале.

В полной тишине неожиданно захлопал преподаватель. – «Браво, Дима!» – Он подбежал к уже вставшему на ноги и несмело улыбающемуся ученику, по лбу которого скатывались холодные капли пота, и похлопал его по плечу. – «Ну как: видели?» – «Сцена впечатляет.» – «Так что, может, всё пройдёт даром?..» – «Посмотрим. Кстати, я не совсем понял: а что означает концовка?» – «Ну как же, – он выглядел растерянно, – это же последнее превращение: хи-хи! – через фекалии в кусок глины.» – «В кусок, вы хотите сказать... говна?» – На всякий случай я почти прошептал последнее слово: мало ли как отреагировал бы на него благодушный

преподаватель, да и реакция ученика оставалась слишком неопределённой. – «Зачем же так грубо? Для этого понятия существуют другие обозначения.» – «А без этого понятия обойтись нельзя?» – «Ну как же без него: речь ведь идёт о кольце, и без него несостыковочка получается. Ладно, так всё-таки: мы можем рассчитывать на пару статей рекламного характера? Разумеется, бесплатно? И потом: на данном проекте наши планы не кончаются.» – Он снова резко взбодрился. – «Я не буду рассказывать обо всём, но более-менее близкое будущее выглядит таким образом: мы – я не буду говорить пока, кто ещё – хотим создать собственное отделение или даже студию при институте: естественно, там будет постмодернизм, только постмодернизм, и ничего кроме постмодернизма. Вы ведь видели тех, кто ещё здесь остался: на что они способны? – ни на что, это я вам говорю как специалист, а уж у нас-то искусство не пропадёт: потом мы сможем выйти на новый уровень, и тогда уже – можете не сомневаться – даже за граница нам поможет! В наших планах создание целой Академии. Но тогда мы уже будем смотреть: от кого брать деньги, а с кем сразу же не связываться. Но для начала нам нужна поддержка: и реклама прежде всего!» – Я не знал, можно ли назвать его демагогом, или просто педагог очень уж увлёкся и раскрыл нечаянно свои планы: возможно, он считал меня уже своим человеком, полностью преданным и готовым вступить в борьбу с окружающим миром за новое искусство, но здесь он ошибался: сцена произвела на меня

впечатление, но концовка только усилила старое негативное отношение к тому течению, чьим сторонником представился педагог: концовка просто стала ещё одним подтверждением сути и направленности, которые содержались в самом течении и были его сердцевиной; ударный момент оказался скалой, о которую разбивались все смелые и радужные мечты и мысли, тонувшие в куче грязного пахучего навоза. В мои планы не входила помощь пожирателям падали и смакователям отбросов, пускай даже делающим что-то такое, чего не в состоянии больше предложить старшее поколение, и я начал думать о том, чтобы как можно спокойнее и безболезненнее вырваться отсюда: этому месту уже не могло ничего больше помочь, и распад и разложение под достаточно привлекательной внешней маской зашли слишком уж далеко, чтобы с видом опытного хирурга можно было делать попытки в лечении смертельного заболевания, последний симптом которого разворачивался у меня на глазах. Но последняя гнойная опухоль вертелась рядом и что-то ещё хотела от меня. – «Знаете, уже поздно: я пойду.» – «Как: вы не хотите даже дослушать меня?! И насчёт Академии тоже?» – «Нет.» – «А помощь?! А статьи?!» – «Статей не будет.» – Он опешил. – «Но так нечестно! Вы же обещали, вы просто обязаны...» – Я подошёл к двери и молча приоткрыл её: я не прощался, а просто обвёл глазами помещение, в котором провёл последние полчаса, и где прямо напротив стоял мой несостоявшийся союзник. Это была крыса новой генерации – более устой-

чивой и жизнеспособной, и не случайно, что во времена всеобщей деградации и распада именно ему удалось чего-то достичь и как-то закрепиться: я не сомневался, что он-то наверняка добьётся успеха и получит ту помощь и поддержку, на которую рассчитывает, но только это случится без моего участия: я не хотел становиться пропагандистом разложения и распада, превращения человека сначала в кусок грубой вульгарной глины, а потом, после долгих странных метаморфоз – в венец мысли ярого сторонника постмодернизма – кучу застывшего дерьма.

Почти весь следующий день отходил я от тягот и переживаний предыдущего: я решил дать себе отдых и никуда не ездить, тем более что договориться с кем-то ещё у меня просто не было времени и возможности: бывшего друга Р. я всё никак не мог застать, а с последней женой – чей номер телефона у меня хранился несколько лет – слишком неудобно казалось договариваться после десяти часов вечера. Я сделал это на следующее утро, когда неожиданно даже для себя дозвонился ей домой: она подошла сама после двух или трёх гудков, и хотя я и почувствовал некоторое сопротивление, мне удалось уговорить её принять меня на следующий день после обеда. Как раз приближалась суббота, и я надеялся, что не очень сильно отвлеку вдову и главную хранительницу памяти от личных дел: насколько мне было известно, она не выходила больше замуж и одна воспитывала де-

тей. Я слышал, что у Р. было двое – мальчик и девочка, но не имел совершенно никакой информации: сколько им лет и кем они стали. Это безусловно имело значение для будущей книги, где нельзя было обойтись без всякого упоминания оставшихся родных и наследников, несущих в себе гены великого отца. Возможно, кто-то из них стал даже продолжателем дела Р., для чего, безусловно, существовали самые благоприятные условия: сына или дочь великого актёра не могли не принять в любой самый престижный и труднопроходимый институт, и наверняка любой или почти любой театр взял бы продолжателя к себе в труппу. Это требовало проверки, а пока я занялся информацией, приобретённой вчера во время визита в театральный институт. Как ни печально выглядело дело, но об Р. в том самом месте – гордостью которого он фактически стал – почти окончательно забыли: им там просто не интересовались, во всяком случае с тех пор, как к власти пришло новое руководство. Насколько я заметил, искусство больше не являлось для них приоритетом, и они занимались чем-то грязным и не вполне разрешённым: подпольная возня вместе с рассказом старого преподавателя производили страшное впечатление, которое явно усиливалось невозможностью чем-то помочь: ведь если всё это было правдой, то покровители руководства обладали полным превосходством, и пострадать при таком раскладе мог только незадачливый разоблачитель. Я даже не решился позвонить кому-нибудь из знакомых: услуга могла оказать-

ся медвежьей, и я ещё оказался бы и виноват в том, что хотел вступить и помочь правде, и так получающей слишком много в последние времена.

Единственным положительным итогом стало подтверждение слухов о поведении Р. и его отношениях с женщинами. Здесь картина прояснялась и показывала в истинном свете его особенности и недостатки. Полностью подтверждалась его репутация донжуана и шутника, любящего беззлобно поиздеваться над тупым нечутким обывателем, ничего не понимающим до определённого момента: такое встречалось и раньше, ещё в школе он доводил некоторых учителей до слёз, за что неизменно страдал и получал выговоры и нахлобучки, но уже совсем явно данное качество стало проявляться у Р. в пору расцвета: играя в спектакле, он мог незаметно сымпровизировать, издеваясь над ничего не понимающей публикой, и только режиссёр хватался за сердце, но тихо и почти незаметно великий актёр выплывал из той ситуации, куда сам только что себя загнал. Никакие запреты и внушения не годились и не могли воздействовать на его характер: даже режиссёр, с которым Р. почти всю жизнь работал вместе в театре, оказывался беспомощен и почти не пытался оказывать влияние. К счастью, вышестоящие и курирующие органы слабо разбирались в искусстве, и потому претензий с их стороны практически не возникало, тем более что большая часть их внимания сосредотачивалась на официально зарегистрированных и заверенных экземплярах

тех опусов, которые находили доброе внимание и поддержку у режиссёра и потому принимались к постановке: трудно было доказать, что целью импровизаций являлась попытка ухода из-под бдящего ока, а не обычная ошибка или неточность, тем более что магнитофонные записи в данном случае не рассматривались в качестве решающего доказательства.

Что же касается отношений Р. со слабым полом, то ничего удивительного не было в тех многочисленных победах и приключениях, слабые воспоминания о которых и сейчас ещё бороздили умы: гениальному и по-настоящему привлекательному человеку оказалось многое доступно и дозволено, и он не стеснялся использовать свои преимущества, не слишком считаясь с официальной точкой зрения и собственным семейным положением. Началось это – как я уже знал – сразу после первой женитьбы: тогда он только распробовал свободу, но по-настоящему стал раскрываться уже позже. Даже вторая женитьба не образумила его и не заставила даже просто убавить темп, в котором он менял любовниц: одна из них и стала его новой женой. Надо думать, он не слишком скрывал от неё очевидную реальность, потому что второй брак продолжался также не слишком долго: он женился повторно через год после окончания театрального института, когда был молодым начинающим актёром в одном из самых молодых тогда театров города.

Даже лучшие друзья находились в шоке из-за непонятного тогда никому события: некие предвестия той славы, что

в конце недолгой жизни всё-таки успела накрыть Р. своим крылом, уже начинали рокотать на горизонте, и во всяком случае посетившим театр и видевшим будущего кумира была очевидна его великая стезя; когда же в самый разгар великой работы, которая шла всерьёз в нём самом и проявлялась время от времени на сцене, побуждая обратиться к великим примерам и сравнениям, он всё-таки совершил свой никому не понятный шаг – все оказались разочарованы. Пока он ещё не стал любимцем публики, из-за которого во время аншлагов возникали уличные пробки и почти невозможно было добраться домой из-за дежуривших в самых неподходящих местах поклонников и главное поклонниц: он снова жил у родителей, видимо, сумев как-то помириться и восстановить почти прерванные связи, хотя и не всегда по понятным причинам приходил домой ночевать. Он находился ещё в начале пути к вершине; главный режиссёр не доверял пока ему главных ролей, но и второстепенное он делал так, что многие ведущие актёры могли позавидовать новичку, и, надо думать, без сопутствующих интриг дело не обходилось. Во всяком случае далеко не сразу талант Р. начинал находить достойное применение и воплощаться в образы, ставшие классикой поколения: здесь был и весьма своеобразный Хлестаков – вершина всего раннего периода, и пара достаточно значительных ролей в шекспировских пьесах, и кое-что из традиционной русской классики: уже тогда диапазон ролей и образов простирался от лёгкой иронии до тяжелейшего гротес-

ка, включая также большую часть всех жанров и направлений театрального искусства. Многие не понимали Р., считая его всеядным и предсказывая скорый закат карьеры: вот ещё чуть-чуть, и он не выдержит – но он совершенно не хотел считаться с сумрачными прогнозами и поднимался выше и выше, отходя ещё и от тех заученных азбучных истин, на которых был воспитан. Если бы теперь он попался на глаза бывшим учителям, выпустившим его за двери сначала школы, а потом театрального института, то вполне возможно, что у наставников возникло бы горячее желание забрать соответствующие выпускные документы обратно, но ошибка была уже сделана и никто не мог её исправить: разумеется, кроме соответствующих органов. Вольномыслие, естественно, не принадлежало качествам, считавшимся положительными и требующими поощрения, и вполне естественно, что с приходом Р. в театр за ним установилось негласное наблюдение, по результатам которого можно было предпринять адекватные действия; помимо всего прочего сам театр вместе с его режиссёром также числились в списке негласных подшефных у той же организации, хотя до поры до времени явного нажима и воздействия почему-то на театр и не оказывалось. Возможно, дело заключалось в его популярности и той волне успеха, на которой никому не известная труппа с достаточно молодым руководителем пребывала в течение нескольких лет: волна несла их мимо скал и рифов, пока ещё не выроставших резко на самом пути и не дырявивших не слишком

прочные борта. Это оказался самый удачный период, о котором потом во времена наступления трудностей всегда с благоговением вспоминали: спектакли выпускались если и не в срок и не совсем в том окончательном виде, к какому существовало максимальное стремление, то во всяком случае с не очень значительными поправками и купюрами, дававшими возможность понять первоначальный замысел. Р., конечно же, являлся активным участником постановочного процесса, вмешиваясь уже тогда в дела, не относящиеся к его компетенции, хотя пока ещё с ним не очень считались, объясняя излишнюю горячность молодостью и желанием выделиться, показать себя на общем фоне. Что-то здесь было, наверно, справедливо, но никто пока не знал истинных глубочайших возможностей, скрывавшихся внутри Р. и до поры не выходявших наружу: его умение из пустой посредственной пьесы сделать нечто вполне приемлемое и даже иногда достаточно интересное ещё не смогло из-за внешнего сопротивления проявиться в полной мере, и, как и прежде, Р. считался человеком с трудным и вредным характером.

На фоне таких процессов разворачивалась совсем другая жизнь: весь коллектив театра находился в курсе амурных дел самого талантливой из молодых актёров, хотя Р. и не стремился оповещать о своих очередных успехах; друзья и собутыльники – в том числе из театральной среды – делали это намного лучше, чем если бы Р. сам задумал устроить себе рекламу. Их близость с таким человеком отбрасывала и на

них тоже часть славы, заставляя как бы поделиться слишком тяжёлым грузом, который великому человеку сложно оказывалось нести в одиночку, но и сам Р. в конце концов не выступал против: отдать часть *такой* славы он соглашался кому угодно, не являясь ни грязным бабником, ни тривиальным донжуаном. Он был выше и завоёвывал сердца при помощи того же дара, который приносил ему потом любовь миллионов людей, видевших его на сцене и по телевизору: это был дар убеждения и дар любви – самой по себе, независимо от объекта и точки приложения, и там, где у обычного среднего актёра проявлялась лишь более-менее удачная игра, у него возникал ослепительный поток света, истекавший из самых глубин души и делавший воздух и мир вокруг ярким и тёплым. Совершенно естественно, что на тепло – как мотыльки – слетались поклонницы, и требовалось уже как-то упорядочить и наладить отношения, не допуская их превращения в главную помеху жизни и творчеству. Большую часть жизни Р. успешно справлялся с задачей, и только незадолго до конца – когда возникли сложности и трения с последней женой – его положение стало неприятным и двусмысленным: сразу несколько оставленных им бывших любовниц попробовали воспользоваться ситуацией и вернуть Р. снова себе, но у них ничего не вышло: волевые качества, надо признать, у последней жены были развиты достаточно сильно, и в титанической борьбе, разгоревшейся потом, она одолела соперниц и отстаивала свои права на уже почти спившегося супруга.

Но это случилось уже почти в самом конце жизни, а до того были бесчисленные похождения, после одного из которых Р. оказался во второй раз пойман и приручен – уже по непонятной причине: о любви, насколько я знал, речь там не шла, и причины, надо думать, выглядели проще и приземлённее. Хотя женитьба мало повлияла на поведение Р.: его свобода не была – как и до того – чем-то ограничена и он вёл прежний образ жизни, кончившийся через два с половиной года разводом и грандиозным скандалом, ставшим даже достоянием неясных сплетен и шушуканий. Судя по всему, вторая жена не смогла долго выдерживать проделки и шалости Р., которыми при других обстоятельствах оказались бы заполнены разделы скандальной хроники в многочисленных печатных изданиях, в данном же случае переживания выпали на её долю, и, естественно, отравляли и так нелёгкую жизнь. Возможно как раз тогда и проявилась впервые тяжёлая неизлечимая болезнь: года три или четыре она ещё пыталась бороться, но – оставленная и забытая – всё-таки сдавалась и тихо умерла, не оставив о себе никакой памяти: я знал только год её рождения и дату смерти и видел почти случайно старую затемнённую фотографию, на которой маленькая толстенькая брюнетка сидела в обнимку с Р. – недолгим мужем и будущей звездой театральной сцены.

Не мне было судить его и выносить приговор: меня интересовали всего лишь реальные факты, и когда мне совершенно безболезненно удалось договориться о встрече назав-

тра с последней женой Р., я был доволен. Судя по всему, она не знала о моих недругах и с нею можно было иметь дело без боязни оказаться в неприятной ситуации, и когда на следующий день я подошёл к дверям указанной квартиры, то почему-то сразу подумал, что сегодняшняя ночь принесёт удачу. Ждал я недолго: после быстрого разглядывания в глазок шумно застучали и защёлкали замки и дверь распахнулась – внутрь, чего я совершенно не предвидел, отступая в сторону перед возникшим неожиданно мужчиной.

«Здравствуйте, извините, это квартира вдовы Р. – Екатерины Семёновны?» – «Да.» – «Мне назначено: как раз на два часа.» – Я специально обнажил на левой руке часы, но мужчина уже отошёл в сторону, давая мне дорогу: видимо, он находился в курсе. Очень пристально смотрел он на меня, но я решил пока игнорировать его: немолодой мужчина не был никак связан с целью визита. Я прошёл дальше по коридору: слева находилась дверь, но музыка звучала в следующих комнатах, и я двинулся вперёд, пока не попал в большой светлый зал: видимо, здесь было что-то вроде гостиной, потому что примерно в середине стоял круглый накрытый стол, и рядом на диване сидели две женщины: одна молодая и одна старая. Они играли в карты, а музыка гремела не у них, а дальше: там, видимо, находился ещё кто-то.

Когда они наконец заметили меня и повернулись, я увидел, что на самом деле одна из них совсем молодая – скорее всего даже школьница, но вторая безусловно была вдова Р.:

по книге я знал, что она моложе великого актёра на десять лет. Они с любопытством уставились; подоспевший мужчина уже стоял рядом и показывал что-то знаками: возможно, его интересовало отношение хозяев к моей личности и при неудачном стечении меня могли попросить отсюда; наконец мне надоело переглядывание, и я решил проявить инициативу. – «Здравствуйте: я тот самый человек, с которым вы договорились встретиться в два часа. А это – насколько я понимаю – ваша дочь?» – Я попробовал приятно улыбнуться, и судя по всему, мне это удалось: вдова тоже улыбнулась, а потом очередь дошла и до девушки. Незнакомца я игнорировал. – «Прошу вас: садитесь. Вот сюда.» – Хозяйка показала кресло напротив дивана. Незнакомец не уходил: он плюхнулся неподалёку в другое кресло и по-наглому разглядывал меня. – «Вы что хотите: чай или кофе?» – «Если можно – кофе.» – «Налей, Светочка.» – Хозяйка впервые обратилась к дочери, и мне стало наконец ясно, как её зовут. Кофе нашёлся здесь же на столе: под газетой оказались спрятаны запасы посуды и несколько банок, в одной из которых находился порошок. – «Да, познакомьтесь: Иван Кириллович; близкий нашей семье человек.» – Я обернулся к мужчине и вежливо кивнул; мужчина сделал то же, но не очень охотно и приветливо: похоже, он мне не доверял. – «У вас кто-то ещё есть?» – Я показал головой в сторону закрытой двери, гремела музыка. – «Там Игорь: мой сын. Пускай занимается, лучше его не отвлекать.» – «Но потом он выйдет?» –

«Почему бы и нет?» – «Ну хорошо, перейдём к делу.» – Я отхлебнул кофе и порылся в сумке, доставая блокнот с ручкой; мужчина всё так же пристально следил за мной. – «Я по-моему говорил вам, что меня интересуют разные моменты биографии вашего... мужа.» – «Им многие интересуются: и не только в этой стране... Иван, откуда мы получали запросы?» – Мужчина встрепенулся. – «А? Пожалуйста: из Польши, из Германии, из Голландии. И из самой Америки: с предложением о книге.» – «То есть?» – «Два первые предложения из журналов: так, ерунда, но два других намного серьёзней: они хотят книгу воспоминаний.» – «И что же?» – Я уже начинал чувствовать некую натянутость атмосферы: здесь далеко не всё выглядело чисто и свободно. – «Сейчас мы как раз работаем над этим. А вас что интересует?» – «Да знаете...» – Я замялся, не зная, что можно открыть, а от чего лучше воздержаться. – «Чем больше, тем лучше: меня интересует всё.» – Я сразу почувствовал, что мужчина насторожился и уже по-настоящему со злостью стал смотреть на меня. – «Ничего ему не давай!» – Такой перемены не ожидала, скорее всего, даже вдова. – «Ну зачем так, Иван: он же гость, и не могу же я его просто так выпроводить. А может, мы ещё и договоримся о чём-нибудь.» – Она попыталась слишком широкой и натянутой улыбкой смягчить атмосферу, заглаживая грубость друга семьи, и это почти удалось: мужчина расслабился, и сразу стало поспокойнее. – «Что вы имеете в виду?» – Теперь уже она слегка замялась, выбирая подходя-

щие слова. – «Насколько я понимаю, вы работаете в солидной газете; то есть вас там не напрасно держат.» – Я кивнул. – «И довести до приемлемого состояния рукопись книги – вам вполне по силам?» – Она, видимо, прекрасно разбиралась в том, с какой стороны бутерброда должно находиться масло. Неудивительно, что ей удалось подцепить и в сложных ситуациях в своё время удержать великого актёра: нюх у неё был развит безукоризненно. – «Вы что же: имеете в виду свою книгу воспоминаний?» – «Да.» – Она опять сладко улыбнулась, пытаясь изобразить светскую даму. – «Но ведь это так просто не делается: это тяжёлая и трудная работа.» – «А вы и не будете так просто: вы получите взамен то, что вас интересует.» – Я обернулся к другу семьи, проверяя его реакцию; он вёл себя невозмутимо и почти спокойно: возможно, он предвидел такое предложение. Однако предложение на самом деле выглядело слишком серьёзно, чтобы давать на него здесь же ответ; оно могло дать многое из недостающего, и я почти готов был уже согласиться с необходимостью тяжёлого дополнительного труда, но неожиданно вспомнил: а где была гарантия того, что материалы окажутся достоверными и объективными, а не состряпанными и откровенно придуманными, как многое содержащееся в книге А.: ведь А. выступал её покровителем, и таким образом меня просто могли грубо использовать и вышвырнуть вон. Ни в коем случае не стоило делать опрометчивых поступков и разбрасываться обещаниями, могущими привести к тяжёлым последствиям.

Я ещё старательно делал вид, что прикидываю: соглашаться или нет? – но на самом деле уже было ясно: такая идея мне не подходила, и следовало аккуратно отклонить её, в то же время не испортив отношений: пока не всё было здесь использовано, и стоило продолжать выяснение подробностей.

«Знаете, я не могу сегодня уже ответить на ваше предложение – положительно! только положительно – я хочу сказать: разве может быть другой ответ? Просто я сейчас очень загружен, а подобная работа – как вы понимаете – потребует массу времени и сил, так что: давайте отложим на недельку?» – Во время путанного и петляющего ответа я специально следил за вдовой, но чувства ей удалось удержать при себе, и я так и не понял, обманул я её или нет: в актёрском деле она тоже обладала кое-какими навыками. Она никак не реагировала, и только когда внезапно открылась дверь, за которой наконец стихла музыка, заметно вздрогнула: сначала в комнату с громким ворчанием выбежала маленькая собачка, а потом из-за косяка высунулась почти наголо обритая голова: похоже – это и был сын Р. и Екатерины Семёновны.

Однако сначала мне пришлось заняться собачкой: она вертелась рядом и обнюхивала мои ноги, не решаясь пока вцепиться, но и не успокаиваясь: она всё ещё раздумывала, с какой степенью лояльности следует относиться ко мне. Сразу же возник спор: кто должен выгуливать Джека, после чего я смог узнать достаточно много нового: сколько Джеку лет и месяцев, какой он породы – естественно, дворняжку не ста-

ли бы держать в таком доме – и сколько времени каждый из членов семьи за последние несколько недель посвятил ему: дочь оказалась явно в выигрыше, поскольку почти половина прогулок пришлась на её долю, вдова тоже не слишком отставала – и явным бездельником и лоботрясом выглядел сын. Он отчаянно защищался, ссылаясь на загруженность самыми разнообразными видами деятельности: работа в театре, насколько я понял, была лишь одним из нескольких направлений – но когда против него выступил и молчавший до сих пор друг семьи и уже втроём они навалились на одинокую жертву, а потом вступил Джек, развивая кутерьму ещё дальше – он не выдержал. Он быстро вернулся в свою комнату и через минуту показался одетым для улицы: дочь уже привязала к ошейнику поводок и дала ему в руку; перед уходом он наконец заметил присутствие постороннего и небрежно кивнул мне. Возможно, для него тут не было ничего нового и необычного: он быстро вышел в коридор и с твякующим и суetyщимся Джеком покинул квартиру: я слышал негромкий хлопок двери и удаляющийся и затихающий шум.

Далеко не сразу затем хозяева успокоились: ещё пару минут они вспоминали старые обиды и неловкости, совершенно забыв обо мне и о том разговоре, который шёл недавно: меня словно здесь уже не было, и даже друг семьи не проявлял ко мне больше чувств, сосредоточившись на семейном. Я прикидывал, а сколько же это ещё продолжится, но абсолютно неожиданно в настроении вдовы что-то изменилось;

она кончила стонать и обратилась наконец ко мне. – «Ах, извините: наши внутренние дела вам совершенно неинтересны.» – «Ну почему: то, чем живёт семья великого актёра, всем должно быть интересно.» – Она в очередной раз широко улыбнулась. – «И если уж мы коснулись этой стороны, то дети и наследники великих людей – я нисколько не преувеличиваю – тоже должны находиться в центре общего внимания. Взять хотя бы вашего сына...» – «Да?» – «Чем он занимается, где работает: здесь ведь нет ничего тайного?» – Она задумалась, но, видимо, ничего особенного такая информация не могла дать, и ради приличий об этом можно и даже нужно было рассказать журналисту из газеты. – «Ну, Игорьку сейчас двадцать четыре: самые лучшие годы, не так ли? А недавно он закончил институт киноискусства: гены, гены – что тут можно поделывать? но пока к сожалению ещё не снимался. Вы же понимаете: если бы отец был жив – другое дело: все бы так и плясали вокруг, а так: кому мы нужны?» – Она вздохнула, и мне непонятно было, искренне она говорит или оправдывает невезение либо бездарность наследника династии. – «Но вообще он работает в театре...» – «В том же самом?!» – «Какое там: без интриг здесь ничего не добьёшься, а особенно в его профессии и при его положении: все так и норовят как-то использовать его мнимые связи, а когда обнаруживается, что и связей-то никаких нет и вообще он не любит в эти дела лезть – сразу бросают и ничем не хотят помочь.» – «Но разве вы не знакомы с режиссёром: у них ведь

с Р. была чуть ли не дружба?..» – «Ах, какие знакомства: им сейчас совершенно не до того; а мой мальчик работает в одном молодёжном театре, и руководитель просто в восторге от него.» – «А что за театр?» – Она сразу замялась. – «Ну... я не помню название. Но какая разница: где бы он ни работал, о нём я слышу пока только хорошее.» – Попытка уйти в сторону не осталась незамеченной, и ещё одно небольшое лицемерие отложилось у меня в памяти. – «Я понял так, что он ещё где-то работает?..» – «Всем сейчас приходится нелегко: он подрабатывает у друзей.» – «И в качестве кого?» – «Вы мне задаёте вопросы, как будто вы следователь...» – Неожиданно вылез друг семьи. – «Я же говорил: нельзя ему верить. А может, он не журналист?..» – Вдова сразу впилась в меня взглядом, и вместе с другом семьи на пару они в упор стали осматривать меня, как бы выискивая незамеченные раньше подтверждения опасности. Но у меня явно не было ничего компрометирующего, и когда я достал из кармана редакционное удостоверение и протянул его через стол вдове – хотя друг семьи явно порывался перехватить его – я успокоился сам и почти погасил недоверие; единственный источник тревоги находился в соседнем кресле, но намеренно не спеша я допил кофе, прикусывая лежащим здесь же печеньем, и только тогда бросил взгляд в сторону вдовы: надо думать, она не являлась специалистом по документам, и помимо того, что в моём удостоверении было написано, а именно что я числюсь штатным сотрудником редакции такой-то

газеты, зарегистрированной в таком-то городе под таким-то номером – больше там ничего не было, и она усиленно думала, можно ли этой корочке доверять. – «А ты у него паспорт спроси: удостоверения я какие угодно достану.» – Друг семьи снова подал свой голос, и поверх документа на меня снова уставился недоверчивый хитрый взгляд. – «Пожалуйста.» – Я быстро расстегнул молнию на сумке и вынул из потаённых глубин свой главный оправдательный документ.

Минуты две вдова сверяла сначала фотографию, а потом фамилию и зачем-то полезла даже на последние страницы: ничего интересного и заслуживающего пристального внимания там обнаружено не было, и наконец она протянула мне документы обратно через стол, отстранив при этом настырного друга семьи. Мужчина был очень недоволен, но окончательное слово, судя по всему, было здесь за вдовой. Она вернула мне документы и вместе с ними также и доверие, и несмотря на ворчание сбоку, в очередной раз приятно улыбнулась, завершая инцидент. Про сына мне спрашивать уже не хотелось: оставалась ещё дочь, сидевшая здесь же рядом с матерью, и жестами я попытался показать свой интерес.

Вдова не сразу поняла меня, я опять сделал внятный намёк и уже словами объяснил свои движения: теперь мне было интересно узнать что-то о дочери великого человека. – «А что дочь? Она ещё школьница, в этом году заканчивает. Дальше, я надеюсь, пойдёт по моим стопам. Ты ведь пойдёшь?» – Вопрос оказался неожиданным, и дочь захлопала

глазами, ничего не говоря вслух: какая-то она была нерешительная и вялая, и пока она старалась сообразить, что от неё требуется в данной ситуации, мать снова взяла инициативу в свои руки. – «Она стесняется; но даже не сомневайтесь: пойдёт.» – Она довольно усмехнулась и колыхнула мощным телом: только сейчас я заметил, какая она упитанная и массивная. – «А кем, извините, вы работаете?» – «Я? Работаю? Я имела в виду свою предыдущую специальность. А вы не знали? Я ведь была манекенщицей.» – Вдова неожиданно поднялась, так что завибрировал даже диван, на котором она сидела, и повернулась вокруг оси. Зрелище было малоинтересное: на первоначальный скелет, судя по всему, вырос не один десяток слоёв жира, поглотив и расплющив, возможно, даже стройное раньше тело, так что в данном случае она напрасно демонстрировала мне следы былой привлекательности. – «Ну как?» – Я замаялся. – «Может быть, может быть. А если она?..» – Дочери пришлось подняться: скованно и напряжённо уставилась она куда-то вверх, а потом неожиданно сорвалась с места и бросилась в комнату, где раньше гремела музыка и находился её брат. Вдова оторопела: совершенно не того, видимо, ждала она сейчас от дочери; но и друг семьи тоже не остался в стороне. – «Не хочет, значит.» – Он неожиданно засморкался и закашлял, выдавая долго скрываемое болезненное состояние, и под трубные звуки вдова опустилась вниз, демонстрируя уже некоторую растерянность и разочарование. Про меня они как бы забыли, хотя именно я

подал провокационную идею: возможно, разлад длился уже давно и на самом деле ничего существенного я всё-таки не внёс в семейные дела и отношения.

Я переждал ещё минуту, пока друг семьи не закончил кашлять и не успокоился; присутствовать при ещё одном семейном скандале мне совершенно не хотелось, но покидать жилище, связанное с последними годами жизни Р., казалось пока рановато: здесь требовалось выжимать всё что только можно, поскольку второй визит по понятным причинам вряд ли мог состояться. Надо было использовать временную потерю внимания и растерянность, и я поспешно взял инициативу на себя. – «Но сейчас вы не работаете?» – «Нет.» – Она кивнула в сторону друга семьи. – «Вот он мне помог.» – «В каком смысле?» – «Устроил пенсию; раньше срока, естественно, и к тому же как вдове и наследнице великого актёра. А что это вы всё выведываете и лезете: куда вас не просят?..» – Неожиданный вопрос грозил настоящими неприятностями, но в прихожей резко затренькал звонок и у двери явно завопили и затопали, и другу семьи как самому подвижному из оставшихся в комнате пришлось сходить и выпустить сына Р. с собакой. Видимо, они хорошо нагулялись и устали, потому что собака запрыгала и загавкала, выражая нетерпение; кроме того сын, видимо, замёрз: он схватил чайник и понёс его на кухню. Собака наконец получила своё: хозяйка не захотела оставлять Джека в одиночестве и принесла миску с едой из прихожей в комнату. Собака чавкала

и давилась, а хозяйка уже вернулась к дивану и снова заняла прежнюю боевую позицию, с высоты которой моё положение снова стало шатким и неустойчивым.

«Вы о чём-то таком спрашивали, а я, извините, уже была...» – То ли она на самом деле забыла мой настойчивый вопрос, то ли использовала временную хитрость с далеко идущими последствиями: но я решил отбиваться до конца и продлевать своё присутствие здесь всеми возможными способами. – «А вы не будете возражать, если ваш сын что-нибудь о себе расскажет?» – Она сначала тупо уставилась на меня, а потом передвинула взгляд на друга семьи, который постоянно находился на страже её интересов и во всём искал опасности, но здесь он почему-то промолчал. – «Его зовут Игорь?» – Она снова кивнула, и я – не решившись покинуть комнату и лишиться таким образом верховного присмотра – стал ждать его возвращения с кухни.

Ждал я недолго: он появился, неся в одной руке дымящийся чайник, а в другой сжимая остатки бутерброда с колбасой, из-за чего сразу же возникла новая потасовка: колбаса, оказывается, была предназначена для собаки, с чем Джек сразу же согласился, загавкав на похитителя, а для общего употребления в глубине холодильника лежал батон салями, и в результате виновнику пришлось разделить остатки с Джеком, что тому конечно же понравилось; они честно разделили мокрые розовые кусочки, и Джек зачавкал дальше у своей миски, поглядывая на меня настороженным и не до кон-

да доверяющим взглядом, а я наконец получил возможность пообщаться с сыном и наследником великого актёра.

Он был мало похож внешне на великого предка: возможно, сильно мешал его облик и почти полное отсутствие волос на голове; где-нибудь на улице я просто прошёл бы мимо, не обратив внимания на худощавого слегка дебильного на вид парня, и его насупленность можно было принять даже за полное отсутствие интеллекта, но я не стал поддаваться первичному впечатлению и приступил к делу, стараясь не задевать чувствительные антенны сидящих рядом заинтересованных зрителей. – «Игорь, я журналист и пришёл по делу: меня интересует твой отец.» – Мы были почти ровесниками, и я мог позволить себе достаточно вольные отношения с ним: так мне казалось. – «И на что тебе сдался мой папаша?» – Я сразу заметил напряжение на лице вдовы. – «Он нужен не только мне, но и миллионам людей, которые помнят и любят его.» – «Они-то, может, и помнят, но я, честно говоря, не очень.» – «Игорь!» – Вдова наконец не выдержала. – «Хотя бы постыдился: при посторонних-то!» – «А чего мне стыдиться? Пьянчуги этого? Пускай он сам стыдится – если сможет, конечно.» – Такое богохульство и оскорбление было странно и нелепо слышать от единственного сына и главного наследника; даже друг семьи сбоку от меня не выдержал и вскочил: он собирался на что-то указать и явно прочесть нотацию, но Игорь успел раньше. – «Да! И нечего мне тут тыкать и указывать: что говорю, то и есть, и все ваши

шуры-муры мне давно осточертели!» – Он явно обращался и к матери, и к другу семьи, не ожидавшему такого всплеска энергии и чёрной неблагодарности; вдова застыла на диване, и я не представлял, чем может кончиться инцидент, но сын Р. неожиданно почти бросил чашку на стол, разлив кофе по белоснежной скатерти, и убежал в свою комнату, хлопнув дверью. Где-то под столом залаяла и заскулила собака, и я понял, что мой визит сюда подходит к завершению. Вдова ещё сидела, уставившись куда-то в пол, где возился Джек, а я начал собирать вещи; совсем ненамного опередил я её желание. – «Вам надо уйти.» – Я обречённо кивнул и поднялся; друг семьи молча проводил меня до прихожей и открыл дверь; я тихо попрощался и извинился, но он меня уже не слышал и весь был там, внутри, где – судя по всему – готовился и набирал силу – многократно превосходящую всё предыдущее – новый семейный скандал.

Когда я выбрался из подъезда, светило солнце и поддувал тёплый ветерок; не требовалось больше что-то изображать из себя или наоборот скрывать очевидные вещи: я совсем отвык за два с лишним часа от нормального обращения и теперь возвращался в прежнее состояние. Я собирался сегодня всё-таки дозвониться бывшему другу Р.: надо было искать следующие источники информации. Кто же мог предположить, что в самом естественном и близком Р. месте меня может ждать полный провал, и хорошо ещё, если он не повлечёт за собой очередных неприятных последствий: я надеял-

ся, что вдова не слишком серьёзно отнесётся к моему обещанию помочь в её работе с книгой воспоминаний, и вряд ли она могла запомнить мои данные. На худой конец пришлось бы реально загрузить себя сверх меры текущей газетной работой, так что даже самый пристрастный человек смог бы подтвердить, что я совершенно не в состоянии помочь ей, и потом уже дело можно было с помощью долгой системы отсрочек и отговорок затянуть и наконец спустить на тормозах. Газетная практика давала большой опыт: кто же обходился без этого в многочисленных мелких стычках и редких побоищах, когда речь шла о результатах многих дней и ночей и даже задевались личные интересы? Я медленно шёл в сторону метро, прикидывая ближайшие последствия сегодняшнего визита, и совершенно не замечал окружающего: суетливо бегали машины, шмыгали прохожие, и когда кто-то неожиданно дёрнул меня за руку, я опешил и остановился. Сбоку от меня стояла высокая девушка, в которой я наконец узнал дочь Р.; она почти униженно смотрела на меня, и я решился первым задать вопрос. – «Вы что-то хотели мне рассказать?» – «Да.» – «Пойдёмте тогда куда-нибудь: здесь неудобно.» – «Я не могу. Мне надо быстро.» – Я осмотрелся. – «Тогда отойдём в сторону.» – Она послушно двинулась за мной, и мы остановились у глухой стены дома, где вряд ли кто-то мог помешать нам. – «И что вы хотели?» – «Знаете, вы не должны винить маму, она просто курица, и ничего не понимает...» – «Чего не понимает?» – «Ну, во всём виноват

этот паук: мы так и зовём его про себя: «тарантул.» – «Вы про друга семьи?» – «Да: он мамин любовник. Ведь знаете, когда умер отец, мы остались совсем одни, и никто не хотел нам помогать, а потом откуда-то вылез он и всю её опутал паутиной.» – «Вообще я бы не сказал, что ваш «тарантул» определяет жизнь в доме.» – «Это при чужих так.» – Она тяжело вздохнула и всхлипнула. – «А мать – она глупая и ничем на самом деле не управляет, а зависит от него. Он как-то устроил ей пенсию за отца, но таких денег, конечно же, не хватает, и он даёт ей лично. Я всё видела и знаю.» – Она замолчала. – «И ещё: он теперь и ко мне пристаёт, а если мать узнает, она скорее меня выгонит из дома, чем расстанется с ним: она ведь привыкла и к нему, и к роскошной жизни; а насчёт манекенщицы – тоже его затея: он думает, что таким путём быстрее меня обломает, но ничего у него не получится: я скорее сбегу из дома.» – «А кто он вообще такой?» – «Я не знаю точно: то ли у него своя фирма, то ли он в министерстве большая шишка, а может и то, и другое. «Тарантул» он и есть «тарантул.»» – Она горько улыбнулась, и мне захотелось приласкать её, но она слишком однозначно могла это воспринять, и я сдержался. – «Кстати, а про отца вы не могли бы мне что-нибудь рассказать? Перед самым моим уходом получился скандал, как раз когда я хотел о нём что-то узнать: вы наверняка должны были слышать.» – «Когда он умер, мне было всего три года: что я могу помнить? А если вспоминать то, что рассказывал брат, наверно будет так:

отец очень много работал в театре и в кино, и кроме того много пил; ещё я слышала, что у него были другие... женщины. Так что маме очень тяжело пришлось с ним, особенно в конце.» – Я стоял и согласно кивал: таков был настоящий конец Р., украшенный блевотиной и пьяными соплями в окружении собутыльников, любовниц, друзей и близких, которые сейчас уже давно отвыкли от его присутствия в этом мире: магическая сила давно была погребена под слоем земли и украшена чудным каменным изваянием, а последствия и отголоски всё ещё продолжали витать над нами, изредка просыпаясь и потом снова затухая в тёмном клубящемся тумане, который выходил иногда на поверхность, не давая забыть о былой славе и величии.

Мы молча стояли и переживали каждый своё собственное: впереди у неё была тёмная неясная судьба, а мне требовалось приложить все силы для осуществления замысла, уже снова становящегося немного расплывчатым и неясным; дело, за которое я взялся, оказывалось значительно более сложным и непредсказуемым, чем я видел вначале, и скрепя зубы мне приходилось тянуть его резкими волевыми усилиями, так как совершенно неожиданно возникали новые препятствия, и возможностей для продолжения поисков оставалось не слишком много. А она думала, скорее всего, о том, что её ждёт дальше. – «А ваш брат вам не поможет?» – «Он сам от них полностью зависит: от «тарантула» в первую очередь. Он ведь столько усилий потратил, чтобы пристроить

Игоря сначала в институт, а потом в театр! Даже для такого человека задача очень сложная, и я не знаю, какие каналы он использовал... Я ведь знаю: Игорь – добрый, но он бездарен, и если бы не постоянная помощь «тарантула», он ещё неизвестно где оказался бы. Он вытаскивал Игоря из таких дел! Один раз, я знаю точно: из тюрьмы. Но Игорь продолжает водиться с теми же людьми, что и раньше: если он окончательно выступит против «тарантула», то рано или поздно сам пострадает; тот просто перестанет помогать...» – «А сегодняшний инцидент?» – «Это совпадение: совпадение причин, потому что утром уже была стычка, а тут пришли вы, и Игоря ещё и выпихнули гулять с Джеком: чего он очень не любит.» – «Но ему ничего не будет?» – «Скорее всего – нет. Но точно не знаю: они давно выясняют отношения и не могут выяснить.» – Она снова замолчала, и я, не зная, о чём ещё можно вспомнить и что ещё она могла бы сообщить, решил закончить разговор. – «Ладно, вы торопились: передайте привет Джеку и Игорю. А я постараюсь сделать всё от меня зависящее: я имею в виду планы, связанные с вашим отцом.» – Она несмело улыбнулась и медленно пошла по дороге к дому; я не стал стоять и ждать новых неожиданностей: они могли оказаться и не слишком приятными, и я почти полетел домой, где меня ждали новые дела.

Дела были достаточно традиционные и обычные: я снова взялся искать и перерывать записные книжки и архивы в поисках новых источников информации; моя подготовка

оказалась явно недостаточной для такого сложного дела, и если пару статей я и смог бы набросать по результатам поисков и открытий, то главная и настоящая задача постоянно повисала в воздухе, задыхаясь и слабея из-за недостатка источников живительной влаги. Ими могли бы стать бывшие друзья и собутыльники Р., но с ними тоже не всё выглядело так просто: часть из них уехала за границу, предпочтя обеспеченную жизнь вечной беготне и потасовкам из-за убывающих возможностей, достижение которых требовало отчаянной постоянной борьбы с такими же отощавшими конкурентами; достаточно ясно представлял я себе обстановку в той среде, к которой раньше принадлежал Р., хотя никогда и не окунался слишком глубоко в эти джунгли: они не являлись сферой моих журналистских интересов и совершенно ни к чему было мне изучать ещё одну лишнюю область помимо всего того многообразия, с которым мне приходилось иметь дело. Теперь мне предстояло заняться главным объектом, связанным с жизнью и творчеством Р.: речь шла о его родном театре, где он отработал целую жизнь от начала до неожиданного трагического конца, потрясшего всю страну. Официальные источники сознательно замалчивали его творчество, но и без них информация о великом актёре просачивалась во все уголки и слои общества. Кто же не знал или не слышал ничего о великом актёре, одном из немногих подлинных творцов, не считавшемся ни с какими запретами и ограничениями? Кого-нибудь другого – посмеявшегося про-

делать хотя бы половину его вольностей – наверняка ждала бы тюремная камера и полный запрет на любимую профессию, но по отношению к Р. заинтересованные органы проявляли явный либерализм: вполне возможно, что единственной причиной была гениальность и абсолютная величина дара Р., но не исключались и другие причины – вполне допустимо – утаиваемые от исследователей. Для их выяснения – в том числе – мне и требовались сейчас новые источники: такая куча друзей и собутыльников не могла исчезнуть окончательно, и кто-то же наверняка жил ещё и работал в городе, бывшем когда-то одним из центров мировой культуры. Я не хотел верить, что все они сгинули и растворились на бескрайних просторах; я просматривал статьи и многочисленные интервью, в которых оказавшиеся в центре внимания делились воспоминаниями, но совершенно не мог понять, что же представляют из себя их авторы и где в случае необходимости их следует искать: это были люди в основном неизвестные, с которыми у Р. происходило неформальное общение по преимуществу в тесной и узкой компании, и реальной пользы от таких интервью я не видел. Здесь же находились воспоминания пары уже умерших людей, причастных к творческой составляющей Р.: они когда-то общались с ним на съёмочной площадке. Но наконец я обнаружил нечто интересное: статью почти неизвестного мне кинорежиссёра, в одном из фильмов которого снимался когда-то кумир; судя по датам, он ещё вполне мог быть жив и наверняка зани-

мался старым делом; в крайнем случае на киностудии могли дать его адрес и таким образом помочь выйти ещё на одну грань жизни и творчества великого мастера.

Находку я посчитал удачной, но следовало искать дальше: наверняка на этом возможности архива не ограничивались и при желании я мог обнаружить ещё не одну подобную зацепку; я углубился в работу и сидел, окружённый разваленными папками и просто кипами отдельных листов газетной бумаги, содержащими что-то пусть отдалённо приближающее меня к Р. Время двигалось незаметно: на улице наступила темнота, и в свете ночной лампы я разглядывал слабые отпечатки недавнего прошлого, шевелившиеся и подававшие слабые признаки существования: в них содержалась часть жизни великого человека, а я собирался восстановить её в полную натуральную величину, стараясь сохранить достоверное и убирая и вычёркивая придуманное кем-то посторонним – безразлично с какой целью он или они это сделали. В памяти он должен был остаться таким же, каким был: со всеми недостатками и излишествами, но совершенно неизвестно, кем бы он стал без них и смог ли бы подняться до космических высот, откуда обозревал грешную и скудную землю: она его породила и она же вложила в него страсти и страдания и с его помощью осознавала свою слабость и несовершенство, боль и отчаяние, смертную муку и тяжесть существования, которое тем не менее требовалось продолжать – насколько только было возможно – и которое закончилось в его кон-

кретном случае так необыкновенно рано.

Телефон звенел уже давно, но я слишком глубоко ушёл в созерцание открывавшихся мне видов и горизонтов: они стояли перед глазами почти реально – и с большим трудом я оторвался и заставил себя поднять трубку. Там было тихо, и мне пришлось вступить первому. – «Да: я вас слушаю.» – На том конце молчали, и я уже подумал о продолжении неприятных звонков с угрозами, но неожиданно вкрадчивый голос опроверг подозрения. – «Здравствуйте, здравствуйте: вот вы какой, значит.» – «Это кто?» – Он немного помедлил. – «Один человек, о котором вы хорошо знаете, но почему-то избегаете его. Разве это хорошо?» – «Я не понимаю; вы всё-таки кто такой?» – «Ну, кто я такой, на самом деле долго рассказывать, но кое-что я вам всё-таки объясню... Меня зовут Марк Фёдорович: надеюсь, слышали?» – Я наконец понял: на том конце находился А., автор единственной книги о моём кумире и герое, к которому я не хотел обращаться по вполне понятным причинам: он извергал ложь и клевету, являясь достаточно влиятельным и могущественным человеком, от чьего отношения зависело столь много в этом лучшем из миров, что крайне нежелательно было вступать с ним в противостояние: оно в любом случае – учитывая связи и возможности – кончилось бы в его пользу, и в моём деле я как-то надеялся миновать его; но, видимо, у меня это не получилось. – «И что вам надо от меня?» – «Нет, по-моему, вы хотели получить от меня... кое-какую информацию. Или я

ошибаюсь?» – «А вы располагаете?..» – «Располагаю, располагаю. И вообще было бы просто полезно встретиться лично: вы так не считаете?» – «Может быть.» – «А то люди, знаете ли, волнуются, беспокоятся: а как у него дела, а не беспокоит ли его что-нибудь этакое интересное: интересное и этим людям в том числе, кстати.» – Он хихикнул. – «Так что жду вас, очень жду: завтра вас устраивает?» – Я подумал, прикидывая: встречу с ним следовало оттянуть на максимально отдалённое время, тем более что на следующее утро у меня уже имелся план: я собирался заглянуть в театр, где всю жизнь проработал мой кумир. – «Нет, извините, никак не получается: а вот насчёт после-послезавтра можно серьёзно подумать.» – «Нет: вы явно меня обижаете и не хотите получить ничего заслуживающего внимания. Если мы не договоримся на послезавтра, я на вас обижусь: и очень серьёзно.» – Он заговорил с соответствующими интонациями, хотя от подобного плута можно было ожидать любого: в прошлом он тоже имел отношение к театру, и возможность переиграть и обмануть любого человека безусловно входила в арсенал его главных достоинств. Но я вынужден был считаться со всем тем, что стояло за ним. – «Хорошо, пускай послезавтра. Но только не слишком рано.» – «Да нет, пожалуйста: в три часа дня вас устроит?» – «Да. В каком месте?» – «Подъезжайте ко мне в офис. Я даже могу машинку прислать: не желаете?» – «Нет.» – Он продиктовал адрес и номер комнаты. – «Ну прощайте.» – «Подождите: а что это за люди, о которых вы го-

ворили?» – «А, это.» – Он неожиданно снова хихикнул. – «Да разные людишки тут имеются, всякие. Но я думаю, что не стоит пока вам забивать голову: при встрече мы их тоже коснёмся. Ну, до встречи.» – Он сразу опустил трубку: явно чувствовались деловые замашки преуспевающего человека, ценящего каждую минуту и не желающего расходовать-ся на напрасные дела и заботы, не могущие принести ничего кроме тоски и огорчений: он пронёсся лёгким белоснежным метеором по сумрачному горизонту и на мгновение дал почувствовать свою необыкновенную силу и мощь, способную снести всё вокруг и уничтожить из-за малейшего каприза или желания, но не тратящего её напрасно: ему требовалось нечто другое, что должно было выявиться почти через двое суток, когда наступит назначенное время и я буду допущен туда, куда хотели бы проникнуть многие, но вход куда для них опечатан и закрыт.

Я сознательно встал пораньше: сегодня мне предстояло посетить родной театр Р., и ради такого случая я даже специально оделся в новый и чистый костюм: желательно было произвести максимально благоприятное впечатление на людей, знавших кумира и продолжавших теперь без него заниматься его делом. Совершенно напрасным я считал в данном случае предварительно договариваться о встрече и разговоре: во-первых, театр должен был работать постоянно и стабильно, то есть кого-то я в любом случае обязательно за-

стал бы на месте, и кроме того я не знал, к кому можно обратиться, не выдав при этом совсем уж явно своих замыслов: в театре могли оказаться такие же заинтересованные лица, и вчерашние намёки главного эксперта в данной области оставляли нехороший осадок и впечатление; он вполне мог протянуть длинные щупальца и в это место, столь тесно связанное с жизнью его основного героя и подшефного, и если каким-то образом он смог выйти на меня, то наверняка в театре меня мог ждать неприятный сюрприз: я должен был вести себя крайне осторожно и не позволить увлечь себя какой-нибудь глупостью, могущей затормозить или даже остановить приближение к конечной цели. Я всё ещё рвался и тянулся к ней, несмотря на прозрачные намёки и общую обстановку; таких трудов стоило мне добывание столь ценной информации, ведь даже в родном институте, гордостью которого являлся Р., не хотели больше ничего о нём знать и помнить – не считая скабрёзных и неприличных историй – и что же могло меня ждать тогда впереди? Я уже знал, что режиссёр – старый покровитель и друг – вернулся не так давно из-за границы, где провёл несколько спокойных лет: занимаясь тем же самым и одаривая уже западную публику плодами нелёгкого труда. Кто же лучше знал о проделках бывшего донжуана и греховодника, ставшего к тому же главной звездой и надеждой театра? Я не сомневался, что каким-то образом смогу получить здесь наконец реальную помощь, тем более что в театре продолжали работать несколько бывших

соратников Р.: уж они-то не могли ничего забыть и требовалось только отыскать их в системе запутанных коридоров и комнат в здании, где размещался театр.

Я когда-то был здесь: это случалось ещё в школе, и потом даже в годы университетской учёбы я пару раз приходил в театр, носивший на себе следы прошлых легенд и заслуг, смягчённых после отъезда режиссёра более лёгкой репертуарной политикой, но сейчас почти наверняка всё должно было вернуться на прошлые позиции: я не сомневался, что ему удастся возратить театру былую силу и привлекательность, тем более что теперь режиссёр не находился в оппозиции и должен был безусловно получать полновесную помощь и поддержку. Я не слышал ничего о новых постановках, но, видимо, причина заключалась в сложности самого процесса: подготовка нового спектакля, насколько я знал, могла длиться и год, и полтора, так что он мог просто не довести до окончательной стадии ни одной из новых работ, а всё предыдущее вряд ли могло его заинтересовать: он являлся слишком творческой личностью для того, чтобы переделывать и продолжать вести работы предшественника, и такими вещами занимался наверняка кто-то другой.

Я специально вышел из дома пораньше: кто мог знать, будут ли наверняка нужные мне люди сидеть там весь день, и чтобы исключить возможность повторного визита – ещё неизвестно было, как меня примут актёры и старый друг-покровитель – надо было подстраховаться. У главного вхо-

да я оказался чуть раньше десяти, но он почему-то был закрыт, и немного походив вокруг, я понял наконец ошибку: главный вход предназначался только для зрителей, и в любое другое время, кроме спектаклей, он был крепко закрыт изнутри; требовалось отыскать служебный вход, являвшийся на самом деле главным в театре, и я двинулся вдоль стены по переулку, забитому легковыми машинами. Здесь находилось что-то вроде свалки: многие машины выглядели покорёженными и искалеченными: кое-где не хватало колёс, стёкла были частично побиты, а уж о багажниках и бамперах и говорить было нечего: надо думать, их стащили сюда в одно место, чтобы потом постепенно продать годные целые детали, а остатки выкинуть вместе с тряпьём и поржавевшим металлоломом, который хранился отдельно и занимал несколько секций, оставшихся на месте гаражей. Я двигался вдоль стены здания, но находки ничего не давали: несколько проёмов в здании заканчивались дверями, глухо запертыми и явно давно не открывавшимися: ни на одной из них я не заметил обозначений, а недолгие попытки попасть внутрь – от натуги я даже покраснел и немного устал – ясно показали, что это совсем не то, что мне нужно.

Долго я двигался вдоль одной стены, пока она наконец не свернула, образовав прямой угол: здесь было явно более оживлённое и обжитое место, за недалёким забором, идущим параллельно новой стене, разъезжали машины, и где-то впереди стало заметно движение. Уже на хорошей скорости

я поспешил туда: можно было ожидать, что там как раз находится служебный вход; но к счастью я не забывал поглядывать и на заднюю стену театра; именно это и помогло: проскакивая мимо очередного проёма, я наконец обнаружил интересующую меня надпись, так что я даже не стал выяснять, а что же происходит там впереди, и сразу толкнулся в дверь.

После тёмного коридорчика длиной метров в пять я неожиданно вылетел на стол с лампой и телефоном, позади которого возникла хмурая насупленная тень, сразу впившаяся в меня подозрительным взглядом. Я встал и осмотрелся: в кресле напротив развалился сердитый и взлохмаченный старик, которого – судя по всему – я только что разбудил: насколько я понимал, это была охрана. Мне показалось, что от него чем-то несёт: он выглядел помятым и изношенным жизнью, но не сдавшимся окончательно; однако с ним приходилось считаться, тем более что старик вроде бы окончательно проснулся и всерьёз заинтересовался незнакомым гостем. – «Вы кто такой? Вам что здесь надо?» – Если учесть внезапность моего появления, реакция у него проявилась неплохая, но я обязан был, конечно, всё чётко и понятно объяснить. – «Я пришёл по делу. Я могу пройти?» – «По какому такому делу? Кто вы вообще такой? Ещё нет никого.» – Он с удобствами устроился в кресле и искоса на меня поглядывал, изображая строгость и неподкупность. Вполне возможно, что именно таким человеком он был и на самом деле, но сивухой от него всё-таки пахло. – «Да я, зна-

ете ли, журналист, и пришёл – я даже не могу сказать точно к кому – в связи с одним человеком. Вы знали Р.?» – Он неожиданно насупился, но потом я понял, что он просто старается вспомнить, о ком идёт речь, и я решил прийти ему на помощь. – «Вы что же, не знаете лучшего актёра своего театра и одного из лучших актёров последнего времени?» – Он ещё поморщил лоб. – «Это который спился?» – «Почему спился?» – «Так все говорят.» – «А вы что же: его не знали?» – «Откуда?» – Он выразил возмущение. – «Я ведь недавно только работаю, а раньше я на труболитейном...» – «И вы что же: ничего о нём не знаете?» – «А почему я должен о нём знать? Мне за это не платят.» – Похоже, он почувствовал непорядок. – «И с какой стати вы вообще тут стоите и задаёте мне всякие вопросы? Я сейчас позвоню и милицию вызову.» – Он сделал движение в сторону телефона, но я сразу поймал его за руку и успел другой рукой выхватить из верхнего кармана бумажку достаточно приемлемого достоинства и впихнуть ему в руку. Старик сразу расслабился и сел; бумажку он поглядел на свет и удовлетворённо засунул в карман брюк: реакция, выработанная трёхлетней журналистской практикой, не подвела меня на этот раз, и конфликт, надо думать, был исчерпан. – «Вот как: при исполнении, значит.» – Он хмыкнул. – «А документики покажите всё-таки.» – Он протянул уже другую руку, в которую я тут же вложил удостоверение, и он около минуты внимательно и с пристрастием изучал его. – «Ну что же: действитель-

но журналист. Только сейчас всё равно никого нет, и впустить я вас не могу.» – «Я тогда подожду здесь?..» – Он отдал мне корочку и теперь посмотрел уже мне в лицо. – «Только вы тут не очень. Да, стул я принесу.» – Он выкарабкался из кресла и отправился куда-то вглубь, так что я думал пока устроиться на его месте, но почти сразу он появился снова, неся дряхлую ободранную табуретку, такую же колченогую, как он сам. – «Устраивайтесь рядом со мной. А я пока посплю.» – Он вроде бы на самом деле прикрыл глаза и расслабился, но я считал, что табуретка будет недостаточным возмещением за ту сумму, что я ему дал, и я без всякой деликатности сразу же полез с новыми вопросами. – «Извините, а вам не кажется, что немного поздновато?» – Он открыл оба глаза и постепенно нашёл взглядом меня. – «Спать никогда не поздно. Тем более за такую зарплату. Вы знаете, сколько я получаю?» – Я отрицательно качнул головой. – «Шестьдесят. Это в переводе на доллары. И кто ещё за такие гроши работать будет? А у меня ведь целый театр.» – Он хитро улыбнулся. – «Представляете? Целый театр, и у меня одного.» – Я тоже улыбнулся, включаясь в игру. – «Но только по ночам?» – «Ну почему: и утром тоже.» – «А когда приходят артисты?» – «Ну, здесь я тоже почти царь и бог: кого следует – пропускаю, а если нет документиков соответствующих – тогда извини.» – «Нет, я о другом: когда они должны сегодня быть?» – «А это как придётся: может – в одиннадцать, а может – и только к двенадцати приползут. Они ведь тоже –

любители, не только я один.» – Он ясно и наглядно показал мне, о каком любительстве идёт речь: пальцем правой руки он щёлкнул себя по скуле, и чтобы стало ещё яснее, указал пальцем под стол: там стояла пустая бутылка из-под водки. – «Но об этом – тс-с: ни слова. Наш режиссёр – как вернулся оттуда – так сразу начал порядки свои наводить. Ну где тут выдержишь? Если бы платил – ещё ничего, а так – извините.» – «Но разве режиссёр занимается и хозяйственной частью?» – «Не знаю: вообще-то у нас директор есть. Но тот ещё жук. Вы свалку тут видели?» – «С машинами?» – «Да: его инициатива. Он хотел меня с напарником заставить и её сторожить, но кто ж согласится за такие деньги?» – «А я там спокойно прошёл, и никого не заметил.» – «А кому они нужны? Правда: есть там люди, которые свалкой занимаются, но в-основном всё это директор к себе в карман кладёт.» – «А поймать если?» – «Кто же его поймает? Из местного отделения иногда сами приходят: помогите, – он им и помогает.» – «А режиссёр чего?» – «Его это не интересует. Если, конечно, директор с ним не делится: я ведь не присутствовал, и сказать ничего не могу.» – «А в чём здесь интерес: я имею в виду свалку.» – «Да бог его знает. Я их дел не касаюсь.» – «А что у вас вообще происходит?» – «Ну и любопытный вы, однако.» – Он сделал недовольную мину, но потом расслабился. – «Вообще же, как приехал режиссёр, так и началось: он ведь хочет выкупить театр, но кто же позволит? Тут и без него есть желающие: тот же директор, я слышал, не прочь,

но и это ещё не всё: тут есть ещё партия, во главе с завли- том, так они совсем обнаглели, и если бы не директор с ре- жиссёром – которые им противостоят – они бы уже давно его... захапали.» – Он неожиданно взбодрился. – «Но и тут не конец: мы тоже организовались и так просто этого дела не оставим, а то что получается: как работать – так за двоих, а получать – хренушки.» – Он помолчал и отдышался. – «И ещё: они ведь как себя ведут? Мы – обслуга, и нам, значит – шиш? а остальным весь театр и подсобное хозяйство в при- дачу?» – «Какое подсобное хозяйство?» – «Да есть там. По- том: он проходит мимо, ты здороваешься, даже кланяешься, выражаешь почтение, а он тебя игнорирует? Мы этого дела так не оставим, мы на них управу тоже найдём.» – Он опять остановился. – «А то что выходит? Чуть что не так: сразу, мол, вылетишь у меня, а сами на карачках после банкетов иногда приползают; и если пахнет от тебя – совсем чуть-чуть – всё, говорят: собирай манатки. А как нам без внутренне- го обогрева обходиться, когда тут отопление с перерывами работает: то трубу прорвёт, то ещё что, а ты сиди, околевай. Так выходит?» – Его горячность наконец проняла меня: пе- редо мной был не занюханный вонючий старикашка, а певец достоинства, свободы и справедливости, поставленный судь- бой в неблагоприятные условия. – «И что вы делаете в от- вет?» – «Как что? Боремся. Но я не могу посвящать вас в по- дробности: откуда я знаю, на чьей вы стороне?» – «Я на сто- роне истины.» – «Кого-кого? Извините, не знаю такой. Так

вы всё-таки зачем сюда пришли?» – «Я вроде рассказывал: меня интересуют подробности из жизни Р.: великого человека и лучшего актёра вашего театра. Я знаю точно: режиссёр был его близким другом и, можно сказать – покровителем – и кроме того, у вас должны работать как минимум два или три актёра: тоже бывших друга Р.» – «Да? Может быть, может быть. Но я с ними не общаюсь: разве они могут опуститься до меня? Но учтите: я вас могу пустить только под чью-то ответственность: а иначе нельзя, таковы правила.» – Я закивал: это выглядело разумно, и мне оставалось только ждать появления главных действующих лиц.

«Так всё-таки вы ничего не можете сообщить мне по поводу Р.?» – Я решил проявлять настойчивость до конца: не зря же я давал ему деньги. – «А что Р.? Много их тут бегает: за всеми не уследишь.» – «Вы напрасно так: вам что же, не нравится его искусство?» – «А кому оно нравится?» – Я слегка опешил. – «Вы что же, не ходите в свой родной театр?» – «А кто сюда ходит? У меня дома свой театр каждый день.» – Я с изумлением смотрел на старую перечницу: он посверкивал на меня из глубин, окружённых хмурыми мохнатыми ресницами и бровями, пока ему не надоело такое разглядывание, и, видимо, решив, что вопросы исчерпаны, прикрыл наглухо свои щели-амбразуры и с наслаждением погрузился в мягкое и тёплое кресло.

Но у меня и на самом деле исчезло желание общаться с ним дальше: разве мог я ожидать такое глухое непонимание

и отвращение к самому святому и дорогому для меня в этом истинном храме искусства: уже второе поколение людей прислушивалось ко всему, исходящему отсюда, и странно было обнаружить здесь такого тупого и толстокожего субъекта. Он тихо и мирно дремал, не до конца, видимо, выпавшись за ночь, а мне нужно было дожидаться появления кого-то из артистов или других творческих работников: только они могли бы помочь мне в тонком и деликатном деле.

Я почти задремал, прислонившись плечом к обшарпанной грязной стене, но неожиданно открылась входная дверь и кто-то ввалился внутрь, и потом только я услышал нетвёрдые шаги: кто-то двигался в нашу сторону, и в ожидании первого гостя старик сразу же резко взбодрился, и я тоже решил не отставать от него: а вдруг это был сам режиссёр? Но когда пришелец выполз наконец на освещённое лампой пространство, я немного успокоился: им оказался мужчина немного постарше меня, вихлявшийся по пути из стороны в сторону: совершенно явно он был навеселе, и неясно было, зачем он пришёл в театр; но охранник, видимо, имел другое мнение. – «А, Сергей Иванович: вы сегодня первый будете.» – «Оч-чень приятно. А это кто же у нас такой?» – Он уставился мутными глазами на меня. – «Журналист: говорит, по делу.» – «Не ко мне, случайно?» – «Если вы располагаете информацией об Р., то и к вам тоже.» – «Р.? Кто такой Р.?» – «Бывший актёр вашего театра.» – «Ах, Р. ... Нет, не располагаю. Извини, друг.» – Он попробовал пройти между мной

и столом дальше по коридору, но я аккуратно поймал его во время неспешных покачиваний под руку и слегка притормозил. – «Что такое?» – «Извините, вы не можете мне тогда помочь в другом: я хочу подождать прихода остальных внутри, а ваш охранник меня не пускает.» – «Конечно, не пускаю. придёт режиссёр или директор, и тогда пожалуйста: если, конечно, возьмут на себя ответственность.» – Актёр, или кто он там был, опять внимательно посмотрел на меня. – «Извини, друг, но я тебя вижу впервые.» – Он освободился и такой же нетвёрдой походкой зашагал дальше: где пока ещё было совсем темно. Он чем-то гремел и стучал по дороге, натыкаясь, похоже, на посторонние предметы, но наконец шум затих и где-то в глубине разлился неяркий свет: благодаря чему первый гость разобрался, видимо, в обстановке и смог найти нужную дорогу дальше.

Второго гостя я ждал ещё минут пятнадцать: вслед за хлопком двери прямо на меня выскочила женщина: она выглядела значительно старше, и принадлежала, безусловно, к актёрской элите театра. Охранник стал ещё почтительнее и любезнее: он чуть ли не расшаркивался перед этой явно звёздной дамой, и чтобы обратить на себя внимание, мне пришлось встать у неё на дороге. – «Извините меня, пожалуйста: я журналист и пришёл по делу: меня интересует Р.» – От неожиданности она смутилась, но моё нахальство она предпочла игнорировать. – «И чем я могу помочь?» – «Вы можете рассказать всё, что о нём знаете: это останется для

истории.» – Она засмеялась. – «Если в истории будет оставаться хотя бы часть того, что происходит на самом деле, то человечество нам этого не простит.» – Теперь смеялся уже я: она прекрасно мне ответила. – «И всё-таки: вы его не знали?» – Она мечтательно задумалась. – «Почти нет. Но сейчас я занята: у меня репетиция. Так что извините.» – Мне пришлось отступить в сторону, и она быстро прошла мимо, обдав сильным запахом духов: скорее всего французского происхождения.

Сразу после актрисы с небольшим перерывом в служебный вход заходили ещё две женщины и трое мужчин, но с ними охранник уже не разводил особых церемоний: видимо, они были сотрудниками из обслуживающего персонала; театр наконец пробуждался для нового дня, когда предстоят новые нелёгкие репетиции, из которых постепенно, шаг за шагом, будет строиться и подниматься ввысь новое необычное строение, которое на исходе стройки, освободившись от лесов и слоя грязи, отмывшись и почистившись, появится наконец в полном блеске и силе, изумляя всех вокруг.

Но пока до этого было ещё нескоро, и я уже даже начинал скучать от долгого шествия ненужных мне людей: почему-то никто из них не мог мне ничем помочь, хотя некоторые наверняка могли работать в театре в одно время с моим кумиром: когда я задавал вопрос, многие с испугом отшатаывались и ссылались на занятость, хотя до начала репетиции явно оставалось ещё немало времени. Можно было по-

думать, что они боятся открыть какие-то неприятные вещи, и мне оставалось дожидаться прихода либо режиссёра, либо директора, с которыми наверняка многие трудности должны будут отпасть и исчезнуть.

Ждал я ещё почти полчаса; мимо меня проходили гримёры, уборщицы, работники сцены и даже несколько актёров и актрис, и только потом наконец я увидел знакомый силуэт: главного режиссёра театра я конечно знал в лицо: не напрасно же он мелькал так часто на экране. Охранник сразу привстал и даже попробовал вытянуться в струнку: каким-то чудом он смог сдержать запах перегара, и рядом со мной был уже совсем другой страж порядка: бдительный и надёжный. – «Здравствуйте, здравствуйте, Илья Николаевич.» – Режиссёр кивнул. – «Тут к вам журналист: если возьмёте на себя ответственность, то я пропущу, а если нет...» – Режиссёр наконец обратил на меня внимание: ему было за шестьдесят, но выглядел он очень даже неплохо и теперь сверлил меня живыми глазами-буравчиками, пытаюсь определить, что у меня находится внутри. Но, судя по всему, узнать что-то интересное по первичному осмотру ему не удалось. – «Вы действительно ко мне? И по какому же поводу?» – «Дело в том, что я собираю материалы о Р.: о вашем лучшем актёре. Вы можете мне помочь?» – Его взгляд просветлел и стал не таким строгим. – «И что же вы хотите конкретно?» – «Вы ведь знали его больше, чем кто бы то ни было, и наверняка не всё рассказывали тем людям, кто этим занимался: я имею в виду, напри-

мер, А.» – «Ну и зачем вам это надо?» – «Вы знаете: он был для меня кумиром, и я не сомневаюсь, что для многих остаётся им и до сих пор. Главная причина в этом.» – Режиссёр внимательно посмотрел на меня: возможно, он хотел проверить мою искренность; судя по всему, проверка прошла успешно. – «Хорошо: у меня репетиция, но где-нибудь в перерыве мы можем на эту тему поговорить. Пропусти его.» – Он дал охраннику нужную команду, и мы наконец двинулись по длинному туннелю, за которым разливался свет и можно было определить какую-то суету, которая с приближением режиссёра и меня вместе с ним становилась всё обширнее и сильнее.

Пока я дожидался в коридоре, в глубине театра было всё тихо и спокойно: кто-то разговаривал или смеялся, один раз я слышал голос, вещавший что-то по радиоприёмнику, зато теперь обнаружилось бурление, почти как в кипящем котле с грешниками: уборщицы всюду сновали со швабрами, отдирая застарелую грязь, кто-то застучал молотком и сразу из нескольких мест посыпались чёткие и разборчивые команды: рабочие сцены что-то носили, выстукивая тяжёлыми подошвами ясные и устойчивые ритмы, с которыми спорили взвизгивания электродрели за сценой и ещё какой-то непонятный шум. Мы выбрались наконец на сцену, и режиссёр критически оглядел всё происходящее: возможно, он хорошо понимал, что его постоянно надувают; но после недолгого раздумья он неожиданно рявкнул на весь зрительный

зал. – «Ерофеич!! Почему не готовы декорации?!» – Сразу же работа остановилась: я заметил, какими испуганными глазами все смотрят в нашу сторону, не прекращая всё-таки работы окончательно, но в готовности в любой момент возобновить процесс. Режиссёр постоял, оглядываясь: видимо, он собрался ещё что-то крикнуть на весь зал, но из-за сцены наконец вынырнул мужичок и покорно двинулся к нам. – «Ты где прячешься?! Почему не готовы декорации? Мы о чём договаривались?» – Мужичок остановился. – «Что молчишь?» – «Так ведь... не выходит никак. Они что говорят? Пускай нам зарплату прибавят: тогда и будет всё в срок. А так – нет.» – «Выгнать их к чёртовой матери...» – «А кто работать будет? Разве кто-то к нам пойдёт – на такую зарплату? Я ведь сам с ними работаю: ну это я, я уже двадцать лет при театре, а с ними какой может быть разговор?» – Он даже всхлипнул. – «Но когда надо будет, мы всё сделаем: в этом уж не сомневайтесь, Илья Николаевич.» – Он повёл глазами в ту сторону, откуда только что пришёл: как бы подавая знак, что надо идти работать дальше, и режиссёр кивнул в ответ. Сразу же всё вокруг забурлило, как и до того, если не больше: рабочие передвигались уже рысцой, уборщицы скоблили и тёрли пол ещё энергичнее, и молотков стало уже два: кто-то ещё, видимо, сачковавший до того, включился в процесс. – «Вот видите: только так с ними можно, а по-другому не выходит. Вы пока сядьте в зале: у нас сейчас всё равно репетиция.» – Он показал мне рукой, где лучше спуститься, а

сам отправился за кулисы: видимо, доводить до ума какие-то дела.

Я медленно подошёл к краю сцены: здесь находилась та самая площадка, на которой страдал и мучился всю недолгую жизнь мой кумир: она знала и его Гамлета, и мрачного Отелло, и кучу разных неудобоваримых поделок, которые каким-то чудом Р. умудрялся поднимать до подлинных высот, разливая с этой сцены блеск и сияние, мало кому доступные. Это было так давно, и кроме того я всего один раз смог увидеть его на сцене живьём, и только многочисленные записи со спектаклями и немногие фильмы, где он сыграл какие-то роли, оставляли нам живой немеркнувший образ великого артиста. Но здесь оставались продолжатели и наследники, и интересно было всё-таки узнать, над чем же сейчас они работают.

Я спустился в зал и устроился в четвёртом ряду: так было достаточно близко и в то же время я находился на приличном удалении от будущих событий; работники всё ещё суетились, поспешно завершая подготовку к репетиции, а режиссёр пока не показывался: видимо, вмешательство требовалось и в то, что происходило в глубине театра. Но наконец он выскочил на сцену, и сразу посыпались команды: уборщиц он прогнал наводить порядок в другом месте, а декорации – в усечённом и неоконченном виде – были вынесены и поставлены у задней стены на сцене. Они изображали внутренности городской убогой квартиры, где, видимо,

и происходило действие: с одной стороны кусок обоев был отодран и висел дряхлыми ссохшимися ошмётками, на стене была нарисована явно засиженная мухами картина, и даже окно примерно посередине имело несколько трещин, залепленных длинными бумажными лентами. Вряд ли это была подходящая обстановка для чего-то строгого и классического, и пьеса по идее была творением современного автора: вот так же точно Р. когда-то вынуждено разменивался на не стоящие того пустяки.

Откуда-то из-за кулис наконец стали выбираться актёры: сначала выполз молодой артист, первым пришедший в театр, за ним совсем уж молодая актриса, почти школьница: она появилась совсем недавно, и, судя по всему, очень волновалась, перелистывая какие-то бумажки; скорее всего там был записан текст её роли, потому что она иногда поднимала глаза кверху и шептала что-то себе под нос. Потом показалась актриса постарше: она выглядела гораздо увереннее и опытнее, во всяком случае без лишних церемоний она подошла к единственному стулу, стоявшему на сцене, и плюхнулась на него. Режиссёр стоял у края сцены и подёргивал ногой; скорее всего он ждал ещё кого-то, но больше из-за кулис никто не показывался: поток почему-то иссяк, и наконец режиссёру захотелось узнать о причинах безобразия. – «А где Семёнов?» – Он обращался ко всем сразу. – «Он вчера несколько того...» – «Что значит того: здесь театр или бордель?!» – «Ну зачем же бордель? Ни в коем случае. В-общем: пере-

брал малость, с кем не бывает.» – «Я этого паршивца давно хотел... вышибить к чёртовой матери! И передайте: если завтра не явится, может считать себя уволенным!» – «Зачем такие строгости? Он, может, ещё и сегодня подвалит: если с рассольчиком.» – Актёр захлопал ресницами, и режиссёр наконец заметил, что и сам заступник не очень твёрдо стоит на ногах. Режиссёр подвинулся чуть вперёд, а актёр наоборот попытался сохранить прежнюю дистанцию, но движение не помогло, и режиссёр снова забурлил, выплёвывая дымки презрения и лёгкой ненависти. – «Да и вы, я вижу, тоже хороши: вы что же, собираетесь сегодня репетировать?» – «А как же?» – «Я отстраняю вас.» – Приговор выглядел сурово, и, может быть, даже не совсем справедливо: ведь смог же он совершенно самостоятельно добраться в театр? Актёр подошёл теперь вплотную и невнятно забубнил, наседавая на неожиданного обидчика, который, судя по всему, никак не хотел сдаваться: возможно, это было уже дело принципа и чести, и ради стоявшего перед ним трясущегося лицедея мэтр не хотел нарушать собственных установлений, которые я уже успел заметить и почувствовать: с бардаком и разгильдяйством он вёл, насколько я смог заметить, настоящую непримиримую войну, результаты чего, однако, мне не совсем были ясны: возможно, он всего лишь удерживал театр от полного и окончательного развала, не давая пропасть делу своей жизни; кроме мужичонки, получившего разнос, я не видел пока людей, стоявших на его стороне: скрытое недо-

вольство строгостями зато ясно прослеживалось во всём, что здесь происходило: под внешней старательностью я хорошо видел скрытый саботаж, перемешанный со скоморошеством и угрюмым весельем. Режиссёру, безусловно, требовались ещё союзники, и я не удивился, когда понял, что наконец беседа перетекает в мирное русло: бурливые пороги и несчастный водопад оказались позади, и режиссёр уже спокойно беседовал с проштрафившимся: очень быстро они пожали руки и разошлись в стороны.

Теперь, насколько я понимал, ничего больше не мешало началу репетиции: все, кто заслужил взбучку, уже получили причитающееся, и можно было перейти к главному делу; режиссёр снова забегал по сцене: теперь ему требовалось ещё что-то: я заметил, что он смотрит и указывает пальцем куда-то вверх, одновременно подзывая кого-то из-за кулис на сцену. Я решил, что появится всё тот же Ерофеич, но из-за декораций выглянуло чьё-то другое лицо. – «Где электрик? Почему нет света?» – «Он вчера уволился: вы же сами его уволили.» – «Ладно: почему нет света?» – «А не горит, и всё тут.» – «Что значит: не горит?! А вы на что?» – Можно было подумать, что режиссёр не выдержит и устроит очередную взбучку, и потому голова боязливо нырнула в темноту. – «А мне за это не платят. Я что: должен за всех отвечать? Хотите свет – значит платите... за электрика, а просто так...» – Судя по всему, человек спрятался ещё дальше, его голос доносился в конце уже совсем глухо, но его можно было понять:

новая гроза надвигалась на работников храма искусства, по мнению режиссёра, не справляющихся со своими обязанностями: он кричал уже в полную силу, вспоминая всех близких и отдалённых родственников, имеющих какое-то отношение к данному скопищу обезьян, гадюк и попугаев, так что даже актёрам – ближайшим сотрудникам – перепало на орехи: мужчину он обозвал пьяницей и болваном, а женщинам почему-то достались библейские и исторические названия: он обличал их как Далил, Саломей и развратных Клеопатр, так что даже мне показалось, что он несколько перебрал с определениями. Успокоившись, он наконец сунулся за кулисы: сотрудник, ради которого он устроил только что небольшой спектакль, судя по всему, давно уже бежал, и режиссёр угрюмо полез наверх, где должны были находиться плафоны. Я видел, как раскачивается занавес и плотная тень поднимается всё выше и выше, и мне стало немного страшно за него: а вдруг планки и перекрытия не выдержат и обрушатся, погребя и занавес, и декорации, и надежду театра на полное и окончательное восстановление своих прежних позиций, но восхождение кончилось благополучно, и режиссёр уже расхаживал наверху, выясняя ситуацию. Можно было ожидать, что всё сейчас успешно разрешится и репетиция пойдёт своим ходом, но режиссёр, похоже, заметил что-то необычное: он надолго застрял в одном месте, и когда я прикидывал, что может последовать дальше, он высунул голову из-за занавеса, тревожно оглядывая зал, и, судя по все-

му, не обнаружив виновника, рявкнул уже в противоположную сторону, в глубину ходов и сообщений. – «Ерофеич: какая сволочь здесь лазила, куда делись лампы и провода?! Ты мне, гад, за всё ответишь!» – Снизу из-за сцены донеслись бормотания: Ерофеич, надо думать, уже явился на очередной допрос, но его ничтожный лепет перекрывал густой и тяжёлый бас, который иногда поднимался до визгливого баритона, обвинявшего теперь уже лично Ерофеича в воровстве и распутстве, и в качестве конкретного случая предъявлялась данная ситуация: кто-то в течение последних суток умудрился свинтить часть ламп и обрезать некоторые провода, соединяющие их в единый комплекс: по этому поводу и разорялся взбешённый режиссёр, бессильная ярость которого ничего не могла поделать с общей ситуацией.

«Здесь и не такое бывает.» – Я засмотрелся на зрелище и совершенно не заметил человека, который тихо вошёл в зал и устроился на следующем ряду почти у меня за спиной. – «Драчку вы ещё не видели?» – Я отрицательно кивнул. – «Тогда всё ещё впереди. Но вообще здесь бывает иногда весело.» – Я наконец обернулся: на сиденье за спиной у меня развалился молодой мужчина примерно моего же возраста; он с интересом разглядывал меня. – «А наилучшая картина получается, если все вылезают из своих нор и собираются здесь. Незабываемое зрелище.» – «И что же здесь тогда происходит?» – «Я всё равно не смогу описать: увы, бессилен. Но если повезёт, то вы ещё увидите.» – Я тоже решил

приглядеться к нему получше, и мой интерес он воспринял как-то очень уж весело. – «Я забыл представиться: Миша. Вообще-то у меня сегодня нет репетиции, но вот решил заглянуть.» – «Так вы актёр?» – «Ну не рабочий же сцены?» – Его появление, и то, как он себя вёл, несколько насторожили меня: можно было подумать, что он как бы караулит мои движения, а навязчивость выглядела просто неприлично: он вроде бы заранее считал меня своим и полностью заочно согласным со всем, что он захочет сказать, хотя я не давал для этого абсолютно никакого повода; я вспомнил о трудностях, начавшихся с первого же дня: это могло быть их развитием и продолжением. – «Ну а сейчас что будет?» – «Раньше, чем через час, репетиция всё равно не начнётся: может, поговорим?» – Его взгляд стал мутным и липучим, как будто некий занавес спустился и прикрыл весёлую доброжелательность, парившую до этого в его глазах и поведении. – «Интересно: о чём?» – «Мне кажется, у нас найдётся достаточно много тем для разговора и точек соприкосновения...» – «Каких ещё точек?» – Он явно много знал, и – вполне возможно – был подослан моими недоброжелателями: скорее всего, А. – «Это мы определим, я надеюсь, достаточно быстро и без особого труда, а времени у нас будет достаточно много.» – Он выглядел как-то странно: если бы его фразы не выглядели такими связными и логичными, можно было подумать, что он бредит или заговаривается: его глаза были как-то странно заведены и видели явно не меня, а какие-то посторон-

ние образы, которыми он мыслил и чувствовал. Если бы я не встречался раньше с наркоманами, я мог бы подумать, что он находится в трансе после принятия немалой сладостной дозы. – «А с чего вы решили, что я захочу с вами куда-то идти?» – «А почему бы вам и не пойти со мной: может, я принесу вам то, что вы ищете и никак не можете найти?..» – Это выглядело слишком многозначительно: всё его поведение в целом заставляло очень осторожно относиться к тому, что исходило от странного и навязчивого мужчины с обычным именем.

«Нет, вы извините, но у меня другие планы на сегодня.» – Я снова обернулся к сцене и стал следить за тем, что происходит между режиссёром и несчастными жертвами его гнева: судя по всему, актёр был прав и ожидать скорого начала репетиции не стоило. Но, видимо, он не собирался оставлять меня в покое, и почти сразу забубнил рядом с моим правым ухом. – «Но вы не пожалеете, я уверяю вас: могу дать какое угодно честное слово.» – Я старался не слушать его, прикидывая, чем можно пока заняться: надо было приступить к опросу всех, кто только мог иметь хотя бы самое минимальное отношение к интересующей меня теме; но для этого я должен был знать, где искать людей соответствующих профессий, потому что в таком большом здании у каждого наверняка имелась хотя бы своя каморка: место для отдыха и приёма пищи.

Он что-то ещё бубнил мне на ухо, но когда я резко по-

вернулся в его сторону, он сразу же умолк и медленно улыбнулся, скорее всего, принимая мою реакцию за благоприятный для себя ответ, но я не стал щадить его. – «Извините, а где у вас тут служебные помещения?» – «Для персонала?» – «Ну да.» – «Пойдёмте, я покажу.» – Он улыбнулся ещё шире и начал подниматься на ноги, но я снова огорчил его. – «Нет, извините: не надо меня сопровождать: вы только покажите направление.» – «Почему же не надо? Мне всё равно делать нечего.» – «Извините, но мне предстоит, скорее всего, несколько бесед на интересующую меня тему, и от вас мне нужно только одно: направление.» – Он нахмурился и недовольно поморщился, не зная, что сказать. – «Если так... вон, видите ту дыру?» – Он ткнул пальцем в некий ход, который как бы продолжал – через весь зрительный зал – движение от служебного выхода; скорее всего именно там должны были скрываться приходящие на работу сотрудники, и теперь актёр просто подтверждал мне это.

«Спасибо вам большое.» – Я быстро встал и пошёл, не оглядываясь на удручённого неудачей: я совершенно не собирался считаться с его предложениями, и так несколько вызывающими, и мне и без него хватало трудностей и забот, и ещё неизвестно, что меня должно было ожидать завтра, когда мне предстояла так некстати и невовремя назначенная встреча в офисе у А.

Я всё-таки смог оторваться от настырного незнакомца: когда я заворачивал в полутёмный узкий коридор, похожий на

подземный сумеречный туннель, мужчина сидел примерно там же, видимо, переживая последнюю неудачу: он сложил кисти рук на спинку переднего сиденья и сверху пристроил русую вихрастую голову, возможно, досыпая сейчас то, что недополучил за ночь. Очень может быть, что в этом и заключалась основная причина его странного поведения: спиртным от него вроде бы не несло, но он явно выглядел устало, и часть ночи – как минимум – не спал. Я надеялся, что больше не встречу его – он, может быть, немножко здесь поспит и уйдёт домой – а мне надо было наконец заняться делом: театр, пропитанный окончательно не выветрившимся духом Р., был в моём распоряжении, и только от меня самого зависел будущий результат.

Актёр, безусловно, не обманул меня: туннель был завален каким-то хламом, среди которого требовалось выбирать кратчайшую дорогу, не везде ясно видную из-за полумрака: лампы были вкручены только через одну, да и то имели не самую яркую светимость; театр, безусловно, находился в тяжёлом положении. Один раз мне показалось, что впереди кто-то шуршит и скребётся, но когда я достиг подозрительного места, всё выглядело мирно и спокойно: справа и слева я прошёл по две двери, закрытые и заваленные хламом, и только чуть дальше меня ожидал первый успех: третья дверь справа чуть отходила и явно была всего лишь прикрыта, и груды мусора перед нею оказались давно расчищены и убраны в стороны.

Я вежливо постучал и сразу потянул дверь на себя: совершенно необязательно меня должны были так вот сразу пригласить войти внутрь; свет стал гуще и жирнее, он даже чуть ослепил меня, когда я ступил на порог, пытаясь оглядеться. Почему-то было тихо, и я несколько секунд дожидался, пока глаза освоятся с непривычно яркой здесь обстановкой и атмосферой, и потом медленно развернулся на месте, осматривая всю комнату.

Стены были уставлены шкапами, набитыми папками и бумагой, свет лился с потолка, утыканного неоновыми лампами, а середину комнаты занимали несколько столов: на них были навалены груды папок, и над одной из груд – в дальнем конце – я увидел наконец скучную немолодую физиономию. Физиономия обладала очками, которые несколько раз поправляли вздымавшиеся откуда-то руки, и человек за столом с напряжением следил за мной, почему-то ничего не говоря. – «Здравствуйте: извините, я куда попал?» – «В театр.» – Он почти шептал. – «Я знаю, что в театр: что это за комната?» – Мои нахальные вопросы, похоже, немного разозлили мужчину. – «А вы кто такой? Что-то я вас не помню.» – «А вы и не можете помнить: я журналист, и пришёл по делу. Кстати, может, вы мне тоже можете?» – «И чем же?» – Он всё ещё сидел в засаде за грудой папок: почему-то он побаивался меня. – «Кстати, вы забыли представиться и сказать, где мы находимся.» – Его оборонительная позиция начала надоедать мне: не вечно же он там собирался отсижи-

ваться? – «Я завлит театра: Игорь Семёнович. А эта комната – архив.» – «Очень, очень приятно.» – «Так что вам надо?» – «Меня, знаете ли, интересуют разные подробности из жизни Р.: я говорю о бывшем актёре вашего театра.» – Он закивал и высунулся из-за груди чуть побольше. – «Знаем, знаем. Хотя то, что знаю я, давно всем известно, и ничего нового вам наверняка не даст.» – «А вдруг?» – «Да ну, бросьте: здесь уже нет белых пятен, и всё, что заслуживало внимания, давно описано.» – «А я вот кое-что обнаружил.» – Я сознательно постарался сделать эффектную паузу, на которую он сразу же поймался: он вылупил глаза и снова спрятался за баррикадой, где его не могли достичь посторонние беды и неприятности. Но поскольку я замолчал, он, видимо, решил, что это только маленькая шутка, и он даже рассмеялся. – «Понимаю: шутка?..» – Мне совершенно не хотелось посвящать его в дикую и пёструю кашу событий и новостей, имевших отношение к нашему общему, я надеялся, любимцу; ещё неизвестно было, на чьей стороне мог оказаться он, и я решил прикинуться человеком, не слишком на самом деле осведомлённым. – «Допустим. Но вы, всё-таки, может вспомните что-то такое, чего не было бы известно никому или почти никому?» – «Знаете, я вынужден вас огорчить: с Р. имел дело мой предшественник, а я работаю здесь... чуть меньше десяти лет.» – «А что случилось с вашим предшественником?» – Похоже, я задал очень неудачный вопрос, потому что завлит снова нырнул в глубину завалов; его почти

не стало видно, и только посверкивали оправа и стёкла очков. – «А почему с ним что-то должно было случиться? Отвечайте!» – Я понял собственную бестактность, хотя, вполне возможно, я надавил на очень уж болезненное и слабое место. – «Извините: я, наверно, что-то не то сказал, но это чисто случайно: я не имел в виду ничего конкретного.» – «Ах, не имели...» – Возможно, он раздумывал, как поступить со мной: выгнать или всё-таки оставить для продолжения беседы. Но что-то ещё угнетало его, и он выбрал благоприятный для меня вариант. – «Кстати, а вы из какой газеты?» – Я выдал ему полное название вместе с занимаемой мной должностью, что произвело заметное впечатление на осторожного хранителя местного архива; он даже взбодрился. – «Ну если вы журналист, то – насколько я понимаю – должны быть готовы к отстаиванию справедливого и благородного дела?» – Я кивнул, совершенно не понимая, чего же хочет от меня завлит, лицо которого оживилось и вытянулось: теперь оно напоминало немного толстоватую мордочку крысы, и только из-за отсутствия усов – мысленно мною дорисованных – его можно было считать не окончательной полной крысой, а отдалённым родственником и подобием. – «Так что вы хотите?» – Он замялся. – «Дело очень сложное, так просто не объяснишь... В-общем, это касается приватизации театра. Вы понимаете?» – Я сразу вспомнил разглагольствования охранника у входа и кивнул в ответ. – «И что же?» – «Дело очевидное и, можно сказать, простое – яйца выеденного

не стоит – но уже два года мы бьёмся: и результатов никаких.» – Я кивнул. – «Ну вы же знаете, что везде происходит? Собираются трудовые коллективы, решают: брать или не брать собственность в свои руки? – естественно, брать: кому же отдавать хочется? Вот так почти два года назад мы тоже решили – брать! и что же теперь получается? Приходят какие-то типы, приезжают оттуда, – он ясно показал, откуда же они приезжают, – и потом нам заявляют: ни-зя! Это что же выходит: нам, актёрам и творческим работникам, нельзя распоряжаться своим собственным театром?» – Он приостановился и от смелости даже привстал и уже наполовину вылез из-за груди. – «И самое главное: закон на нашей стороне, а сделать ничего не можем: всё куплено на корню, причём не им одним.» – «А кем же ещё?» – «Здесь хватает желающих, как же без этого? Кроме того – который оттуда – есть ещё директор: тёмный тип, неизвестно, чего от него можно ожидать. Пока мы не знаем: кто за ним стоит, но то, что стоит: точно. Но и это не всё: тут ещё собрались – вы можете себе представить? – уборщицы, охранники, водители и прочие, и возглавляет их одна актриса – бывшая примадонна; пожарник, правда, тоже с ними. Но самое главное, чего они хотят: они хотят приватизировать театр! Вы можете представить себе такую наглость?!» – Я понял возмущение завлита и внутренне согласился с ним. – «И что же получается в результате?» – «А что может получиться? Война. Но это ещё не всё: если те – кто с бывшей примадонной – просто недостой-

ны, а директор – жулик и аферист, то ситуация с последним – который управляет там, – он показал рукой по направлению к сцене, явно уже давая понять, о ком идёт речь, – вообще кошмарная. Вы знаете, кто за ним стоит?» – Я отрицательно качнул головой. – «За ним стоит Израиль, за ним стоит «Моссад», за ним стоит сионизм! Вы хотите, чтобы со сцены русского театра шла пропаганда всего иноземного?!» – Я снова замотал головой. – «Так вот: если он получит театр, именно так и будет. Кстати, я вижу, что вы не их человек: иначе я бы вам этого так просто не говорил.» – Он, конечно, успел изучить особенности моего лица и сделать соответствующие измерения и расчёты: здесь он не ошибся. – «Так вы согласны помогать нам, честным патриотам своего театра?» – Он пристально смотрел на меня, прощупывая и проверяя лояльность по отношению к той силе, которую он представляет; мне не хотелось влезать в ещё одну историю с абсолютно неясными последствиями и концами, тем более что главным своим врагом он объявил режиссёра. Я надолго замялся, и сразу почувствовал изменение в подходе. – «А не хотите: тогда нам не о чем разговаривать. Дверь у вас за спиной.» – Дверь на самом деле была близко: я мог схватиться сразу же за ручку и покинуть насовсем хранилище былой скорби и печали, в котором поселился такой совсем немирный и даже агрессивный жилец, но пока мне не хотелось с ним расставаться: не все возможности были пока использованы и стоило пощупать в других направлениях, не исследо-

ванных раньше. – «Нет, знаете, может быть я и соглашусь: но в чём должна заключаться помощь?» – Он сразу заулыбался: скорее всего, он сознательно провоцировал меня резкостями, рассчитывая в конце на благоприятный ответ; он чувствовал себя, видимо, заступником обиженных и ущемлённых, и отстаивал права себя и близких себе людей любыми доступными ему способами, а то подобие войны, где он являлся вождём одной из противоборствующих сторон, стало, похоже, его основным делом. И вполне естественно, что он заботился о привлечении новых союзников и соратников, могущих помочь в решающем сражении. «Это достаточно очевидно: средства массовой информации могут много сделать. Мы устроим им мощную осаду и разобьём всех в пух и прах.» – «А они разве не используют подобные средства?» – «Ещё бы: естественно; они на всё способны. Но правда на нашей стороне. И рано или поздно победа будет за нами!» – От излишнего наплыва воодушевления он поднялся почти в полный рост, и я увидел, что он не такой уж и маленький: только странная позиция в глубине придавала его поведению не слишком приятную окраску: посторонний мог подумать, что он всё время чего-то боится. – «Хорошо. А взамен я могу рассчитывать на вашу помощь? Прежде всего меня тогда интересуют архивы соответствующей давности: десять, пятнадцать, двадцать лет назад.» – Он молчал, и я продолжил натиск. – «Я могу уже сегодня посмотреть их?» – «Сначала нам надо заключить соглашение.» – «Давайте так: после по-

явления первой же серьёзной публикации архив будет в вашем распоряжении.» – «А нельзя по-другому: я начну ну хотя бы сегодня свою работу, а статья – потом?» – «Ишь ты.» – Он снова нырнул за баррикаду. – «Думаешь, самый умный тут? Думаешь, тут дураки одни собрались? А насчёт личности твоей это мы ещё проверим, это мы ещё выясним, кто ты такой и зачем ты тут шастаешь. А ты не подослан случайно?» – Он впился в меня округлившимися глазами, и поскольку я поражённо затих и замер, он взъярился ещё больше. – «Ага, подослан! А вот мы на тебя напустим ребят, тогда ты быстро скажешь, кто и зачем тебя сюда прислал, они быстро всё распознают!» – Он вопил дальше, дёргаясь и кривляясь за высокой баррикадой из книг как шумливая злая обезьяна, и я наконец понял, что не смогу получить здесь больше никакой помощи: излишняя подозрительность явно мешала завлиту, и вполне возможно даже, что он был не вполне здоров психически, потому что вряд ли нормальный человек принял бы меня за шпиона враждебной группировки: меня не интересовали их внутренние дразги и разногласия, на фоне которых образ Р. выросал почти до космических размеров; следовало оставить психа в покое и искать дальше: здесь ещё имелось вполне достаточно возможностей для сбора такой ценной и необходимой для меня информации.

Я выбрался в коридор и прикрыл дверь; глаза отвыкли от полумрака и снова постепенно учились различать неясные пока предметы, и я решил подождать, когда привыкание

успешно завершится. Я вглядывался вглубь коридора, куда мне предстояло двигаться дальше: справа и слева там были опять цепочки дверей, терявшиеся и исчезающие в темноте; наверняка там меня ждала помощь, и во всяком случае я собирался продолжать поиски, которые не смог бы провести больше никто: почему-то никого это не интересовало. С первым собеседником мне не слишком повезло, и теперь следовало вести себя осторожнее; кто же знал, что здесь дело настолько серьёзно? Я вглядывался в полумрак впереди, но неожиданно расслышал шорох: он возник за спиной, и я аккуратно оглянулся, рассчитывая увидеть парочку надоедливых наглых крыс, роющихся в отбросах; я не сомневался в их наличии в таком месте. Но я ошибся: движения на полу не было, зато у одной из стен стояла неясная фигура: человек явно следил за мной. Возможно, он не ожидал столь быстрой реакции, потому что сразу после этого он вжался в стену и как бы исчез, но я чувствовал, что он не оставит меня просто так в покое; тайный соглядатай вполне мог быть подослан А., и скорее всего им был тот самый актёр Миша, который навязывался в попутчики: видимо, он пришёл в себя, если вообще его поведение не являлось сплошным притворством с целью ослабить внимательность. Я не слышал посторонних звуков, он явно следил за мной из какой-нибудь малозаметной щели, добиваясь выполнения непонятной мне задачи: возможно ему требовалось выяснить, с кем я вхожу в контакт, чтобы представить потом подробный отчёт: А. смог бы

заранее знать, насколько полной информацией я располагаю, и действовать в дальнейшем в зависимости от неё. Хотя не исключалось, что я был и неправ и слишком плохо думал про безусловно, неприятного, но не столь могущественного на самом деле человека: ведь если в театре отношения выглядели настолько обострёнными, то – вполне возможно – шпион был подослан одной из заинтересованных сторон. Это казалось логичным, и я немного успокоился: ничего особо плохого меня в таком случае не ожидало.

Я решил не обращать на него особого внимания и двигаться дальше: впереди были ещё возможности для сбора столь нужных сведений; я выбрался на основную тропу, петлявшую среди прочных завалов и обломков мебели: не оборачиваясь я ясно ощущал присутствие постороннего, мелькавшего на границе света и тени. Наверно, он вёл себя всё же слишком назойливо: может, он специально обязан был не давать мне ни минуты покоя и таким образом удалить меня отсюда раньше срока; но они не знали, с кем имеют дело, и во всяком случае не так просто было осуществить запланированное, а подействовать на меня психологически было почти невозможно. Я шёл дальше, изучая подходы к дверям и сами двери, по большей части давно не открывавшиеся и не используемые: за ними жила история театра, клубились пары мифов и легенд, и страшные рогатые черти попеременно с клоунами и шутами отплясывали странный непонятный танец, а неприкаянный датский принц задавал всё те же напрасные вопро-

сы или рубился на мечях со свирепым мавром, три колдуньи варили зелье, ожидая появления короля-убийцы, и неясно было, кто же опаснее: сказочные выдуманные персонажи или те люди, кто должен был их играть или имел к процессу какое-то отношение. Преследователь пыхтел сзади, уже почти не скрываясь: из-за темноты я только не мог разглядеть его, но звуки безусловно указывали, что это мужчина. Он иногда подходил чуть ближе, возможно, несколько теряя ориентацию, и тогда я немного ускорял движение, не забывая проверять двери справа и слева; я шёл уже достаточно быстро, и могло даже сложиться впечатление, что преследователь действует сознательно, как бы загоняя меня всё дальше вглубь потаённой незнакомой мне пещеры. Я старался не пугаться, но тревожное настроение постепенно нарастало, и первые ростки паники начинали уже проклёвываться и подниматься из глубин: странностей в поведении мужчины оказывалось слишком уж много. Он держался теперь слишком открыто и почти нагло, и я наконец увидел его лицо: это был тот самый актёр, сомнамбулически двигавшийся по проложенному мной маршруту.

Наконец мне надоело преследование с неясными целями: следовало отрываться или наоборот поворачиваться и выяснять причины такого поведения, но я перестал понимать, что же ему от меня надо; лучшим продолжением стала бы встреча с кем-нибудь или обнаружение незакрытого помещения с работниками театра. Я пошёл ещё быстрее, почти побежал:

мужчина, похоже, не заметил перемены или во всяком случае не отреагировал; уже немного спокойнее я смог заняться следующей парой дверей, но как и предыдущие, они оказались закрыты и явно не использовались. Дёргающейся виляющей походкой мужчина стал приближаться, и я сделал бросок дальше по коридору: в полумраке я разглядел наконец большое количество следов, кончающихся у правой двери, и рванул её на себя. Внутри было ещё темнее, и я с осторожностью вошёл и закрылся; почти сразу я нащупал маленький крючок и просунул его в петлю: теперь я не боялся, что он меня достанет.

Я решил подождать и послушать; я почти не дышал, но звуков шагов из-за двери слышно не было, зато где-то в глубине помещения бубнили человеческие голоса; неяркий свет шёл оттуда же, и положение требовало, чтобы я подошёл к хозяевам и извинился за вторжение. Кроме того – вполне возможно – они могли чем-то помочь в моих поисках: безусловно, здесь могли находиться только работники театра.

Я прошёл вдоль шкафов сначала налево, потом ход завернул направо, и я оказался в узком коридорчике, выведшем меня в следующую комнату; голоса и свет стали сильнее, но они выходили не из этой комнаты: проход вёл ещё дальше, и только потом я наконец добрался туда, где звучали голоса. Помещение оказалось неожиданно объёмным: его заполняли трубы и большие металлические шкафы, являвшиеся, насколько я мог определить для себя, принадлежностями па-

рового отопления; в самом дальнем углу я наконец увидел скопление людей: они шевелили руками и головами, нервно и резко о чём-то споря; меня они пока не заметили.

Освещение и в этой комнате было почему-то не слишком ярким, и двигавшиеся в полумраке тени вызвали из памяти доисторическое воспоминание: наверняка так же проходили сборища первобытных людей, когда снаружи свистела на все лады вьюга, а племя собиралось в пещере у пылающего костра, и кто-нибудь из старших рассказывал доисторические сплетни и легенды, поясняя самые важные и интересные места вскрикиваниями или жестами; но это племя, видимо, было не самым мирным, потому что в разговоре участвовали несколько человек одновременно, и кто-то постоянно истерически взвизгивал, пытаясь, насколько я понял, убедить так своего соперника.

Почему-то до сих пор они не заметили меня: я медленно приближался, стараясь не наступать на валявшиеся везде доски и прочий хлам, присыпанный грязью и щебёнкой; здесь было ещё и жарко: тепло исходило от труб, разогревая и так беспокойную атмосферу. Спорившие увлеклись так сильно, что я смог подойти совсем близко, и только потом какая-то женщина обернулась и крикнула, указывая в мою сторону пальцем. Сразу же все замолчали и уставились на меня: я видел около пятнадцати пар тревожных внимательных глаз, обыскивавших меня и пространство у меня за спиной; но поскольку я оказался один, они наконец сосредото-

точились на разглядывании моей внешности, и женщина постарше – скрывавшаяся в глубине – привстала со скамейки и приступила к выяснению деталей. – «Вы кто такой? И что тут делаете?» – Я очень удивился: неужели никто из них меня не видел? Но заминку они восприняли очень странно. – «Он же нас подслушивал! Он давно здесь?!» – Теперь вперёд вылез пожилой мужчина. – «Извините, я попал сюда случайно. И потом: какой-то тип меня тут преследовал: так что пришлось у вас спасаться.» – «А дверь?» – «Она была открыта.» – Мужчина обвёл взглядом кружок. – «Кто пришёл последний? Я спрашиваю: кто пришёл в конце?» – «Какая разница?» – «Значит – вы?» – Он уставился на стоявшую немолодую женщину, в которой я узнал одну из актрис. – «Иван Семёнович, если мы с вами будем ссориться, то что же тогда мы сможем противопоставить... им?» – Она сделала излишне театральный жест, и я ещё больше узнал актрису: она снималась когда-то в кино. Но на мужчину жест не подействовал. – «А дисциплина? Если мы забудем про неё, то грош нам цена. И никто нам не поможет, кроме нас самих!» – Вокруг него загалдели, выражая, насколько я понимал, полное согласие и одобрение такой постановке вопроса. Но актриса не собиралась сдаваться. – «Но не забывайте всё-таки, кто я такая. И если бы не я, то где бы вы все сейчас находились?» – Вопрос показался, судя по всему, слишком невежливым, потому что молодая женщина – первой меня обнаружившая – тоже вскочила на ноги и бросила несколько

резких фраз актрисе в лицо; но у актрисы, видимо, тоже были активные сторонники: уже с другого края вылез мужчина помоложе. С разных сторон включались постепенно новые участники: они вспоминали прошлые обиды и несбывшиеся обещания, и спор всё дальше уходил от обсуждения моего присутствия, почему-то многим нежелательного. Я смотрел на балаган и пытался понять, кто же такие эти люди и почему моё вторжение оказалось настолько болезненно воспринято: совершенно явно они обсуждали здесь какие-то дела, и я отвлёк их и заставил ввязаться в долгое междуособное выяснение отношений; не слишком, значит, на высоком уровне была здесь та самая дисциплина, о которой твердил один из предводителей. Они уже забыли обо мне, и я тихо пристроился на одном из ящиков; я всё-таки надеялся, что недоразумение будет устранено и я смогу получить хоть какую-то помощь; например, от той же актрисы.

Но мужчина, начинавший спор, настроился, похоже, очень серьёзно: когда многие уже успокоились, он снова вылез и последовательно и методично стал разбирать ошибки и неудачи своих противников: в их число входили мягкость по отношению к врагам, неумеренная доверчивость к неизвестным людям и недостаточная решительность. Он не стал вдаваться в подробности, но спор и так уже всем надоел: они даже не ворчали, исподлобья разбрасывая вокруг недовольные взгляды; я думал, что они уже привыкли к моему присутствию и не выгонят меня обратно в коридор. Но мужчина не

собирался ничего упускать из виду, и когда они успокоились, решил проявить по отношению ко мне те качества, о которых распинался только сейчас. – «Так я всё-таки не понял: кто вы такой и что вам здесь надо?» – «Разве вы меня не видели? Я пришёл по одному важному для меня делу: меня интересует бывшая звезда вашего театра – Р.» – Он задумался. – «Тот самый?» – «А разве у вас здесь были и другие? Что-то я ничего о них не слышал.» – Возможно, я говорил резко. – «А кто вам давал право врываться сюда?» – «Я же объяснял: меня преследовал один тип. По-моему, он актёр.» – «Актёр?» – Он внимательно разглядывал меня, пытаюсь, наверно, понять, насколько искренне я говорю. – «Вы хотите сказать, что он был из той... банды?» – Он кивком головы указал некое направление. – «О какой банде вы говорите?» – «Вы что же: не в курсе? Или, может, притворяетесь?» – Стало совсем тихо, и я увидел наконец неприязненные враждебные взгляды, сконцентрировавшиеся на мне: здесь образовался явный перебор отрицательной нервной энергии, и по непонятной причине сейчас она оказалась направлена против меня.

«Вы, наверно, имеете в виду то, что здесь происходит? Мне немного рассказывали.» – «И кто же? Наверняка – тот жирный боров?» – Он опять кивнул куда-то в неизвестном направлении. – «Я не понимаю.» – «Ах, вы не поняли.» – Я заметил усиление враждебности: кое-кто стал переглядываться и шептаться: совсем тихо, чтобы я случайно не услы-

шал. – «Я говорю о том мерзавце, который хочет прибрать театр к рукам – вы можете себе такое представить?! – весь театр будет принадлежать одному человеку; а нас он вообще за людей не считает.» – «Вы говорите о главном режиссёре, насколько я понял?» – Похоже, он удивился, но почти сразу боевой настрой вернулся к нему. – «А этот тоже хорош: и он туда же; я чуть не забыл. Все они против нас: одним миром мазаные. Но, я надеюсь, вы не на их стороне?» – Он пристально уставился на меня, и мне пришлось усиленно замотать головой, отвергая предположение. Я наконец понял: он говорил о директоре и главном режиссёре, уделяя повышенное внимание директору. Возможно, отношения с ним складывались намного хуже, и поэтому он объявлялся главным врагом; но я пока не видел его и не мог конструктивно поддержать такой важный для мужчины разговор. – «Кстати: а почему вы так не любите директора?» – «Вы разве не знаете? Он собирается закрыть театр и устроить некое увеселительное заведение. А мы, естественно, ему совершенно не нужны. Хоть он и скрывает свои планы: до поры до времени.» – «А почему вы не объединитесь с другими: насколько я понял, актёры во главе с завлитом выступают за сохранение театра.» – «Никогда!» – Теперь вылезла пожилая актриса. – «Вы что же думаете: если эта продажная крыса против директора, то она будет защищать и наши интересы?» – «Какая крыса?» – «Завлит. Потому мы и объединились: если мы сами не поможем себе, то никто нам помогать не будет.

Разве я не права?» – Она обращалась, видимо, ко всем сразу, и именно так это и было принято: вокруг согласно закивали и даже, как мне показалось, довольно заушали; вполне возможно, что они были правы, и тот общий хаос и бардак, с которым в последнее время я всё чаще имел дело, допускал только такой подход: во всяком случае другие варианты, кроме откровенно уж криминальных, не могли привести к успеху.

«И что же вы хотите сделать?» – «Мы хотим справедливости: чтоб всем поровну было. Это во-первых... Вы знаете, какая у нас зарплата?» – Я помотал головой. – «Для сравнения: уборщица в банке получает больше. И в-третьих: вы ведь не видели, как к нам здесь относятся?» – «Видел.» – «Тем более: такого хамства мы больше терпеть не намерены. И это уже всех их касается!» – Он передохнул. – «А то он, мерзавец такой, что думает? Если он тут главный, то остальные – блохи и должны на задних лапках перед ним скакать? Не будет такого больше: мы не допустим. А не нравится – пускай катит в свой Израиль или где он там жил: нам такие не очень-то нужны, мы других найдём.» – Он остановился. – «То есть по поводу национальности у нас претензий нет: среди них тоже хорошие люди встречаются; но в-общем нам, конечно, нечего терять; зато приобрести мы можем театр. И разве не нам он должен принадлежать, людям, проработавшим здесь по двадцать и тридцать лет?» – «Простите: вы сказали «тридцать лет»: значит вы знали Р.?» – Вопрос оказался, похоже,

слишком неожиданным: мужчина застыл, воздев руку в театральном жесте и одновременно хлопая глазами; я ждал его ответа, но, судя по всему, что-то сработало не так, как надо. – «Это провокация! При чём тут Р.? Ага, при помощи Р. он пытается выйти на наши связи!» – «Ничего я не пытаюсь.» – «А ведь он так и не признался, на чьей он стороне. А если его всё-таки подослали...» – Он говорил тихо и как-то уж очень зловеще; наверно, он пытался рассчитать варианты и определить, насколько велика опасность. Остальные тоже зашевелились: кто-то глухо заворчал, пожилая актриса привстала и даже молодые женщины – почти не выражавшие никаких чувств и настроений – напряглись и со злостью и враждебностью уставились на меня. Я на всякий случай тоже поднялся: желательно было иметь достаточную свободу действий. Мужчина всё ещё не мог окончательно на что-то решиться: возможно, мешала недостаточная ясность или во всём была виновата моя безусловная принадлежность к большой и влиятельной газетной корпорации, могущей отомстить в случае чрезвычайных обстоятельств. Но актрису – второго предводителя засевших в тёплой уютной пещере заговорщиков – похоже, не сдерживали такие вещи; она неожиданно поднялась в полный рост и даже как бы нависла над мрачным и тяжёлым скоплением, уже почти бурлящим и не знающим, в какую сторону ему предстоит вылиться: заученным театральным жестом она подняла руку и ткнула полускрюченный грязный палец в меня. – «Так он подосланный! А ну:

взять его!» – Несколько человек сразу же вскочили и медленно начали приближаться: мужчины – молодые и постарше – представляли достаточную силу и опасность, и я осторожно стал пятиться к выходу; мужчины остановились, ожидая подтверждения команды или возможной отмены, но я не стал дожидаться новостей: комната оставалась уже позади, и с максимальной быстротой я добежал до последнего препятствия: двери, ведущей в коридор. Погони почему-то не было: когда я открывал дверь, в глубине только со злостью вещал женский голос и в качестве фона ухало и бубнило несколько подголосков: они, видимо, обсуждали ситуацию. Я аккуратно прикрыл дверь и вытер пот со лба: визит в театр немного утомил меня, не принеся пока ничего нового и полезного; слишком уж напряжённое и сложное положение обнаружил я внутри священных и дорогих многим стен, и совершенно не хотелось влезать в междоусобицу на стороне какой-то из групп: пока я не видел в ней абсолютно никакого смысла, и настоящие цели – насколько можно было разобрать по слишком искажённым обрывкам – не имели на самом деле ничего общего с тем, что говорилось вслух: здесь разгоралась драка из-за слишком большого и жирного куска, который ни одна из группировок не в состоянии была проглотить и успешно переварить, и никто не смог бы убедить меня, что хотя бы одна из действующих сторон имеет на это хоть какое-то право.

Я наконец отдышался и передохнул: молча и сосредото-

ченно я разглядывал обстановку в коридоре спереди и сзади, стараясь предугадать появление назойливого преследователя, загнавшего меня так далеко вглубь театра; знакомство с постоянными обитателями оставило не лучшие впечатления: я словно побывал в тёмной и труднодоступной пещере с первобытными предками человеческого рода, злыми и агрессивными. Мало того что они не оказали мне никакой помощи, но и обычное общение проходило как-то странно: они слишком неадекватно реагировали почти на все мои слова и замечания; я раздумывал, чем следовало бы заняться: подошло уже время обеда, и мне совершенно не хотелось лезть вглубь театра: ещё неизвестно, что меня могло ждать дальше. Оставался путь к сцене, где я смог бы тихо прилечь и съесть захваченные бутерброды; вряд ли имело смысл просить чью-то помощь и раздражать и так уже слишком издёрганных людей. На всякий случай я оглянулся: нет ли опасности? – и тревога возникла почти из ничего: кто-то брёл по коридору из глубин театра, появившись только что на границе видимости, где свет соприкасался с тенью.

Я постарался слиться со стеной, чтобы мой силуэт не был виден на светлом фоне: такое положение давало преимущество, если, конечно, приближавшийся уже не разглядел меня. Казалось неясно: тот ли это актёр, или из глубоких дебрей на свет выбирается кто-то незнакомый и не представляющий для меня опасности. Второй вариант выглядел предпочтительнее: мне не хотелось продолжать беготню, тем бо-

лее сейчас, в обеденное время; мужчина не спеша приближался, покачиваясь из стороны в сторону. Амплитуда колебаний отличалась от движения прежнего преследователя, и я постарался рассмотреть лицо, плывущее в тусклом неровном свете. Сначала я увидел тёмные достаточно длинные волосы; ко мне приближался кто-то другой, но для окончательной проверки я решил подождать в укромном месте. Место между двумя шкафами было подходящим: теперь с очень выгодной позиции я имел возможность полностью оценить обстановку. Волны верхнего света всё ярче освещали его, и наконец по совокупности признаков я узнал гостя: ко мне двигался актёр, первым явившийся сегодня в театр.

С большим трудом узнал я его сейчас: на нём сидел новый костюм, но и сам он выглядел иначе: явно протрезвев, он двигался к сцене, где, судя по всему, должна была начаться наконец репетиция. Он совершенно не смотрел вперёд и казался сосредоточенным. Мне не хотелось пугать его, но когда я всё-таки решил выйти на открытое место, он находился всего в пяти или шести метрах: я негромко крикнул, и только потом, когда удивлённый актёр остановился и вперился в пустоту, вышел из широкой тени.

Не сразу, но он всё-таки узнал меня, и пока мы не спеша пробирались к сцене, мне удалось поговорить с ним: моё появление в коридоре он принял достаточно спокойно, хотя и дал совет не углубляться в незнакомые дебри в дальнейшем. – «А что в этом такого плохого?» – «Можно заблудить-

ся. Или на кого-нибудь нарваться.» – Я очень осторожно передал некоторые подробности состоявшихся встреч. – «Вы имели в виду такие неприятности?» – «Может быть.» – Он не захотел развивать тему дальше; видимо, он к чему-то морально готовился, и мне даже не удалось спросить о странном соглядатае: мы уже выбрались в зал, и сразу раздались крики: главный режиссёр снова метал громы и молнии, направленные уже на моего попутчика.

Пока он нехотя поднимался на сцену, отбиваясь от наскоков и устаревших обвинений, мне удалось почти незаметно пробраться в конец зрительного зала: сейчас здесь никого больше не было, и с достаточными удобствами я мог бы устроиться и пообедать. К счастью, я захватил флягу с чаем, и не имело смысла просить помощи у слишком занятых сотрудников театра: судя по беготне на сцене, приближался пик активности, и я мог только помешать тому, что сейчас готовилось прямо перед глазами.

Я разложил завтрак на соседнем кресле: для этого пришлось специально устраивать сумку и аккуратно раскладывать рядом всё захваченное из дома. На газету я положил несколько бутербродов и два яблока, освобождённых от обёртки, а также литровую ёмкость с чаем; на всякий случай я посматривал по сторонам, опасаясь подозрительной навязчивости странного субъекта, но сейчас его здесь не было: он, скорее всего, скрывался где-то в дебрях театра.

Когда я уже заканчивал обед, суета на сцене резко обо-

рвалась: я не слишком внимательно следил за конкретными лицами, занимавшимися не всегда понятными делами, и не сразу смог понять последовательность происходящего: сопровождавший меня актёр, самоуглублённо вышагивавший у задника сцены, оказался вызван на середину сцены, где уже ждали начала репетиции две актрисы – совсем молодая и постарше. Остальные куда-то исчезли: они, видимо, получили нужные указания, и наверняка теперь должна была начаться долгожданная репетиция.

Безусловно, это так и было: режиссёр спустился в зал и добрался до середины второго ряда; такое местоположение обеспечивало наилучший обзор и возможности для контроля, и одновременно актёры оставались в пределах досягаемости: он спокойно мог в случае нужды докричаться и прервать вызывающее неудовольствие. Он удобно устроился и дал команду: актриса постарше отошла вглубь сцены, и остались двое – актёр и совсем молодая девушка – заспорившие и начавшие слишком активно жестикулировать.

Я подумал, что они занимаются выяснением каких-то отношений, недоговорённых и недовыясненных, но нет: судя по реакции режиссёра, началась уже пьеса; я не мог разобрать большую часть слов, но и то, что я слышал и мог понять, выглядело очень странно и неожиданно: речь шла о каких-то мертвецах, тревожащих и не дающих спать спокойно, хотя, возможно, я не слишком ясно понимал смысл происходящего. В противном случае всё это можно было посчитать

бредом после принятия достаточно приличной дозы; вполне возможно – так оно и было – потому что через несколько минут из глубины появилась вторая актриса, и они забормотали уже в три голоса. Мне стало их даже немного жалко: так страдальчески выглядели их лица; однако судя по реакциям режиссёра, всё шло пока нормально: он иногда кивал головой и несколько раз взмахнул руками, заставляя подопечных чуть ли не входить в экстаз. Голоса он пока не подавал, что казалось хорошим признаком: пока они справлялись с заданием, хотя лично у меня прогоняемая сцена вызывала не самые лучшие ощущения: всё это выглядело натужно и неестественно, они пыжились и надрывали себе и предполагаемым зрителям сердце, нагромождая одну нелепость на другую и выдавая их за что-то важное и существенное.

Насколько я понимал, всё двигалось по плану, и я даже притерпелся к тому, что происходило на сцене и не слишком уже возмущался: я почти успокоился в ожидании, когда представление подойдёт к завершению и можно будет остаться наедине с режиссёром – моей главной надеждой. Я покончил с обедом и не следил так внимательно за сценой: в зрительном зале откуда-то появилась сначала одна женщина, а потом другая, и часть внимания я перенёс на происходящее поблизости. Они явно не принадлежали к обслуживающему персоналу, и скорее всего я пока не встречал их здесь: устроившись в четвёртом ряду, они вроде бы следили за репетицией, одновременно шурша какими-то бумагами.

Скорее всего, они были актрисами; режиссёр заметил их и только кивнул; надо думать, они тоже принимали участие в спектакле и занимались разучиванием ролей, что являлось долгим и непростым занятием.

Всё двигалось слишком плавно и последовательно, и когда наконец что-то оказалось по-другому, я не сразу понял это: в зале повисла тишина, и даже шуршание прекратилось, и я заметил, с какой настороженностью и опаской все собравшиеся смотрят на режиссёра или куда-то в пространство рядом с ним. Я почувствовал, что сейчас что-то будет: первые признаки грозы воплощались в тяжеловатой медлительности, с которой режиссёр приподнимался из кресла, а молодая актриса заметно даже для меня задрожала, опустив руки. Она стала похожа на маленького кролика, почти готового прыгнуть в пасть могучему и старому удаву, и скорее всего именно это и спасло её и остальных: недовольство вылилось в несколько не слишком грубых фраз, и обошлось даже без крика; актёры взяли листки бумаги с записанными ролями, и с прерванного места возобновили странный диалог, но уже без такой активной жестикуляции.

Теперь процесс выглядел приятнее и раздражал в гораздо меньшей степени: выяснение отношений между персонажами зашло куда-то в непонятную область, и развязка, видимо, назревала. Я всё ещё ничего не понимал, но теперь воспринимал происходящее безразлично: я пришёл сюда за следами великого прошлого, а жалкие лихорадочные потуги с вы-

сокими претензиями абсолютно меня не интересовали. Ещё раз оглядев зал, я откинулся на спинку и прикрыл глаза: моя работа была ещё впереди, и совсем не обязательно я должен был выслушивать жалкие бредни непонятных полупризрачных существ.

Совершенно неожиданно даже для себя я задремал: негромкие голоса действовали слишком успокаивающе, и наконец это повлияло: я воспринимал какую-то бубнёжку, которая менялась по тональности и голосам, но продолжала течь равномерно и последовательно; возникали новые партии, а предыдущее отслаивалось и уходило в прошлое, без всяких каверз и последствий; никто ими почему-то не дирижировал, и, видимо, они справлялись с предложенным заданием: присутствие главного режиссёра совершенно не ощущалось, и можно было подумать, что так будет продолжаться вечно, но неожиданно опять что-то стряслось, и грохочущий водопад ругательств заставил меня проснуться.

Он уже вскочил на ноги, и даже почему-то пробирался по рядам, чтобы – судя по всему – выбраться на сцену. Но я немного ошибся: поднявшись наверх, он пробежал мимо актёров и скрылся за декорациями: уже оттуда полетели настоящие громы и молнии: он кого-то пытался найти.

Достаточно долго его не было видно; крик временами прерывался, возобновляясь уже в другом месте или где-то совсем уж далеко: жертва не желала, судя по всему, являться на расправу, и такое поведение не могло, безусловно, понра-

виться режиссёру; меня слишком захватило зрелище, и я не заметил всё того же странного актёра, который неожиданно высунулся справа от меня: совершенно незаметно он оказался у меня за спиной, и теперь – похоже, сознательно – застал меня врасплох. – «Ну как вам представление?» – Он выглядел посвежевшим: возможно, он немного вздремнул. – «Вы о репетиции?» – «Не только.» – «В-общем: как-то странно. Я такого не ожидал.» – Он устало зевнул. – «Вот-вот: и я о том же. Но вообще здесь бывает веселее.» – «Вы насчёт чего: насчёт спектаклей или ... выяснений отношений?» – «И того и другого.» – «А сейчас он почему надрывается?» – «Актёра не хватает. У него же чуть что, так сразу: шум, гам.» – «Я уже заметил. А почему актёр... отсутствует?» – «Он на халтуре: где-то подрабатывает.» – «И режиссёр ему разрешает?» – «А он и не спрашивает: он же «заслуженный».» – «Но это как-то некрасиво.» – «Хочешь жить – умей вертеться. Но пока это только начало представления.» – «Вы хотите сказать, что нет ещё кого-то из актёров?» – «Да.» – Он вроде бы откинулся на спинку кресла, но почти сразу снова приблизил своё лицо ко мне, и уже сзади зашептал почти в ухо. – «А вы напрасно так убегаете: разве я такой страшный? И почему бы нам не перейти на «ты»: так гораздо удобнее и приятнее.» – Предложение совершенно мне не понравилось, а странный подозрительный тон вместе со смыслом слов заставил насторожиться ещё больше: фактически он признавался, что именно он преследовал меня в дебрях театра, совершенно не сты-

дьясь теперь этого. Мне захотелось спрятаться: я ещё вынужден был находиться здесь какое-то время, и поэтому не мог сразу же скрыться, а переходить на другой ряд казалось тоже достаточно неразумным: он наверняка пошёл бы за мной и так же устроился бы под боком. Я решил остаться и терпеть: ведь не стал бы он в открытом для всех зале пересекать определённой границы? Так выглядело лучше всего, и я подался вперёд, чтобы отдалиться от продолжающего нащёптывать странные вещи актёра. Это не произвело впечатления: он ещё больше наклонился и последовательно продолжал бубнить, не обращая внимания на мою реакцию. Он стал слишком бесцеремонным даже для актёра: выбранная тактика, похоже, давала не лучший результат, и следовало подумать о её замене. Вещи были уже уложены, и я аккуратно поднялся, чтобы не зацепить актёра: я проскользнул мимо и не спеша пошёл к проходу в центре зрительного зала.

Он, видимо, не сразу осознал изменение ситуации: пока он выходил из своего состояния, я оказался достаточно далеко; из глубин здания на сцену вернулся режиссёр. Тотчас же он подошёл к насторожившимся актёрам: похоже, первичный гнев прошёл, но актёры всё равно ему не доверяли; возможно, они были правы, потому что разговор хоть и не переходил в крик, но выглядел тоже не совсем спокойно: он размахивал длинными руками и разгонял воздух, наполненный угрозами и предстоящими наказаниями. Наконец режиссёр выговорился и спустился в зал; он находился на прежнем ме-

сте, а я устроился на три ряда дальше.

Репетиция пошла дальше: теперь процесс выглядел более осмысленно и понятно: актёр читал по бумажке, выясняя отношения с актрисой постарше уже по поводу каких-то более земных дел. Насколько я мог понять, актёр исполнял чужую обязанность, подменяя неявившегося: другого выхода, похоже, невозможно было придумать, но и такая подмена оказывалась не самой удачной: актёр, конечно же, не мог знать чужой роли, и временами путался и сбивался на совершенно другой ритм. Теперь я мог вблизи наблюдать за реакциями: издали для меня оставалось скрытым, насколько нервно и беспокойно он ведёт себя на главном посту, но теперь я ясно увидел, сколько энергии собрано в окружающем его пространстве: он чуть подрагивал, готовый почти всегда взорваться новым приступом негодования и гнева, не всегда, возможно, оправданного. Но таким уж был главный режиссёр известного в прошлом театра, и именно с ним связывались лучшие годы моего героя и кумира: с Р., насколько я знал, режиссёр обходился значительно мягче, понимая и реально оценивая огромный потенциал. Очень редко он выходил из себя, и совсем не были мне известны случаи, когда бы репетиции заканчивались длительными и напрасными ссорами: даже в запойные и загульные периоды жизни режиссёр относился с редкостным пониманием к особенностям творческой природы, и даже если и отстранял любимца от репетиций, то прodelывал это без лишней грубости. Тут уж ниче-

го нельзя было поделаться, зато по окончании неблагоприятного периода режиссёр не сомневался: теперь Р. не подведёт. Несколько раз по схожей причине перекраивались даже планы и обязательства: режиссёр мог отнять у кого-то из занятых в готовящемся спектакле почти готовую роль в пользу Р., или же премьера по сходной причине передвигалась на месяц или два: чувствуя вину и раскаяние, Р. успевал подготовиться и тем самым помогал реализовывать самые важные и интересные с точки зрения режиссёра планы.

Однако идиллия осталась в прошлом, а сегодня терпимости не было и в помине: он нервно подёргивался и один раз даже слегка вскрикнул, всё же не прерывая пока страданий подопечных. Даже я теперь видел, с какой натугой и напряжением проходит наиважнейшая работа и как неохотно двигаются актёры; похоже, расцвет театра действительно прошёл, и на обломках догорало и чадило, выбрасывая последние искры, меркнувшее и тускнеющее пламя, превращая всё в горку грязи и пепла, выброшенного и забытого. Я уже видел достаточно, чтобы делать начальные выводы, но в конце концов это было не моим делом: я находился здесь совершенно по другой причине.

Наконец актёры остановились; судя по всему, сцена или даже действие подошло к концу, и можно было расслабиться, хотя режиссёр, похоже, думал по-другому: он сразу же поднялся и рысью выскочил на сцену, где уставшие актёры отдувались и вытирали пот. Насколько я мог понять, сейчас

должен был начаться разбор и анализ сыгранного, и мне стало даже жалко их; расправа могла оказаться излишне жестокой, но я опять не угадал: возможно, он уже охрип и устал от вечной беготни и настороженности, вгоняющей в краску и заставляющей извергать вулканическую энергию. Размахивая по привычке руками, он начал с актёра, молча стоявшего и аккуратно кивавшего головой, хотя не забывал задействовать и актрис: чтобы они совсем уж не расслаблялись, он бросал им иногда несколько слов, с чем им приходилось считаться, хотя, насколько я мог заметить, и та и другая порывались уйти за кулисы. Возможно, у них оставались дела: режиссёр всё не желал оставить их в покое и сделать наконец перерыв в сложном и долгом процессе.

Я всё равно почти ничего не слышал, и можно было тоже расслабиться; на всякий случай следовало проследить за странным преследователем: он сидел примерно там же, и, судя по всему, дремал. Хотя я не стал бы слишком доверять впечатлению: всё ещё я не очень ясно видел мотивы его поведения, и для шпиона – приставленного ко мне с заранее определённой целью – он выглядел слишком необычно. Вполне возможно, что он просто плохо подходил для такого занятия, и явная усталость тоже могла играть свою роль: в любом случае не стоило упускать его из виду. Я оставил его в покое и снова сосредоточился на сцене: похоже, там назревало что-то новое. Актрисы наконец ушли, а режиссёр громко объяснялся с актёром, так же громко и без всякой боязни

отвечавшим ему: возможно, актёр чувствовал свою правоту, и я сделал попытку понять, о чём идёт речь. Судя по всему, на репетиции отсутствовал ещё актёр, а может: даже целых двое; режиссёр же, пытался заставить актёра отдуваться за троих одновременно, с чем тот, естественно, никак не мог согласиться. Понятное противодействие вызывало странную реакцию: даже мне было ясно, что такая замена совершенно бессмысленна; наверно, режиссёр перешёл грань и уже плохо сознавал степень логичности своих требований или полную их абсурдность, так что даже протрезвевший оппонент казался убедительнее и логичнее. Теперь стало жалко обоих: почти не сознававшего абсурдность требований и всеми силами от этих требований отбрыкивающегося; непонятно было, чем борьба может завершиться, тем более что я заметил лица или всего лишь тени, осторожно выглядывавшие из-за занавеса; не исключено, что они принадлежали как раз виновникам скандала, не желавшим выходить на расправу: гроза казалась им слишком бурной, и я заметил, как одна из теней медленно и аккуратно растворяется в потёмках, а над сценой гремел всё тот же – многократно гремевший и наверняка запомнившийся всем с ним сталкивавшимся и потерпевшим от его шума и грохота – яростный и злобный ураган.

Я уже почти привык к нему, и когда режиссёр быстро пересёк сцену и скрылся за кулисами, это стало как-то неожиданно и непривычно; вполне возможно, что он наконец понял абсурдность и необоснованность новых претензий и от-

правился на поиски недостающих актёров, спрятавшихся в глубине театра. Но когда я поднялся на сцену, чтобы узнать подробности, всё оказалось проще: сейчас начинался ещё один часовой перерыв, обычный и почти всегда планировавшийся. Как пояснил актёр: сегодня у мэтра выдался тяжёлый день, что вполне логично привело к таким неудачным последствиям. На вопрос же: куда режиссёр отправился? – я получил совет держаться коридорчика, начинающегося прямо за кулисами; он выведет куда надо. Я торопливо поблагодарил и быстро пошёл в нужном направлении: прямо за кулисами образовался небольшой завал из старых реквизитов, и когда я нашёл проход через него – с левого края – то быстро миновал его и вышел на оперативный простор.

Коридорчиков оказалось почему-то два, правый был почти неосвещён, и совершенно логично я пошёл налево: так всё здесь выглядело привлекательно и завораживающе, и даже лампы дневного света оказались протёртыми и лишёнными обычных здесь отложений пыли и паутины.

Здесь явно убирались каждый день, и даже стены словно отливали гляncем и какой-то глазурью: можно было подумать, что их специально чистили и надраивали до полного сияния и блеска, чтобы ослепить возможных гостей, не видевших остальных коридоров и закоулков. Наверняка это было именно так, и значит театр ещё не совсем сдался и пытался выбраться на поверхность, где когда-то имел своё законное место под сияющим ослепительным солнцем.

Двери находились только в конце: одна прямо и две по бокам, и я быстро пошёл по коридору. На всех трёх виднелись таблички: издали я не мог разобраться в их смысле, и пришлось идти до самого конца, и уже стоя рядом я определил назначение помещений: справа находилась касса, а слева бухгалтерия, за дверями которой раздавались непонятные звуки; прямо напротив в нескольких метрах находился кабинет директора, однако главной надписи – ради которой я пробирался сюда – видно не было. Вполне возможно, я пошёл не той дорогой, но раз уж меня занесло к руководству театра, стоило попробовать копнуть и тут: наверняка же здесь не были безучастны к жизни и судьбе своего лучшего актёра?

Идти в дверь с надписью «касса» казалось нежелательно: неизвестно, как ко мне отнеслись бы там, учитывая общую атмосферу: меня ещё могли бы заподозрить в том, к чему я не имел никакого отношения, и я аккуратно постучал в дверь напротив. Возможно, меня не услышали: шум не прекратился, и я приоткрыл дверцу; гудение уменьшилось, но особой реакции я не заметил, и тогда я совсем отставил дверь в сторону, чтобы сразу увидеть всё происходящее.

Похоже, я переусердствовал: три женщины, достаточно уже немолодого возраста и комплекции, стояли вокруг стола, уставившись на меня испуганными совиными взглядами. Одной из них пришлось даже обернуться: непонятно как, но она успела наполовину развернуть ко мне заплывшее приземистое тело, так что взглядом вывернутой и скошенной на-

бок головы она вполне могла видеть ситуацию. Две другие казались чуть повыше, почти ничем больше не выделяясь: у одной сидели на носу массивные очки, а другая куталась в ярко-фиолетовую кофту, делавшую её ещё массивнее и шире. Я решил держаться повежливее: похоже, они оказались на самом деле напуганы, и совершенно не стоило напрасно обострять ситуацию. – «Вы – кто?» – Наконец ближайшая ко мне очнулась. – «Простите: я вам помешал?» – «Вы от кого будете?» – «Ни от кого; я так: журналист. А вы кого-то ждёте?» – «Не ваше дело. Шляются тут всякие.» – Похоже, они начали успокаиваться: стоявшая ко мне вполоборота села на стул, не упуская меня из вида, и потом с шумом и скрипом уселись две другие: только теперь я увидел разложенные на столе пироги, бутерброды и фрукты, и отдельно огромные чашки с чем-то коричневым. Похоже, я помешал их трапезе. – «А теперь закройте дверь: с той стороны.» – «Извините, а может: лучше с этой?» – «Вы что: не видите? У нас обед. И вообще: мы вам встреч не назначали. А если вы журналист – то тем более.» – Молчавшие подруги, судя по всему, тоже пришли в себя: они громко заворчали, обращаясь как бы не ко мне, а разом ко всем посторонним назойливым посетителям, отнимающим у честно работающих людей давно заслуженный и без того недостаточный отдых; получившая такую поддержку востепенелась: я ещё стоял в дверях, не реагируя на причитания, а она уже поднялась – так же быстро – как и в первый раз; ощущая помощь с тыла и наконец осознав пол-

ное отсутствие опасности с моей стороны, она подкатилась к дверям: хоть я и пытался всего лишь узнать местонахождение кабинета главного режиссёра, она уже не реагировала: грубо, руками и локтями, и почти всем телом, она выдавила меня за порог и с грохотом хлопнула дверь; щёлкнул замок, и я оказался повержен и почти раздавлен: со мной не хотели иметь дела, как будто я был вредной бактерией, занесённой в здоровый крепкий организм; я мог бы поверить в это, если бы не знал прямо противоположного. Судя по реакциям, здесь царила другая обстановка: они просто не были во мне заинтересованы. Во всяком случае примерно это они дали мне понять, отфутболив меня и даже не выслушав обычной и не такой уж сложной просьбы. Тут уж я не мог ничего сделать: они являлись хозяевами, а я всего лишь просителем, и следовало двигаться дальше: оставалась ещё дверь, гораздо более многообещающая, если, разумеется, её хозяин окажется на месте. В конце концов, общество трёх ведьм не было таким уж большим подарком, и совершенно необязательно я мог бы рассчитывать там на заметную помощь и поддержку.

С директором я решил держаться ещё аккуратнее: он был здесь одним из главных, если не самым главным, и несмотря на всё – что я успел о нём услышать – совершенно необязательно следовало руководствоваться полученными сведениями: в долгой и затяжной войне хороши оказывались любые средства, и клевета выглядела не худшим оружием. Не исключалось, что меня сознательно неверно информирова-

ли, стараясь заочно настроить против руководства: перманентные и плавно перетекающие друг в друга скандалы и выяснения отношений являлись здесь, похоже, повседневной нормой, и совершенно не имело смысла как-то учитывать их и использовать в своих целях: я до конца решил держаться объективно и непредвзято, чтобы никто не смог обвинить меня в искажении и без того не слишком приятных фактов.

Теперь я постучал достаточно громко; хоть я и не слышал за дверью голосов, но, судя по всему, там кто-то находился: дверь была прикрыта не полностью. Мне не ответили; я постучал повторно, и уже затем разобрал чей-то голос. Я воспринял его как разрешение войти, и уже аккуратно и не спеша приоткрыл дверь; такая тактика оказывалась здесь выгоднее и безопаснее: я почти не рисковал напугать хозяина и нарваться в результате на грубость.

Прямо за дверью находился пустой стол с креслом, зато дальше направо я разглядел странную парочку: за огромным массивным столом восседал солидный мужчина – надо думать, хозяин кабинета – и рядом на стульчике примостился странный субъект. Он не мог быть актёром: слева на щеке у него выделялся шрам, а старые потёртые штаны с пиджаком тоже совершенно не соответствовали всему, что я до сих пор тут видел. Но тем не менее они о чём-то беседовали, сидя очень близко друг к другу; либо тут имело место дружеское общение, либо – скорее всего – у них проходил деловой разговор: больше я ничем не смог бы объяснить стран-

ного сочетания, тем более что после моего появления они как бы отлипли друг от друга: глядя в упор, они изучали теперь неожиданного гостя.

«Извините, вы директор? Я постучал, и, как я расслышал, вы сказали: «войдите.» – «Разве?» – «Мне так послышалось. Но если я помешал, то я пока уйду: я могу зайти попозже.» – «А кто вы такой?» – Он очень внимательно изучал меня; я делал то же самое. – «Я журналист. Разве вас никто не предупреждал?» – «Ах, тот самый? Давненько уже ожидаемся.» – Он развёл руками, приглашая подойти ближе, и одновременно кивнул подозрительному собеседнику, настороженно ждавшему рядом. Пока я медленно подходил, тип проявил удивительную ловкость и быстроту: он поднялся, и по стеночке – бесшумно обогнув по пути и меня, и остальные барьеры и препятствия – скользнул за дверь. Мы остались вдвоём, и по пути к хозяину кабинета я уже целиком сосредоточился на нём: он выглядел на сорок с небольшим, а его массивное тело с уже раздувшимся животом обтягивал явно модный и дорогой костюм. Но, судя по всему, на спортивную форму телосложение оказывало не слишком большое влияние: когда я оказался рядом, он резво поднялся и протянул мохнатую широкую лапу. Он явно был сильнее и выше, и в рукопожатии это проявилось очень даже заметно: он обхватил мою ладонь и долго тряс её, заодно заглядывая маленькими умными глазками мне в глаза, хотя я совершенно не понимал причин такого интереса и внимания. Наконец

он разжал клешню и мы сели: он пододвинул пустую чашку, кивнув одновременно на чайник, ещё дымящийся и исходящий паром; я решил не отказываться, тем более что пока ещё никто не оказывал мне здесь такого внимания и почти почёта: он оказался первым человеком, отнёсшимся ко мне не с болезненной подозрительностью, а совсем наоборот. – «Вы пейте, пейте: можно ещё налить.» – «Спасибо.» – «А матерьяльчик мы вам уже давно приготовили: уже недельку он у меня лежит, родимый.» – Я прихлёбывал тёплый остывающий чай, с интересом наблюдая за его домашней суетой: резво вскочив, он открывал огромный многотонный сейф, и только потом некая странность стала наконец доходить до сознания: откуда он мог несколько дней назад знать о моём визите? Я поставил чашку, пытаюсь осознать несостыковку: судя по всему, меня принимали за другого человека, для которого у директора театра оказался заготовлен некий объём информации, не исключено, представляющей интерес и для меня также. Я мог открыть ему глаза на будущую ошибку, но стоило ли это делать: резкий переход мог плохо отразиться на исходе моего предприятия, и я решил попробовать: в конце концов я был также журналистом, и в случае обнаружения подмены я мог бы сделать ссылку на редкое совпадение моей задачи и задания ожидавшегося коллеги.

Я снова уже прихлёбывал чай, успокаивая нервы: не я же спровоцировал директора на почти состоявшуюся подмену? Матерьяльчиком оказались три увесистые папки, из-под об-

ложек которых вылезали края газетных листов и листов писчей бумаги, покрытой хорошо различимыми буквами; он листал их, в некоторых местах ухмыляясь, и один раз даже коротко рассмеялся. Он обращался с ними так бережно и аккуратно, что я подумал: наверняка они стоили ему не одной бессонной ночи, проведённой за их подбором и изучением, и безусловно в них должно храниться нечто очень важное для директора.

Я решил соблюдать осторожность: следовало хотя бы понять, о чём вообще идёт речь. – «Я тут, знаете, прогулялся по вашему театру...» – «Он ещё не совсем мой: вы мне льстите.» – Он улыбнулся, показав красивые ряды зубов, и я, кажется, начал понимать, в каком направлении следует ждать продолжения беседы: судя по всему, директор – как и предыдущие собеседники – был озабочен выяснением отношений; матерьяльчик явно касался разгоревшейся междоусобицы, целью которой являлся захват театра, и, судя по активности, директор ни в коем случае не желал уступить конкурентам: видимо, внутри папок находился компромат. – «Но успех, насколько я понимаю, не за горами?» – «Это зависит и от вас тоже: надеюсь, вы меня хорошо понимаете?» – Он подмигнул и растянул и без того широкий рот в хитрой многозначительной улыбке. Я всё ещё не был абсолютно уверен, что поступаю правильно, но он сам лез в ловушку. – «А нельзя ли вкратце тогда: о том, что здесь имеется?» – Я коснулся пальцем верхней из папок, и моя очевидная заинтересован-

ность вызвала новый прилив энтузиазма у хозяина кабинета: он почти подпрыгнул в кресле, устраиваясь удобнее, и обнял широкими лапами сокровище. – «Если бы вы знали, каких трудов мне они стоили. И, разумеется, денег. Разве кто-нибудь будет бесплатно заниматься подобным?!» – Он коротко засмеялся, но я всё-таки заметил цепкий изучающий взгляд: либо он хотел проверить мою реакцию на упоминание о денежных средствах, либо всё ещё не до конца доверял. – «Но чего только не сделаешь ради великой цели. Ради – можно сказать – мечты жизни.» – Он осклабился, и мне показалось, что он настроен слишком уж благодушно. – «Но у вас – насколько я понимаю – имеются конкуренты?» – «Есть. О них и речь. А вы на что? Информационная поддержка и давление общественности – большая сила.» – «Но вы – со своей стороны – используете и другие каналы?..» – «Разумеется. Но это уже моё дело: и вас не касается.» – Он неожиданно стал строже и концентрированнее, как будто что-то заподозрив; я даже подумал, что он наконец проявит бдительность и попросит документы: на всякий случай следовало быть готовым к резкому отступлению и даже бегству; но, видимо, он не был таким недоверчивым, как его местные конкуренты в длительной и упорной борьбе.

Я налил себе ещё чашку, и он на этот раз тоже не отказался. Он выглядел достаточно благожелательно, и я решил сделать ещё попытку. – «И всё-таки: если совсем коротко.» – «Ладно: если уж вам так неймётся.» – Он быстро выдул чаш-

ку, и аккуратно сложил руки перед собой, откинувшись в кресле. – «С кого же начать-то?» – «А давайте по порядку: с верхней папочки.» – Он бросил мгновенный взгляд, и снова ослабился, в предвкушении приятной процедуры: он, видимо, сразу же представил себе общий расклад, и то количество не украшающих фактов, которое нашло временное место хранения внутри синих и красных листов картона.

«Ну что же: с верхней так с верхней.» – Он потёр лапы одну об другую и приоткрыл верхний лист. – «Насчёт давнего прошлого нашего многоуважаемого художественного руководителя и сказать-то в-общем особо нечего: его мы пропустим. Хотя нет: как же я забыл-то?! Участие в работе подпольного еврейского кружка – не совсем ерунда. Тем более что кое-кто из бывших соратников оказался впоследствии в местах достаточно отдалённых – вы понимаете? – а кое-кто и до «Свободы» и «Свободной Европы» добрался. Вроде пустячок – не правда ли? – но в нашем деле пустячков быть не должно: нету их. Ведь речь идёт о руководителе театра, и не самого последнего – хочу я вам заметить. Но в конце концов: что было, то было, тем более прошло-то сколько, и рассматриваться данное обстоятельство может даже как бы и наоборот: сопротивление режиму.» – Он быстро порылся в бумагах. – «А вот ещё эпизодик: двадцатилетней давности, правда, но тоже ничего: факты, как говорится, налицо. И главный факт – пожалуйста: фото в полный рост, с краткой биографией на другой стороне. Также имеются: судебный иск

на взыскание алиментов от гражданки Т., работавшей в соответствующий период костюмершей театра, а также судебное постановление, данный иск отклоняющее. Только вот все мы знаем, – он неожиданно приблизил ко мне лицо с хитро сощуренными глазками, – во сколько такие постановления обходятся. А уж о еврейской солидарности, а также о том, что его интересы защищал один из лучших адвокатов страны: и говорить не стоит.» – Он сразу же откинулся назад и несколько раз грохнул, изображая некое подобие смеха. – «Но это ладно: с кем не бывает? Хотя позднейшее поведение тоже явно не в пользу нашего... героя: он так и не соизволил сознаться: даже в неофициальной обстановке. Скуповатый оказался старикашка.» – Он снова притянул к себе папку и возобновил изучение. – «Ну, дальше мелочь всякая: незаконное получение квартиры без очереди, покупка машины непонятно на какие деньги... Ещё один адюльтер: к нему мы ещё вернёмся. И наконец главное: отъезд из страны и всё, что с этим связано.» – Он залистал с удвоенной скоростью – в ту и другую сторону, выискивая нужный эпизод; наконец он что-то выбрал. – «Он ведь, когда уезжал, не стеснялся в выражениях: осторожность старого лиса подвела и не ожидал, видимо, что вернётся когда-нибудь: пускай только для работы. И что он нам тут наговорил? Ага, вот оно: «страна рабов», «рабская психология»: ладно, я ещё могу понять; а вот здесь уже самое интересное начинается: насчёт русского народа.» – Он довольно потёр лапами. – «Тут вам и «быдло»,

тут вам и «скоты», и «пьяницы», и даже «свиной» зачем-то приплёл. И где ведь всё говорилось-то? в самом, можно сказать, логове – бывшем, разумеется – но ведь тогда, согласно директивам сверху: он работал на врага; и что теперь выходит? Отдавать ему театр: когда он с голой задницей – потому что последние штаны проел – вернулся к тем самым – вышеописанным?..» – Пауза выглядела зловеще, и мне оставалось только соглашаться, потому что слишком уж убедительно выглядело описание, и согласно роли я просто обязан был во всём его поддерживать.

«Я не хочу сказать: он – ставленник жидо-масонов, – он неожиданно улыбнулся, – но вы данную версию тоже попробуйте: у нас её любят. Если же серьёзно, – он сразу изменился, – то за ним большие люди. Я даже не ожидал – насколько. Об этом у меня в самом конце: совсем коротко: больше достать не удалось. И без того последний листик стоил мне, – он завёл глаза, вспоминая и высчитывая, – почти треть всей папочки. Но против такой-то мощи, – директор слабо улыбнулся, – он не выстоит: если соответствующим образом преподать и показать кому надо. А на его людишек у меня свои найдутся: вы понимаете?» – Я горячо закивал, и он отложил папку в сторону и приподнял обложку следующей, топорщившейся и раздутой; здесь материалов было раза в полтора побольше, и в ожидании новостей от закопавшегося во внутренностях директора я налил себе ещё чашку; обстановка на самом деле выглядела достаточно знакомо и привычно,

и мне совершенно не требовалось играть; но информацию я использовать не собирался. – «А вот ещё матерьяльчик: и богатый, скажу я вам честно: пальчики можно облизать.» – Он на самом деле как бы лизнул кончики пальцев, и сразу уткнулся в один из листов, даже взяв его в руки. – «А здесь у нас даже списочек имеется: кто, что и сколько. Вы ведь понимаете: у меня тут не один конкурент, а целых три наберётся.» – Он гордо продемонстрировал листик, и я быстро просмотрел содержание: под первым номером значился завлит театра, а после него в ведомости стояло ещё десятка полтора фамилий, с занимаемыми должностями и непонятными мне примечаниями в скобочках. Здесь были явно перечислены активные сторонники актёрской мафии, принимающей участие в общей свалке за богатое наследие прошлого; следовательно, третья папка – самая тощая из всех – содержала досье на третьего конкурента. Это казалось очевидным, а директор уже с наслаждением рылся в документах, выскивая самое интересное и впечатляющее. Он копался слишком уж долго, и я решил помочь ему. – «Давайте ограничимся самым первым по списку: что будет вполне достаточно.» – «Ну что же: ладненько.» – Он отбросил несколько страниц и наконец остановился. – «А первым у нас будет заведующий литературной частью театра: Игорь Семёнович. И как вы, наверно, понимаете: здесь у меня не в таком объёме: на всё места не хватит. Но самое основное, разумеется, отмечено.» – Он перевернул страницу, вчитываясь в напечатанный

текст. – «Взятки брал? брал. А в последние годы даже в двойном размере. К соавторству принуждал? принуждал. Объяснения пострадавших прилагаются.» – Директор перелистнул несколько страниц одновременно. – «И даже в воровстве был замечен: но сразу замяли. Ещё одна забавная история: как вообще выбился в завлиты. Слишком долго рассказывать: сами потом прочитаете: тут со всеми деталями. Но и это ещё не конец.» – Он сделал эффектную паузу, красуясь передо мной полнотой и убойностью информации, так что я очень хорошо почувствовал: главное впереди. – «Самое же интересное – вот оно: оказывается, наш защитник и друг обездоленных в относительно недавнем прошлом – внештатный сотрудник одной известной организации, имевший, как установлено, негласную кличку «Подводник». Благодаря чему в значительной степени и удалось завоевать, кстати, ныне занимаемую должность.» – Он говорил почти гордо, и вполне можно было понять директора: он сумел каким-то образом вывести на чистую воду бывшего сексота, вполне возможно, не прекратившего своих занятий до сих пор: сразу же мне вспомнилась странная, доходящая до ненормальности подозрительность завлита, и сразу же стало многое понятно: здесь ещё гнили и разлагались прошлые связи и отношения, не решаясь окончательно покинуть это место, бывшее прежде хоть каким-то, но центром культуры и цивилизации. Теперь я не смог бы относиться к театру столь уважительно, и ностальгические воспоминания подступили ко мне

и на несколько секунд заполнили меня: я сидел в почти полной прострации, не слушая новых объяснений и комментариев директора, теребившего всё ещё вторую папку. Но он и сам оказался слишком увлечён и не обращал на меня внимания: с наслаждением и смакованием заканчивал он описание славных подвигов и деяний своего второго главного конкурента; только отложив папку в сторону, он наконец задал вопрос, и мне пришлось возвращаться к настоящему, столь печальному и трагичному. Он повторил вопрос: директора интересовало, стоит ли кратко описывать содержимое последней папки, и, чтобы окончательно вернуться в настоящее, я согласно закивал головой. – «Ну и прекрасно.» – Он с любопытством разглядывал меня, заметив перемену. – «Как вы понимаете: где жирный кусок, там обязательно куча мала.» – Он усмехнулся. – «И всякая шантрапа туда же лезет. А тут вообще: почти анекдот.» – Он бережно раскрыл папочку. – «Эти посудомойки решили, что могут управлять театром не хуже меня. У них только один порядочный сторонник: актриса Н., бывшая кинозвезда.» – Он разразился приступом смеха, сотрясавшим всё его тело от раскормленного жирного загривка до покрасневших толстых лап. Он ржал от всей души, заливисто и звонко, но неожиданно резко остановился. – «Нет, вы представьте: эта команда, со швабрами наперевес: и всё туда же. Когда я стану хозяином: в первый же день всем под зад коленом. И без выходного пособия: чтобы знали. В-общем: несерьёзные соперники. Но пару статей

вы о них тоже организуйте, на всякий случай.» – Он пролистнул пару страниц. – «Ну хотя бы вот история: почему они вообще организовались. Не слышали?» – Я отрицательно мотнул головой. – «А история ведь достаточно забавная. Неужели никто вас не посвящал?» – Удивление выглядело искренним, и я ещё раз – так же убедительно – отклонил предположение. – «А дело-то выведенного яйца не стоит: они ведь раньше любовниками были; несмотря на соответственно наличие жены и мужа.» – «Кто?» – Я не понял. – «Естественно: Н. и режиссёр. Вы что же: на самом деле ничего не знаете?» – «Нет.» – «А мне говорили: пришлют специалиста по театральной жизни.» – Он с подозрением хмыкнул и внимательно посмотрел мне в глаза. Взгляд я выдержал, но пронизывающий холод и нервная жабья ухмылка заставили съёжиться: в случае нужды мой собеседник смог бы перешагнуть и через меня, и через десяток-другой врагов, почти не заметив и не прореагировав на них. Только теперь я почувствовал близкую угрозу, возможную опасность, куда-то исчезнувшую до того или просто случайно забытую. Директор пока не понял своей ошибки, и неизвестно ещё, что мне грозило в случае разоблачения: гость, случайно застигнутый мной у директора, как раз очень напоминал представителя некоторых не слишком официальных, но зато могущественных структур, и мне совершенно не хотелось продолжать беседу в его присутствии или в обществе другого представителя; я решил держаться до конца. – «Дело в следующем: глав-

ный специалист в командировке; а у меня немного другая специализация; хотя театр мне тоже интересен: например, всё, что связано с жизнью и творчеством Р.: вашей звезды номер один.» – Он ещё вглядывался начинавшим уже мутнеть взглядом, а я со страхом ожидал предстоящей проверки документов и незаметно разминал ноги: рывок предстояло совершить мощный, требующий полной мобилизации всех сил и возможностей. Видимо, он почувствовал некое неблагополучие, и не сводил теперь взгляда. – «Р., говорите? А вот Р. вам лучше будет не касаться: он тут совсем ни при чём.» – Он ещё бубнил что-то невзрачное и слишком тёмное для меня, не очень хорошо знакомого с данной областью. Взгляд он наконец отвёл в сторону, и я начал уже надеяться, что мне повезло; но, видимо, он всё-таки не до конца поверил моим отрывочным объяснениям. – «В-общем, так: документики пусть пока у меня полежат: так надёжнее будет. А вы ко мне главного специалиста пришлите: когда освободится. Вы мне не подходите.» – Он говорил теперь очень холодно и почти с презрением, желая хоть так выразить отношение к человеку, не оправдавшему надежд. Я поднялся: он перевязывал расползшиеся папки и совершенно не прореагировал на протянутую для прощания руку; разоблачения не состоялось, и я был почти счастлив, что встреча кончается так мирно и спокойно: я кивнул головой и быстро пошёл к выходу. Оборачиваться я не стал: мохнатый жирный паук, мирно сидевший в самом центре сплетённой паутины, был мне со-

вершенно неинтересен и даже несколько опасен, и лучшим, чего я мог здесь добиться: стал бы уход за пределы досягаемости его быстрых мощных жвал и клешней.

Я шёл по коридору, стараясь выбраться с максимальной скоростью из предбанника перед большой тёплой норой. Я всё ещё не совсем был уверен, что он не передумает и не попросит документики. Я ведь даже не представился, а если бы главным конкурентам директора захотелось совершить диверсию, то именно здесь они нашли бы самое незащищённое место: слишком самоуверенный директор театра мог расстаться с накопленными таким трудом материалами; хотя почти наверняка у него имелись вторые экземпляры: человек на такой должности не мог оказаться случайно или без достаточных на то оснований.

Я двигался по коридору, пытаюсь понять собственную ошибку: судя по всему, следовало свернуть в другой коридор, располагавшийся правее. Яркое освещение совершенно не обязательно указывало верную дорогу: для администрации учреждения оно могло иметь гораздо больше значения, тем более что высокие и серьёзные гости наверняка в первую очередь попадали к директору: впечатление необходимо было производить на людей, имеющих дело с директором театра, в то время как люди, заинтересованные в искусстве, вполне могли обойтись без лишней пышности и эффектов.

Я добрался до конца: оглянувшись, я проверил оставленное позади гнездо паука: всё выглядело спокойно, как если

бы я только что не находился в опасной близости от ядовитого насекомого, проверяя на прочность его долготерпение. Хладнокровие не подвело меня: он так и не почувствовал случайную подмену, нелепую и странную ошибку, в которой ему следовало винить исключительно себя самого. В то же время я не хотел пользоваться результатами его разоблачений: они совершенно не имели отношения к интересовавшей меня задаче, всего лишь подтверждая и высвечивая обнаруженное раньше. Результаты изысканий директора вполне сочетались с тем, что я имел возможность обнаружить уже предварительно, и только компромат на режиссёра вызывал некоторые сомнения: частично подтверждаясь из моих личных источников, информация всё же не до конца сочеталась с официальным образом крупного и талантливого режиссёра: мелкий пакостник и сластолюбивый тип не смог бы так долго и плодотворно заниматься сложной творческой работой. Хотя известие о связи с бывшей кинозвездой на самом деле ничему не противоречило.

Как раз здесь всё выглядело понятно и вполне объяснимо: сильный режиссёр и молодая красивая, только что пришедшая в театр актриса вполне могли оказаться в столь двусмысленном положении: отягощённые семьями, они – вполне возможно – и поддались увлечению, заставившему забыть официальный долг и обязательства, что, видимо, имело достаточно продолжительную историю; почему-то они так и не решились изменить внешнюю сторону событий, и – развива-

ьясь и постепенно угасая – их связь пришла наконец к полному и окончательному разрыву: возможно даже, накануне отъезда режиссёра из страны. Теперь же они стали врагами, и врагами – судя по увиденному на сборище в глубине театра – яростными и беспощадными: во всяком случае это можно было утверждать о бывшей кинозвезде, не удовлетворённой возникшим противостоянием и создавшей свою собственную армию: именно так я понял немного грязные намёки и подсказки директора театра.

Сзади всё выглядело спокойно, и теперь я обернулся и оглядел оставшееся пространство: вроде бы и здесь не было ни души, и во всяком случае странного преследователя я не обнаружил: где-то совсем далеко бубнили голоса, и больше присутствие посторонних не ощущалось. Я сделал несколько шагов: передо мной находился второй коридор, куда мне и следовало завернуть с самого начала. Как и в первом случае, двери виднелись только в самой глубине, и я не спеша пошёл вперёд, стараясь заранее определить, какая из дверей мне подходит.

Я старался не шуметь напрасно: вполне возможно, что мне удалось бы определить курс движения по звукам, исходящим из разных мест, и во всяком случае для выполнения задачи я должен был держать себя аккуратно и осторожно. Столь удачно обойдённые опасности позволяли надеяться на благополучное завершение данной миссии: только теперь я не имел права уйти с голыми руками, поскольку уж здесь-то

меня просто обязан был ждать серьёзный урожай.

И всё-таки – добравшись почти до конца – я обернулся: сосущее предчувствие не обмануло меня, и сквозь щели в декорации я снова увидел знакомый силуэт: он так и не бросил своего странного занятия и следил, видимо, за каждым моим шагом и движением в этом тугом и скрученном от борьбы и ненависти пространстве.

Мне совершенно не хотелось снова – в который раз – объясняться с ним; теперь я двигался уже намного быстрее: уткнувшись в центральную дверь, я посмотрел на таблички; «глав.реж.» значилось справа, и я аккуратно и настойчиво постучался и почти сразу открыл дверь.

Теперь я был временно спасён; стоя уже за прихлопнутой плотно дверью, я торопливо просил прощения у удивлённого художественного руководителя: полулёжа на диване он приоткрыл рот и совершенно растерянно хлопал глазами. Я даже подумал, что он не в себе или, может, ему плохо: это был совершенно другой человек, не имеющий ничего единого с грозой и пугалом театра, постоянно испускающим агрессивные и хищные токи: два глаза за толстыми линзами очков с настороженностью и боязнью вглядывались в незваного и нежелательного гостя, сильно моргая и рыская по сторонам. Я подумал, что режиссёр просто не узнал меня: после нервной и выматывающей репетиции он вполне мог оказаться в таком подавленном состоянии. Тогда я снова представился: вполне возможно, что гости – подобные обнаруженному у

директора театра – тревожили также и режиссёра, и лучше было сразу успокоить его. Но почему-то до конца это не удалось: хозяин кабинета наоборот скрючился и прижался боком к продавленной спинке дивана, уставившись полными страха глазами в пугающую пустоту.

Я не знал, что он представлял себе теперь, сидя в такой неудобной позе: вполне вероятно, он переживал страхи перед будущим провалом – закономерным следствием всего происходящего на репетициях; но не исключался и другой вариант: как активный участник междоусобицы он наверняка учитывал разные возможности, в том числе и самые сложные и драматичные, и неожиданные визиты незнакомцев вполне могли вписываться в общую схему военных действий: скорее всего он трясся теперь в ожидании грозных посланников, не зная, что в таком случае он сможет предпринять.

Я всё-таки решился и сделал первый шаг. – «Извините, Илья Николаевич, если я вас случайно напугал: разве вы не помните, что назначили сегодня утром встречу?» – Медленно и тяжело какие-то изменения наконец стали совершаться с моим собеседником: он как бы отмёрз изнутри, избавляясь постепенно от душной волны страха, захватившей его первоначально. – «Вы кто?» – Он ещё не окончательно пришёл в себя. – «Разве вы не узнали? Я журналист.» – Мне казалось, что я полностью успокоил его, но почему-то он снова ошетинился как большой колючий ёжик, выставив плотный заслон длинных игл. – «Я вам не верю: какой ещё такой

журналист? не надо мне журналистов. Разве я просил?» – Он отодвинулся ещё дальше, почти к дальнему краю. Я был потрясён: он не узнавал меня, но кроме того обнаружилась ещё неприятность: явно маниакально-бредовое состояние, в котором он пребывал, совершенно не соответствовало образу известного режиссёра; непонятно было: почему же никто до сих пор не распознал диагноза и не принял соответствующих мер, включая – безусловно – длительное лечение в подходящих условиях. Сидя в странной неудобной позе, он зыркал по сторонам, разбрасывая вокруг подозрительные взгляды, иногда упираясь в мою фигуру; я всё ещё стоял перед дверью; но хотя бы здесь я решил добиться чего-то существенного; пододвинув стул поближе, я уселся прямо перед собеседником, и ему пришлось как-то отреагировать. – «Вы ещё здесь? Вы зачем это?..» – Я решил не отвечать на странный вопрос; но молчать было тоже неудобно. – «Извините, если я вас напугал: мы ведь с вами встречались: на проходной; и вы обещали помощь и содействие.» – Наконец он устался прямо на меня: суровые морщины начали постепенно разглаживаться; судя по всему, он приходил в норму, и уже по-другому выглядел со стороны: он сел почти прямо и даже оторвал спину от такой надёжной опоры. Взгляд стал осмысленнее, и гораздо меньше тревоги чувствовал я теперь: видимо, он начал узнавать меня.

Но процессу, похоже, что-то заметно мешало: следующие мои вопросы как бы пролетели мимо, не задев его слуха и

внимания, и даже то, что я находился прямо напротив, не смогло помочь: пришибленно и сжато он следил за мной, почти не двигаясь и не реагируя; дрожало только правое веко, нервно пульсируя и отбивая скачущий ритм. Однако у меня не оставалось времени на долгие разбирательства: насколько я понимал, совсем уже скоро ему предстояло идти на сцену, и я решил помочь ему: налив из чайника половину стоявшей здесь же кружки, я сунул её режиссёру прямо в руку, и ему невольно пришлось оттаять. Он медленно отхлебнул: похоже, теперь он всё-таки приходил в норму, выбираясь из своего странного призрачного мира.

«Ну так что: насчёт нашего дела?» – «Я понял: вы журналист.» – Голос звучал тихо и неуверенно, но это уже были слова осознающего ситуацию человека; он распрямился ещё больше и сел почти ровно, допивая коричневую жидкость. – «Я надеюсь, вы не забыли и об остальном: мне хотелось бы услышать кое-что об Р.: он ведь был вашим лучшим актёром, и – насколько мне известно – почти другом?» – Вопрос повис в воздухе: несмотря на полную очевидность режиссёру никак не отреагировал, застыв и почти замерев; я подумал, что он снова впал в спячку, но я оказался неправ. – «А зачем вам это?» – Теперь маленькие глазки уже с подозрением уставились на меня: видимо, он не был таким уж слабым и беззащитным, и всё предыдущее стало лишь отвлекающим маневром, позволяющим маленькому беззащитному зверьку уйти от возможной опасности. Почти наверняка так оно и

было: состояние транса никак не сочеталось с комком энергии и злости, бушевавшим совсем недавно на сцене, и никто не смог бы поверить в искренность подобного превращения.

Я как-то упустил из виду: а что же можно открыть режиссёру: мне надоели постоянные мелкие надувательства, но совершенно неизвестно было, как он отнесётся к правдивой версии – к желанию создать правдивую и глубокую книгу – вытащив на свет скрытые пороки и недостатки великого актёра. Я видел, с каким напряжением хозяин рассматривает меня: скорее это было недобрым признаком, и я так и не смог решиться на откровенность. – «Мне нужен материал: для нескольких статей. Тем более в данном случае он будет материалом из первых рук.» – Я старался говорить увереннее; но на самом деле я был всего лишь просителем. – «А почему вы думаете, что я стану вам помогать?» – С каждой секундой он всё больше пробуждался к жизни: теперь он контролировал положение. – «Вы должны: ради памяти о друге. И если не вы: то кто же?..» – Это выглядело достаточно резко, но я надеялся – хотя бы здесь – на встречу с человеком, а не с мерзким жирным пауком, позабывшим прошлое и заботящимся только об одном: о толстом жирном брюхе. Я встретился с ним взглядом: он всё так же изучал меня, но я уже не отвёл глаза в сторону, гипнотизируя его и пытаясь одержать хотя бы здесь полную и убедительную победу. Мы не моргали почти минуту, и наконец я почувствовал перелом: он уже не пытался подавить меня, после чего наверняка последова-

ло бы удаление из кабинета: как слабейший он опустил наконец голову. – «Не могу: это опасно.» – «Почему?» – «Вот вы лезете: а сами не знаете, куда лезете!» – Он почти рыкнул на меня: наконец приоткрывались бездны, о которых я только смутно догадывался, не имея реально ни одного явного факта или свидетельства. Наконец я мог узнать что-то конкретное, и перед завтрашним визитом безусловно стоило получить некоторую информацию: вполне возможно, что она имела отношение как раз к моему завтрашнему собеседнику.

«А нельзя поподробнее?» – Неожиданно он набычился: я подумал, что его снова прорвёт и дело кончится словесной перепалкой, но почему-то он выпустил воздух и сдулся, как воздушный шарик. – «Нельзя.» – «Но почему?!» – Он отвёл глаза в сторону, и я понял, что он мне не ответит. – «Это связано с А.?» – Он молчал, но такое молчание выглядело достаточно убедительно, и я понял, что угадал: режиссёр, как и многие, с кем я до сих пор беседовал, просто боялся старого паука, почти монополизировавшего в своё время данное поле деятельности, и слишком высоко с тех пор вознёсшегося. – «Вы его опасаетесь?» – «Да!» – Ответ показался резким. – «И кто вы такой вообще: чтобы я мог вам довериться и что-то рассказать?!» – Он снова впился в меня уже почти горящим взглядом. – «И почему вы врываетесь: куда вас не просят?» – Поток вдохновенной ругани снова понёс его: он был почти в родной стихии. – «А я вас знаете за ко-

го принял?» – «Нет.» – «За подосланного: вы мне чуть инфаркт не устроили.» – «В каком смысле: подосланного?» – Я решил держаться осторожнее. – «Вы что: в самом деле такой тупой?» – Я непонимающе хлопнул глазами, выдерживая прежнюю стратегию. – «И после этого вы утверждаете, вы – журналист?» – «Возможно, я понимаю, о чём идёт речь: за мной тут тоже весь день один тип ухлёстывал.» – «Какой тип?» – Он явно выразил удивление. – «Артист: его зовут, кажется, Мишей.» – Неожиданно его лицо расплылось в улыбке, и сразу же он залился мелким кудахтающим смехом. – «В чём дело?» – Не сразу, но он всё-таки успокоился, и почти благодушно взирал на меня. – «Уже, значит, познакомились?» – «Я с ним незнакомился: это он со мной пытался.» – «А не важно.» – Он с озорством и любопытством поглядывал на меня. – «Ну здесь вам нечего бояться: вы напрасно так испугались.» – «А чего он: лезет?» – «Вы что же: не поняли? От любви лезет.» – Он почти скривил мне рожу, загадочную и двусмысленную, и наконец я понял собственную оплошность. – «А отвадить его нельзя?» – «Нет: если он так настойчив: значит вы очень понравились.» – «Помою: он ещё и пьян к тому же.» – «Сегодня у него нет репетиции.» – «А чего он здесь ошивается?» – «Это его дело.» – Он стал неожиданно серьёзным. – «Ну на него-то мне грех жаловаться: талантливый мальчик. И не халтурщик, как многие тут.» – Это было сказано почти жёстко: я даже подумал, что режиссёр покровительствует настырному актёру, возможно

даже, разделяя его пристрастие. Такой вариант казался вероятным: ведь даже и сейчас ещё бродили – неподтверждённые, правда – и ничем не обоснованные слухи о существовании между режиссёром и его лучшим в прошлом воспитанником связей иного порядка: чем просто творческие. Хотя мне они казались слишком сомнительными. – «Я заметил: у вас тут непростые отношения.» – «Вы хотели сказать: война?» – Я кивнул. – «Ещё бы. Нет, вы представляете: возвращаюсь я в свой театр – после нескольких лет отсутствия: а на него уже почти кто-то лапу наложил.» – Теперь он извергал возмущение. – «Навожу справки: оказывается, тот самый театр, который я сам – лично! – создавал тридцать лет назад – уже почти стал частной собственностью. И кого бы вы думали? Тех мерзавцев, которые меня как раз отсюда и выжили!» – От возмущения он почти кричал, но на последнем слове дал петуха и немного успокоился. – «Что делать дальше? Я ведь сам его создавал: и право имею, тут никаких сомнений быть не должно; то есть стать хозяином. Что потом: использую рычаги, и мерзавцы остаются с носом. Но разве уже конец? Ни в коем случае. Обнаруживается: в борьбу вступил ещё один соперник. И что ведь самое обидное: плевать им на искусство. Первые – просто халтурщики и мерзавцы – вы крысу видели, которая ими руководит? – а второй случай: почти клинический. Это животное, – режиссёр ткнул пальцем в стену, отделявшую его каморку от кабинета директора, – вы знаете, что здесь хотело сделать?» – Я

мотнул головой. – «Казино с рестораном! И торговый центр в придачу. А какими средствами он пользовался: и подмётные письма, и звонки с угрозами. И заходили парочку раз от него. Он ведь с бандитами связан: и у самого руки по локоть в кровище!» – Последнее показалось мне преувеличением: ведь режиссёр пока был жив и всюду трепался, сидя передо мной на диване. – «А охрану мне всё равно никто не даст: кто же поверит? Тем более: когда у него такая лапа наверху!» – «И что насчёт лапы?» – Он сразу остановился, обнаружив, что сказал лишнее. – «Вы сказали: у директора наверху большая лапа, если я не ошибаюсь? А поконкретнее нельзя?» – Неожиданно он впился в меня испуганным взглядом и быстро заморгал, как-то слишком стремительно съёживаясь; но я не собирался пока ещё оставлять его в покое. – «Ладно: оставим лапу в покое. У вас тут ещё кто-то права качает: или я не прав?» – Мой тон мог показаться слишком уж прокурорским, но он не заметил подобной мелочи. – «Есть, конечно. Но разве кто-то может серьёзно считаться с этими... которые сами не знают, чего хотят. У них кто ведь собрался-то? Кто остался не у дел: уборщицы, водители. И они ещё чего-то хотят!» – «Насколько я понял: они хотят получить театр.» – «Вот они что получают!» – Он резко выставил руку вперёд, заложив большой палец между указательным и средним: данную конструкцию он почему-то подsunул мне к носу, и я отвёл его руку в сторону. Он осознал бестактность. – «Вы думаете: кто-то из них на что-нибудь способен?! Они

же давно спились: они – творческие импотенты, и если бы не я: давно бы всё развалилось. И после всего – мне, имеющему на театр прав больше, чем у всех них, вместе взятых – отказывают?!» – Он был искренне оскорблён, ощущая несправедливость. – «Но я так просто не сдамся: несмотря на их лапы, и письма, и угрозы: ведь какой там, – он ткнул головой куда-то в сторону, – поднимется шум, если со мной что-то случится: если они хотят международный скандал, они его получают!» – Он был почти горд: человек, осознавший свою значимость для истории и человечества, хотя я не дал бы за его жизнь и пары пустых пивных банок: опытные специалисты – в случае необходимости и за соответствующую сумму – смогли бы организовать аварию на дороге, или несчастный случай во время купания, и никакая комиссия потом – даже из Интерпола – не смогла бы к чему-то придраться или за что-то ухватиться: его восторг и эйфория были неоправданны и создавали угрозу только для него самого – если, конечно, его поведение не было простым фиглярством старого опытного лицедея.

«По-моему: вы преувеличиваете насчёт угрозы.» – Слова неожиданно провисли в воздухе, и я увидел изумлённого и возмущенного старика: он почему-то стал подниматься на ноги во весь свой немаленький рост, одновременно как бы цепenea. – «Вы мне не верите?! Ты мне не веришь?! Да я тебя... Вон! Вон отсюда! И чтоб я тебя тут не видел!» – Он уже орал и визжал, разгораясь дальше и дальше: оче-

редной приступ ненависти, подкреплённый, видимо, скрытой манией величия, накатил на него не в самый благоприятный для меня момент, и мне пришлось срочно ретироваться: я не боялся физического воздействия со стороны благоразумно находившегося на некотором удалении больного старика, но слышать незаслуженные гадости в свой адрес было не самым приятным делом: кивнув головой на прощание, я выкатился в полутёмный коридор, и быстро пошёл туда, где светлел вход в покрытую пылью и паутиной грязноватую пещеру.

На этот раз я прошёл спокойно: никто почему-то не следил за мной из укрытия и не преследовал по пятам. Несколько актёров сидели в первом ряду зрительного зала, ожидая появления режиссёра, и ещё неизвестные мне люди – скорее всего из обслуживающего персонала театра – собрались кучкой подальше от сцены и что-то обсуждали. Одного мужчину я узнал: это был явно председатель собрания, на которое я случайно влез, блуждая в глубинах здания. Здесь они выглядели спокойнее: я уже не видел обезьяньей жестикуляции, и в таком обширном помещении они не казались страшными и беспощадными, превратившись в несерьёзную кучку склочников и интриганов.

Пока я не собирался покидать театр: несмотря на цепь неудач и поражений я всё ещё чего-то ждал: оставались пожилые актёры и актрисы, наверняка не связанные обязательствами и сомнительными узами, как режиссёр: А. – старый

жирный паук, опутавший и монополизировавший данную сферу, вряд ли имел возможность установить тотальный контроль, и как раз в прорехи и дыры я и пролезал до сих пор.

На этот раз я решил держаться от всех подальше: ни к чему было попадаться на глаза людям, с которыми так и не удалось договориться о чём-то приемлемом и полезном для меня. Лучше всего казалось притаиться где-нибудь на задних рядах, выжидая удобный момент: наверняка кто-нибудь из старожилов театра должен был прийти сегодня на репетицию. Я двинулся налево: вдоль стеночки я быстро сошёл по ступеням и огляделся: за мной никто не наблюдал, и я вполне мог устроиться на последнем ряду, контролируя обстановку в зале.

Именно так я и сделал; когда я выбирал место в зале, из-за декораций вынырнул освежённый и готовый к продолжению репетиции режиссёр; присутствующие зашумели и забегали: даже группа в центре зала – не имевшая вроде бы отношения к сцене – начала непонятную суету: два человека подсели ближе, один сорвался и убежал по коридору, а оставшиеся негромко загалдели; теперь и режиссёр обратил на них внимание: он явно не ожидал встретить мешающих ему посторонних, и я уже подумал, что сейчас разгорится новый скандал: даже мне это было хорошо ясно. Но по непонятной причине такого не случилось: режиссёр решил, похоже, просто не замечать их присутствия; он снова уже кричал на актёров, выливая накопленные запасы злобы и презрения; им

пришлось быстро подняться на сцену и получить необходимые указания, но и после, похоже, он не был удовлетворён окончательно: в результате общения со мной у режиссёра, видимо, случилось небольшое разлитие желчи, и теперь он выглядел чересчур активно и напористо.

Режиссёр всё ещё разливался и сыпал обвинения, когда я увидел нового гостя: он шёл тихо, весь сжавшись и время от времени останавливаясь; я не сразу обнаружил его, и непонятно было – откуда же он выполз? – но наконец по повадкам и блеску очков всё стало ясно: это была старая очкастая крыса, выползшая из тиши и сухости архива. Первое впечатление не обмануло меня, и теперь я хорошо видел, как незваный гость, мелко семеня, осторожно крадётся в мою сторону; он находился уже в центре зала, и я решил, что он направляется к собравшейся компании. Возможно, у них появилась такая же мысль: неожиданно они заворчали, и я решил, что режиссёр обратит наконец внимание и вмешается; однако я оказался неправ: незваный пришелец отшатнулся и уполз куда-то в сторону. Не сразу я смог разглядеть его: окольным маршрутом он подобрался наконец к актрисе, сидевшей отдельно. Они зашептались, явно обсуждая что-то тайное и непредназначенное для других: совершенно явно они обменивались информацией, имевшей отношение к внутреннему конфликту, чувствуя себя уже в полной безопасности. Я немного отвлёкся и не сразу осознал, что вопли со сцены имеют уже другой адресат: режиссёр, обнаружив-

ший гостя, орал теперь на него, а гость, не ожидавший нападения, достаточно неумело отбрехивался.

«Вот так оно всё обычно и начинается.» – Совершенно неожиданно я увидел старого преследователя, выросшего откуда-то справа и из-за спины. Мерзкая манера пугать людей была, видимо, любимым его средством, доведённым до совершенства, так что даже я уже второй или третий раз не мог ничем ему противодействовать. – «Но пока только начало: дальше будет интересней.» – К счастью, он оставался на своём месте – в самом последнем ряду – и пока не возникало необходимости что-то с этим делать. – «Вы ко всем так пристаёте?» – «Да нет же: разве можно? И разве вы – все?» – Он явно пытался льстить, и я решил сменить тему. – «А что вы имели в виду: говоря о происходящем здесь?» – «Ах, здесь?» – Он кивнул вперёд, где продолжалась перебранка. – «А это наш внутренний спектакль: исключительно для своих. Так что считайте: вам повезло. Хотя, если я поставлю шефа в известность, не знаю: как он отнесётся...» – Он пытался шантажировать меня, используя моё не до конца законное пребывание здесь: хитро улыбнувшись и прищурившись, он делал ещё один намёк, но я не собирался становиться его другом и сообщником. – «А вы, кстати, на чьей стороне будете?» – «Я? Искусства: разве может быть по-другому?» – Почему-то он пытался ускользнуть от ответа. – «А если выбирать между личностями?» – «Где тут личности?» – Молодой прохвост, похоже, дурил мне голову, заговаривая меня

и стараясь произвести впечатление. Хотя в чём-то он был прав. – «Я имею в виду: на чьей вы стороне?» – Он неожиданно улыбнулся. – «А у меня своя сторона.» – Он оскалился, прищурил левый глаз и скривил рот в улыбке: безусловно, у него было хорошее настроение. – «Зачем лезть в эту свару, если можно заниматься более приятными делами?» – Он делал уже непосредственный намёк, на который не следовало обращать внимание или тем более откликаться.

К счастью, мне повезло: склока вокруг сцены развивалась дальше, не стихая ни на секунду: завлит тоже перешёл теперь на повышенные тона, выливая давно накопленные запасы ненависти и грязи, и неожиданно в диалог влез ещё один герой. Почти сразу я узнал низкий гортанный голос: так мог говорить только предводитель заговорщиков в далёкой пещере; насколько я понял, он набросился на режиссёра, пока ещё теснившего завлита, но теперь расклад изменился: всклокоченному главрежу приходилось огрызаться уже на два фронта, и свежесть вместе с могучим голосом нового союзника изменили соотношение сил: пока режиссёр вправлял мозги не столь грозному завлиту, другой соперник успевал наполовину смешать его с грязью, что топотом и свистом благодарно оценивалось сидящими и откуда-то вылезавшими зрителями, сторонниками образовавшейся коалиции. Когда же режиссёр переносил удар на нового врага, схватка поднималась на более высокий уровень: здесь уже режиссёр не имел преимущества, и даже больше того, голосовые связки вновь

приобретённого противника оказывались крепче и выносили-
вее.

С удивлением я наблюдал, как зал постепенно наполняется: здесь появлялись актёры и уборщицы, костюмеры и водители, и где-то в центре сидело теперь несколько человек, явно не имевших никакого отношения к театру. Они реагировали весело и жизнерадостно, как будто присутствовали на боксёрском поединке во время боя за высший титул: да так оно, вероятно, почти и было, только ставка выглядела серьезнее и значительнее; здесь не могли помочь уже ни прошлые звания и титулы, ни известность и сила самой личности, погрязшей и опустившейся теперь до простого выяснения чужих грехов и преступлений: всё слышанное мною в тиши кабинетов вытаскивалось теперь на всеобщее обозрение, по возможности преувеличиваясь и доводясь до крайности: судя по визгу завлита, режиссёр давно уже продал бы понятно какому государству и сам театр, и всех его работников и актёров, дабы заслужить у предполагаемого покупателя благодарность вкупе с солидным счётом в банке и виллой в наипрестижнейшем месте земного шара; судя же по воплям режиссёра, дело выглядело совершенно по-другому: это он – завлит – давно продал их всех – и прежде всего режиссёра – некогда могущественной организации, получив при полной бездарности занимаемую поныне должность, на которой удаётся держаться до сих пор исключительно благодаря всё той же организации, несмотря опять-таки на всю

свою бездарность и продажность. По словам же представителя третьей стороны выходило, что режиссёр, нагло узурпировав властные полномочия, лишил остальных какой бы то ни было свободы, одновременно посадив их на голодный паёк. Затем следовали упреки в постоянных оскорблениях и унижении человеческого достоинства: режиссёр, кстати, вместе с отсутствующим директором объявлялся хамом и свиньёй; последнее утверждение, однако, возвращалось обеим противникам ещё с большей злобой и ненавистью, обрастая новыми деталями и подробностями: выходило, что если бы не усилия режиссёра, то данное заведение давно превратилось бы в конюшню, причём особенно подчёркивалась и выделялась роль обслуживающего персонала: давно уже требующего существенного оздоровления и реорганизации; со всей необходимой работой, по утверждению главрежа, прекрасно справился бы в три раза меньший коллектив, и только тупая и косная позиция профсоюза, постоянно влезающего туда, куда его не просят, не даёт осуществиться давно намеченным планам. Последняя мысль получила особо негативный приём: зал, заполненный в-основном как раз теми, кого касалось последнее, засвистел и затопал с удвоенной силой: никак не ожидал я обнаружить такое количество сотрудников, прятавшихся, видимо, где-то в дебрях театра. Но сейчас они наконец обнаружили своё присутствие, и их явное численное превосходство совершенно изменило расстановку: не стесняясь они визгом и улюлюканьем реагировали на

залпы почти уже взбеленившегося главрежа, и даже мне стало страшно: что сейчас он не выдержит, и балаган перейдёт в настоящее рукоприкладство.

«Вот видите: вам везёт. Уже вторая стадия.» – Навязчивый актёр снова возник сбоку. – «А что такое первая стадия?» – «Когда один на один. Но это неполная классификация: есть ещё и дальше.» – «Куда уж дальше-то?» – «Есть ещё третья: те же плюс директор. Может, он ещё подтянется: кажется, он сегодня присутствует.» – Он помолчал. – «А моё предложение вы напрасно отвергаете.» – «Я пока ещё никаких предложений не слышал.» – «Разве? Тогда простите упущение: тут есть неплохое местечко: может, заглянем потом?» – Я решил быть настороже. – «Что-то не хочется: а насчёт стадий, я понимаю, вы не полную классификацию обозначили?» – «Совершенно верно: есть ещё четвёртая и пятая. И возможно: даже шестая. Но до неё, слава богу, пока не доходило.» – «А если конкретнее?» – «Да ничего сложного: когда они все ну очень расходятся, и у кого-то не выдерживают нервы – чаще у главрежа – дело может дойти до потасовки: пара пощёчин и оплеух – и они уже пошли махать руками! Несколько синяков и порванные костюмы – обычные последствия. В среднем случается раз в месяц. Но иногда дело и дальше идёт: когда уже сторонники подключаются. Но это ещё реже происходит: максимум раз в квартал.» – «А что вы подразумеваете под шестой стадией?» – «Предыдущее, но с применением огнестрельного оружия: но пока бог ми-

ловал.» – Он помолчал. – «И всё-таки: вы напрасно так отказываетесь. А может: вы просто стесняетесь? Так и скажите: я очень даже понятливый.» – Я решил не отвечать, тем более что процесс не стоял на месте: отвлечённый разговором, я не сразу понял, что в зале происходит перегруппировка и изменение соотношения сил: откуда-то возникло полтора или два десятка непонятных личностей в сером, вряд ли имеющих к театру непосредственное отношение: группками по двое или по трое они расселись в самых значимых и важных местах – у выходов на сцену и по бокам самых крупных скоплений – и пока я пытался понять, что бы могло такое значить – не прибегая к услугам помощника за спиной – в скандале случился ещё один поворот: за сценой что-то прогрохотало, дёрнулся задник – скрывавший общую нищету и убожество – и на сцену выкатился директор: самый грозный и опасный представитель фауны в этих доморощенных джунглях.

«Ага, я же говорил: вот и дождались!» – Комментатор всё не унимался, но я решил не обращать больше на него внимания: он не мог дать то, что мне требовалось, и я совершенно не собирался поддаваться его нажиму и воздействию: мне просто было интересно наблюдать за развитием конфликта, редко достигающего до такой остроты и сложности; нечасто – несмотря на достаточную практику – случалось мне сталкиваться с подобными проявлениями, так удачно расклассифицированными и приведёнными к единому знаменателю: настырный преследователь – надо отдать должное – оказы-

вался выше конфликта и его постоянных участников, оставивших не лучшее впечатление. И появление последнего из главных действующих лиц усилило общий настрой: выскочив на сцену, он принял инициативу в свои массивные лапы, и ситуация дала резкий крен в другую сторону.

Главной мишенью он избрал предводителя заговорщиков: совершенно явно тот представлялся ему основным противником, хотя и не слишком серьёзным и могущественным: дрожащим от напряжения басом он сразу заглушил всех оппонентов, смешивая с землёй и грязью выбранную цель. Подвергшийся нападению даже замолчал: настолько грозной была атака, и только общий свист и улюлюканье и редкие вскрикивания обложившегося соратниками завлита сдерживали в течение нескольких минут хорошо разогревшегося администратора; так продолжалось совсем недолго, но когда поверженный предводитель наконец пришёл в себя, было поздно: директор с наслаждением уже потрошил старую очкастую крысу, вынося на всеобщее обозрение одну подробность за другой: большей их части я даже и не слышал в тиши далекоудалённых кабинетов, и хотя они и выглядели не столь позорно, но при сложении в единую картину зрелище становилось ещё более впечатляющим: оказывалось, что помимо сомнительных заслуг на общественном фронте – в роли скрытого агента тайных служб – и столь же тёмных достижений в области искусства – за плечами вышеупомянутой крысы тянулась длинная цепь неблагоприятных деяний в лич-

ной жизни: оставленные и забытые в глухой деревне родители, а также брошенные на произвол судьбы дети, в количестве трёх штук, выкинутые из памяти и сознания накануне стремительного рывка в карьере: рывка, обусловленного сотрудничеством с вышеупомянутой организацией.

«Вот-вот, я же говорил: везёт вам. Ещё чуть-чуть: и дойдёт до рукоприкладства. А тех вон людишек видите?» – Он явно имел в виду подозрительных типов в сером. – «Это люди директора. И когда они появляются: дело серьёзно. От них можно ждать чего угодно.» – Я уже сам почти понимал это, и с увлечением наблюдал за развитием представления: за тем, как копошатся в центре зала сторонники завлита и пожилой актрисы – бывшей любовницы режиссёра, и как их окружают и теснят, давая только огрызаться и отвечать вслух грубостью на грубость: до потасовки пока не доходило, но выражения так и летали по воздуху, грозя засорить и окончательно испортить атмосферу: типы в сером явно не впервые занимались подобным, превосходя противников знанием и опытом.

«А что теперь будет?» – Я был слишком уж заинтригован. – «Кто же его знает: но сегодня преимущество явно на стороне директора. А что касается нас с вами, то всё-таки: может, телефончик свой дадите?» – Я молчал. – «Так вы меня слышите? Я ведь неопасный.» – Я снова увидел, как актёр перегнулся через спинку кресла справа от меня: он излучал теплоту и любовь, но мне было это противно и неинте-

ресно; неожиданно я почувствовал руку на плече: он, похоже, не мог уже удержаться и начал переходить к серьёзным действиям. Сразу же я вскочил: от неожиданности он повис животом на спинке кресла, но я не стал протягивать ему руку для помощи и поддержки: достаточно быстро я добрался до прохода. Занятые склокой и перебранкой совершенно не обращали ни на что другое внимания, и я спокойно миновал зал и выбрался в коридор, ведущий к служебному выходу. Преследователя за спиной не было, но мне, похоже, не везло в очередной раз: такие же типы в сером, что и управлявшие процессом в зрительном зале, обосновались теперь на проходной: едва заметив мой силуэт в полутёмном коридоре, один из трёх мордovorотов – самый толстый и массивный – вперился в неясные пока ему очертания и приподнялся с кресла, а другой что-то забубнил по мобильному телефону. Вполне возможно, что мне ничего и не грозило: но я не решился устраивать сомнительную и небезопасную проверку: не исключалось, что директор мог всё-таки заподозрить меня, и повторная встреча не слишком сильно меня радовала.

Дорога назад пока оставалась свободной, и я рысью побежал обратно в сторону зала. Добравшись до арки, я аккуратно выглянул: опечаленный актёр не спеша шёл через центр зала, добредя примерно до середины, а вокруг всё так же кипели низкие страсти и пороки; боковым зрением я заметил ещё большее оживление: в двух местах несильно пихались, и одна из женщин – видимо, уже пострадавшая – голосила на

весь зал, призывая не самых решительных сторонников дать достойный отпор. Однако сторонники, судя по всему, хорошо понимали, с кем имеют дело, и пока ещё сдерживались и медленно отступали, загоняемые всё дальше в одно плотное и тесное скопление: типы старались, видимо, нейтрализовать недовольных и подчинить их своему влиянию, и пока хорошо справлялись с делом; я не мог больше оставаться здесь: единственной возможной дорогой мне казался путь в глубину театра, пока ещё неисследованную до крайних пределов; по дороге в театр я видел много дверей на боковой стене здания, и часть из них наверняка могли стать для меня выходом и спасением.

К счастью, директор и главреж уже покинули сцену: они сидели в первом ряду и тихо перешёптывались. Можно было подумать, что они о чём-то договариваются, оставляя прочие заботы подручным директора. Я бросил взгляд в зал: актёр пока меня не видел, и с максимальной быстротой я забрался по ступенькам и нырнул за кулисы. Насколько я помнил, неисследованными оставались помещения за архивом и комнатой, где я обнаружил тайную сходку заговорщиков. Почти сразу я вспомнил, где находятся эти помещения: я пробрался за задником через сцену и выглянул: никто не смотрел в мою сторону, а актёр явно двигался к служебному выходу, и несколько минут у меня ещё оставалось в запасе. Я осторожно спустился: всё ещё никто не реагировал на моё появление, и с максимальной я ринулся в полутёмный знако-

мый уже туннель: почти сразу я пролетел мимо архива – теперь пустого и закрытого – и дальше пришлось двигаться уже медленнее и с предосторожностями: рухлядь на полу не всегда чётко виднелась в тусклом свете полувыдохшихся ламп и светильников, и один раз я даже чуть не растянулся среди непонятных серых завалов.

Совсем скоро я добрался до места, где скрывались заговорщики: но теперь здесь было тихо и покинуто. На всякий случай я оглянулся: коридор оставался пустынным, и я мог спокойно продолжать поиски. Теперь я проверял все двери подряд: их было, к счастью, достаточно много, и наверняка – при надлежащем осмотре и невмешательстве со стороны – я мог бы обнаружить подходящий маршрут; но пока мне не везло: всё так же тянулись передо мной залежи мусора, разбавляемые свободными площадками с запертыми наглухо входами: пока я не видел просветов, и уже лёгкая тревога пришла наконец ко мне: не исключалось, что мои надежды выглядели ошибочными.

Неожиданно я увидел, что коридор заворачивает: стена сначала резко надвинулась из темноты, и потом только я разглядел ход налево: там было так же темно и невзрачно, но я всё-таки решил двигаться до конца: обратно – на встречу либо с людьми директора, либо с полным любви и наглости актёром – я всегда мог ещё успеть.

Двери вдоль новой стены выглядели по-другому: здесь они казались намного крепче и прочнее и располагались ис-

ключительно справа, что могло стать хорошим признаком. Первая оказалась запертой, и я быстро пошёл дальше; похоже, мне наконец начинало везти: с трудом дверь двинулась с места, и когда я вытянул её на себя, то обнаружил совсем короткий коридорчик, упирившийся в потёртые побитые ворота: ими явно часто пользовались, и я сразу же увидел неширокий просвет: путь был свободен, и, оглянувшись в мрак и ужас длинного извилистого хода, я прикрыл дверь и почти бегом добрался до толстых створок: они свободно болтались на петлях, и открыв одну половину, я выбрался наконец на волю: было тихо и солнечно, и никто не караулил и не пытался шпионить за мной, и если бы теперь появилось даже несколько нахальных типов – вроде актёра, оставленного в тоске и одиночестве – я уверенно знал, что мне делать: в мощной системе улиц и переулков было где укрыться от любого преследования, и здесь я уже не боялся, что кто-то – с той или иной целью – сможет поймать меня и навязать свою волю. На всякий случай я ещё раз огляделся и пошёл вдоль стены театра туда, где должна была находиться ближайшая станция метро.

Как ни страшным мне казалось идти на следующий день – после пережитого накануне – в логово к самому серьёзному и опасному для меня сейчас человеку, я был вынужден сделать это: слишком хорошо ещё я помнил интонации и угрожающие намёки позапрошлой беседы по телефону. К

счастью, я смог договориться на достаточно позднее время; поэтому накануне мне удалось устроить себе небольшой отдых и разрядку. Одна из старинных знакомых как раз приглашала на некое мероприятие, оказавшееся на самом деле не слишком интересным и привлекательным, зато дальнейшее компенсировало такую незначительную потерю. Так что вернувшись утром домой и приняв быстрый душ, я оказался почти полностью подготовлен к новым испытаниям. Почти – потому что последние два дня я сам заметил некоторое охлаждение к тому, что меня занимало и ради чего пришлось принести некоторые жертвы: главным же было общее равнодушие к цели моих изысканий. Абсолютно никого не занимало главное – а что же сделал на самом деле великий актёр и в чём на самом деле состояли его открытия и достижения, а подковёрная возня – основное, с чем мне пришлось иметь дело – занимала зато главенствующее положение, затмевая всё остальное, вместе взятое. И ещё было кое-что тревожное, требующее пристального внимания и присмотра: А. ясно дал понять, что моя активность не прошла незамеченной, и не исключалось, что угрожающий звонок инспирировался именно А. Он являлся главным заинтересованным лицом, и слишком заметно должен был рисковать любой, кто посмел бы влезть без разрешения в его владения: наверняка именно так он и считал, позволяя только одному конкуренту, да и то слишком жалкому и неопасному – Б. – пастись на своём пастбище; причиной же допуска Б. мне виделось давление

общественного мнения: никто не смел обвинить А. в полной монополизации и зажиме критики, и даже к лучшему было наличие некоего дублёра, отстаивающего пусть и несколько иное мнение по поводу основных качеств и достоинств великого актёра.

Я хорошо знал район, куда мне предстояло ехать: там находился большой массив административных зданий, промежутки между которыми занимали офисы серьёзных структур и организаций. И поэтому не слишком торопился: достаточно точно я помнил местоположение нужного мне здания, находившегося почти напротив большого книжного магазина: и по рабочим делам, и просто так мне случалось появляться там много раз, и сейчас я тоже на несколько минут завернул туда. Я настраивался на встречу: сейчас мне безусловно требовалась полная собранность и решительность, и в то же время осторожность: совершенно не обязательно было выдавать опасному сопернику всё, что я смог обнаружить в казавшихся уже долгими странствиях; а в качестве главной задачи следовало выяснить истинное положение вещей: насколько на самом деле он причастен ко всем сложностям и препонам, не позволявшим полноценно собирать нужный материал, и можно ли как-то с ним договориться. Уже заранее я соглашался на некую сделку: я с удовольствием поменял бы обнаруженные сведения и материалы на право без помех заниматься своим делом: школьным тетрадам самое место было в музее, пока ещё неоткрытом, но в любом

случае не мне было оставаться их хранителем.

Я прекрасно сознавал свою ответственность: потомкам следовало иметь полные и объективные сведения об одном из героев и кумиров: вопрос стоял только в том, насколько это созвучно замыслам А. Уже многократно я встречался со свидетельствами предвзятости и намеренной необъективности, и поэтому теперь желательно было готовиться к не самому лучшему приёму, и когда я подходил к проходной – непременно атрибуту всех зданий в этом районе – то почти успокоился: хладнокровие являлось непременным качеством профессии, и не напрасно главный редактор столь высоко ценил меня и дорожил мною.

Пропуск уже дожидался, и оставалось показать паспорт или удостоверение; к счастью, я помнил о неизбежной формальности, и сразу же мне протянули белый квиток и показали дорогу: подниматься надо было почти до самого верха, и требуемый лифт как раз вбирал последних желающих, и оставалось ещё немного воздуха и незанятого пространства.

Но когда я достиг необходимого этажа, было уже почти свободно: только две женщины – шушукавшиеся в дальнем конце – составляли мне компанию, однако в месте назначения – за этаж до самого верха здания – я выбрался наружу в гордом одиночестве. Номер комнаты я держал в памяти, но раз уж меня занесло в столь привилегированное место, то я решил получше оглядеться: не исключалось, что здесь же находятся резиденции многих других значительных и важ-

ных организаций, с которыми мне в будущем придётся иметь дело.

Я поискал глазами доску с бумажными объявлениями: иногда там можно было обнаружить даже полный перечень обосновавшихся фирм. Однако здесь ничего близкого я не заметил: шикарный интерьер не предусматривал, видимо, столь убогого и примитивного дополнения, и только на дверях или рядом с ними красовались металлические или реже деревянные таблички. АО мешались на них с ООО или даже фондами, и в одном месте я наткнулся даже на торгпредство мелкого незначительного государства; два названия оказались знакомы, и я занёс в книжку данный факт. Я собирался двигаться дальше, но неожиданно одна из пройденных дверей отворилась, и я сразу узнал знакомую интонацию. – «Что ж это вы: проходите мимо?» – Я резко обернулся: в открывшихся почти целиком дверях маячил господин в сером костюме с хорошо узнаваемым пристальным взглядом: безусловно, это был А.

Однако неожиданность не повлияла на меня: я аккуратно приблизился и пожал протянутую щуплую руку, и впереди хозяина – пропустившего меня из соображений гостеприимства – двинулся вглубь. Сразу за дверью находился вытянутый кабинет со столом в глубине – секретарша за ним вела оживлённую беседу по телефону – но мы обогнули её сбоку, и за огромным шкафом – вместительном канцелярских товаров – оказалась ещё дверь, уже почти бронированная и го-

раздо более надёжная. Я потянул её на себя: однако что-то не сработало, и потом только подоспевший хозяин аккуратно подвинул меня и нажал маленькую кнопку сбоку на стене. – « Это делается так.» – Дверь сразу же открылась: я подумал, что здесь действует механика, но ошибка выявилась сразу: из-за отодвинутой двери с высоты почти двух метров на меня с интересом взирали внимательные голубые глаза, почти сразу пропавшие вместе с владельцем где-то сбоку, и потом только я увидел широкий бритый затылок, размеренно удалявшийся по коридору налево. – «Ну что ж вы: проходите.» – Хозяин был вежлив, и только показал рукой направление движения. – «Это ваш сотрудник?» – «Разумеется: здесь всё моё.» – Он, как мне показалось, хищно улыбнулся, но я не видел выхода: не так быстро, как мой проводник, но я двинулся вперёд, прислушиваясь к шорохам и еле слышным звукам, просачивавшимся в шикарные апартаменты. Сквозь белые стены и потолки мало что имело возможность проникнуть сюда, и только неясный шум сверху вплетаться в поскрипывание обуви, передвигавшейся по синей ковровой дорожке.

Наконец мы достигли следующей двери: она ничем не отличалась от предыдущей, и после аналогичных действий она так же отошла в сторону. Проводник посторонился: мне следовало двигаться дальше, где уже я заметил ещё одного сотрудника: он казался чуть ниже первого, но на меня взирал почти так же: оценивающе и нахально, однако я не смог раз-

глядеть его подробнее: хозяин помещений настиг меня, и снова с осторожностью показал на дверь в противоположном конце: на этот раз не столь оснащённую и даже чуть приоткрытую.

Я прошёл первым: мы наконец добрались до главной резиденции, и уже только вдвоём оказались в просторном и удобном кабинете. Почти половину стены занимало сплошное окно, за которым я заметил достаточно широкий балкончик; там можно было даже понежиться в оранжевом шезлонге, чем, безусловно, занимался хозяин в свободное от посетителей время; хотя атмосфера центра города была и не лучшим фоном для отдыха.

Сам же кабинет не был загромождён достижениями цивилизации: кроме обширного стола, совершенно сейчас пусто, я увидел три кресла – одно для хозяина и два для посетителей, и несколько акварелей в рамках на стенах: что должно было, видимо, производить на посетителей наилучшее впечатление. Всё прочее, судя по всему, скрывалось во встроенных стенных шкафах, ключи от которых я заметил в двух или трёх местах на стене: обстановка выглядела очень пристойно и современно, и прямо указывала: здесь обитает хозяин жизни.

Пока я разглядывал интерьер и медленно шагал вперёд, владелец кабинета уже устроился в кресле: только потом я заметил выжидательный насмешливый взгляд, и неловко стало заставлять ждать столь занятого и высокопоставленно-

го человека: он мог ещё и обидеться на меня.

«Ну что же: вот вы и пришли наконец, – он взглянул на наручные часы, – и почти не опоздали: всего на три минуты.» – «Простите: вас не так просто было обнаружить.» – «Но вам-то грех на подобное жаловаться: при ваших-то способностях.» – Он мягко улыбнулся, и мне показалось, что он не просто пытается льстить: судя по всему, он располагал некоторой информацией о том, что имело ко мне непосредственное отношение. – «Я вижу: вы здесь неплохо устроились. Кстати: а зачем вам бронированные двери? От конкурентов защищаться?» – «Да нет: скорее уж от просителей, – он как бы просиял, – а конкуренты наши больше нам неопасны.» – Он помолчал. – «А то ведь как они: шебуршатся, шебуршатся, а потом раз – и нету. И где они теперь – бог его знает.» – Похоже, он начинал свою игру, и первый ход выглядел впечатляюще. – «Но ведь постоянно появляются новые: это вы учитываете?» – «Разумеется. Но как правило у них небольшой выбор: либо с нами, либо нет: с соответствующими результатами.» – «Но ведь есть ещё альтернатива: ни вместе, ни против. Как в новейшей математике.» – «Что-то я не слышал о подобном: просветите уж старика.» – Он явно жульничал: подобной скромности я никак не мог поверить. – «Это когда не действует правило исключённого третьего: и чтобы утверждать некую мысль, требуется задать алгоритм для её доказательства. Таким вот образом.» – Он неожиданно хлопнул себя по ляжкам и засмеялся, громко и

протяжно, так что я испугался, не привлечёт ли он внимания охранника в смежной комнате. Однако сотрудники, судя по всему, нормально воспринимали разные проявления своего шефа. – «Кто ж вам доказательства–то предъявлять станет: тут не университет. И доказательства тут встречаются всё больше других типов.» – Он снова веселился, мысленно обыгрывая, видимо, столь забавную идею. Хотя я ничего забавного не замечал.

Наконец он досмеялся и успокоился: теперь он смотрел на меня испытующим серьёзным взглядом, ещё выше, видимо, оценивая мои способности. Я не мешал ему и отвечал так же: безусловно, А. являлся серьёзнейшим противником, и та мощь, которая скрытно витала вокруг него, была просто логичным продолжением и дополнением к тому, чем являлся сам А.: хитрым и опасным магом и властителем.

Он не выдержал первым. – «Как вы, наверно, поняли, я обладаю некоторой информацией, касающейся вашей деятельности за последние дни. Должен признать: вы глубоко копаете, и я вполне оцениваю вашу старательность и находчивость: мало кто способен на такое.» – Я с благодарностью кивнул. – «Но должен заметить: не там вы копаете: не там, где следовало бы. Разве вы ещё не поняли этого?» – Я отрицательно кивнул. – «Вам следовало бы считаться с мнением авторитетных людей. А то что ж выходит: как получать разные блага – так это мы в первых рядах, а когда очередь доходит до расплаты – сразу в кусты?» – «Я ничего ни от кого не

получал.» – «Как же? А образование? А должность в газете – такая тёплая и хлебная – вы разве не считаете некими подарками судьбы?» – «Я их честно получил: своим трудом.» – «Ну знаете: вас ещё, оказывается, учить надо. Да разве вам никто не объяснял, что заняв определённое *место* – именно так! – вы обязаны исполнять некоторые *функции*, данному месту соответствующие? Или – по крайней мере и уж во всяком случае – не делать вещей несовместимых.» – «Что вы имеете в виду?» – Похоже, он опешил. – «Ах, вы меня не поняли? Ведь что такое Р.: он не просто актёр – звезда первой величины – разве в этом дело? Р. – кумир миллионов людей, а к чему могут вести ваши раскопки и изыскания: вы подумали?» – «К установлению истины.» – Он собирался, видимо, продолжить натиск, но мой ответ совершенно вышиб его из колеи: теперь он почти с состраданием глядел на меня. – «О чём вы говорите? Какой ещё истины?» – «Одной-единственной.» – «Извините: но вам, видимо, надо переквалифицироваться: как вы с подобным подходцем работаете в газете: непонятно просто.» – Он снова разглядывал меня, обнаружив что-то для себя неясное и стараясь, судя по всему, уложить это неясное в сложившуюся схему. – «К вашему сведению – если вы не знаете – я считаюсь лучшим среди молодых сотрудников газеты. Одно не мешает другому: а Р. для меня – давняя память и любовь.» – «Ну-ну: это мы проверим. И всё-таки: разве вам не ясно, что обществу нужны не просто гении – нет! – обществу нужны *герои*, на ко-

торых оно могло бы равняться и брать пример: а кем он там был на самом деле – бабником или алкоголиком – обществу совсем даже неинтересно.» – «Но при таком подходе... подойдёт почти любой: в герои-то.» – «Вот уж нет: тут вы ошибаетесь: и очень глубоко.» – Он потёр руки и сжал их, приготовившись к углублению в тему. – «Ведь герой: разве он просто так создаётся? Ни в коем случае: слишком уж много дополнительных факторов, и гениальность – не самый главный, и даже почти второстепенный.» – Цинизм несколько покоробил меня: я ожидал чего-то подобного, но не в такой степени откровенности. – «А что же может быть важнее?» – «Направленность: то есть к чему призывал. А также происхождение.» – «А при чём тут происхождение?» – «Иногда вы кажетесь чересчур наивным. А вы не прикидываетесь: например, дурачком?» – Он сощурился и впился в меня глазами: школа тайных служб не прошла, видимо, даром, и временами неприятно было выдерживать общение с хозяином кабинета: подозрительным и двуличным. Однако не так-то просто было проникнуть в мои мысли, и А., похоже, так ничего и не вычитал в моих глазах. – «Ладно, это мы ещё проверим: не думайте, что вы такой сильный: и на старуху найдётся проруха.» – Намёк выглядел внушительно, и ни в коем случае не следовало игнорировать его: во избежание последствий.

«А насчёт происхождения: всё ведь абсолютно очевидно. Вот ведь лет семьдесят назад: когда рухнуло старое и воз-

водилось новое: ведь что тогда требовалось? Пролетарское происхождение: и ради него многие даже обзаводились липовыми документами. И герои – на тот момент выдвигаемые на пьедестал – разве могли иметь другую родословную? Ни в коем случае: разве допустимо подобное? Ведь чтобы какой попович или профессорский сынок стал героем и попал на первые страницы – ведь что должно было случиться? – град, мор и землетрясение, с выпадением бдительности в осадок. А чем мы хуже-то?» – Похоже, он дразнил меня. – «И между прочим работка-то – по подбору кандидатур – очень даже непростая и крайне ответственная: если вы не поняли. Но мы люди привычные, и вполне способны на запросы отвечать и отчёт в нужном объёме представить: если спросят. И несколько кандидатур – просто пальчики оближешь! – мы уже вполне обоснованно наметили: князь Т. – слышали, надеюсь? – ставший родоначальником некоей реформы – вскоре, правда, почти заглохшей; писатель Н. – чем вам не герой: могучий, громогласный, и абсолютно вписывающийся. Или ещё: купец С., жертвовавший на балет и богоугодные заведения: чем не пример для подражания?» – Он перевёл дух. – «И что ведь с главными кумирами было-то? Ведь когда – восемьдесят лет назад – они предшественникам под зад дали, они ведь почти сразу поняли: без героев – никак нельзя. И быстренько из имеющегося материала новых себе сварганили: Маркс там, Энгельс, Роза Люксембург. И так далее. Хотя и не до конца, разумеется, с происхождением всё в

порядке оказалось: но где особо выпирало – чуток поскоблили, а где не хватало – и немного цемента добавили. И с главным из них – вы ведь знаете? – абсолютно так тоже было: и кто ж посмел бы в чём нехорошем того дедушку заподозрить – с ним ведь что случилось бы?» – Он замолчал и зловеще уставился на меня, ясно давая знать о безусловных последствиях подобной неприличности. – «Теперь же: как вы понимаете – новые времена: с новыми веяниями. И старый пантеон мы – само собой – вынужденно закрываем. И сразу создаём новый: с соответствующими характеристиками и параметрами.» – Он откинулся на спинку. – «И мы никому не позволим вносить изменения в список: уже почти утверждённый и одобренный!» – «Кем одобренный?» – Я сразу отшатнулся: теперь он глядел почти свирепо. – «Вы с кем играете? Вы думаете: со мной играете? И чем кончается подобное: об этом вы пока не задумывались? А я могу сказать: если надо. Сказать?» – Я отрицательно качнул головой: угроза выглядела уже явно и неприкрыто, и мне не хотелось распалить его окончательно: я вполне верил в его широкие связи и возможности.

Я пока ещё молчал, давая А. возможность самому сделать следующий шаг, однако теперь он не слишком торопился: он старался, похоже, понять логику моих действий и поступков, заметно отличающуюся от всего, с чем он обычно сталкивался. Старый делега и махинатор, безусловно, придерживался иных принципов, и пытался состыковать теперь зияю-

щие прорехи: уж он постарался бы использовать в дальнейшем мои слабости и недостатки, до которых сейчас с явными усилиями старался докопаться. Но главным было не это: совершенно явно он демонстрировал мне глубину пропасти, к краю которой я подошёл, незаметно сам для себя и окружающих, и он – в качестве доброго благодетеля – как бы открывал мне глаза: чтобы я не свалился с невероятной высоты, превратившись далеко внизу в мешок мяса и раздробленных костей.

Наконец он что-то, видимо, решил. – «А ведь я знаю, что вы думаете: сидит тут такой паук и распускает повсюду паутину, чтобы в неё разная мошकारа попадалась. Так ведь думаете? Только вот паутинка наша и слона выдержит – если потребуется, ну да не в этом-то суть. Разве мы стремимся к чему-то дурному? – ни в коем случае. А Р. я люблю не меньше вашего: чтоб вы знали. И светлый-то образ – куда приятнее и краше: чем это паскудство.» – Он ухмыльнулся. – «А я ведь и такое знаю, до чего вы никогда не докопаетесь: при всей находчивости и старательности. Но ведь я не лезу: а ведь мог бы сотворить такую бомбу!» – Судя по всему, он перешёл к новой тактике, стараясь излишней откровенностью выманить меня: но я решил не поддаваться. – «У вас другое положение. И задачи тоже.» – «А насчёт задач: здесь вы, извините, неправы. Задача-то у нас одна: вылезти наверх; и как можно выше. Разве не так?» – Он почти смеялся, ласково и внимательно глядя на меня, уже с помощью

открытого цинизма пытаюсь пробить мою защиту, пока ещё недоступную и слишком прочную. Я не решился подхватить скользкую тему, и ему пришлось отдуваться дальше. – «Ведь ради чего всё делается-то? Ради проникновения к главной кормушке: там и так уже тесно, а вокруг всё давят и напирают новые претенденты, не считаясь с законами и приличиями. Разумеется, кормушка не одна: их много – вон сколько поставлено! – только в большинстве-то одна пшеница и просо: вместе с размоченным хлебом. И только одна-единственная: во всём отличается.» – «Это – номенклатура?» – «А хоть и так! Хоть горшком назови: дело не в названии.» – Он снова улыбнулся. – «А вы понятливый. И мне нужны люди понятливые: вроде вас. А со статейками вашими – в газете – я тоже уже ознакомился: талантливо работаете. И хочу предложить вам задание. Разумеется, при условии отказа от вашего нынешнего замысла: с соответствующей компенсацией в ходе сотрудничества.» – Теперь я понимал: он пытался подкупить меня, заманивая в широко расставленную ловушку из паутины: сравнение с ядовитым членистоногим явно выглядело уместно, доказывая ещё больше его ум и деловые качества: А. прекрасно осознавал то впечатление, которое производил на меня.

Я не решился сразу отвечать отказом. – «А нельзя поконкретнее: что за задание? И сколько стоит?» – «Какие мы быстрые!» – Он, похоже, даже оживился: глаза уже довольно смеялись, и если бы я хоть в чём-то доверял ему, то мог

бы подумать: он сам уже верит в благополучный для себя исход. – «Да заданьице несложное: пара разоблачительных статей – и несколько тысяч у вас в кармане: по штуке за каждую. Идёт?» – Предложение выглядело слишком щедро. – «А что разоблачать-то надо?» – «Скоро узнаете. Да и какая вам разница: в конце концов?» – Он был почти прав, если всё это не являлось красиво обставленной ловушкой: ведь если бы объектом оказался некто из достаточно высоких или, например, не вполне официальных, но могущественных кругов, то ведь подставить меня А. мог почти элементарно: один звонок тайного доброжелателя взбешённому статьёй объекту разоблачения – и у меня не оставалось бы шансов на спасение, особенно если факты касались событий последних лет: столь тягостных и неприятных. – «А какие вы можете дать гарантии?» – «Гарантии? Чего гарантии?» – «Гарантии безопасности. И надёжности оплаты.» – Он почти гадливо посмотрел на меня. – «Вот оно как, значит? А простое слово вас уже не устраивает?» – Я мотнул головой. – «Я ему делаю почти фантастическое предложение, ради получения которого – только свистни! – половина репортёров города – да что города: со всех окрестностей слетелись бы, как мухи! – а он мне тут условия выставляет! Вы кому условия тут выставляете: вы знаете?!» – Я молча кивнул. – «Ну так что: вы согласны?!» – Я боялся говорить что-то до конца определённое, и пока подбирал слова, он исподлобья всматривался, пытаясь понять ответ. – «Я могу подумать?» – «Подумать? О

чём здесь думать: вы как ребёнок.» – Он что-то поискал под столом. – «Ответ мне нужен сегодня же: до вашего ухода.» – Он откинулся на спинку и расслабился: беседа требовала, безусловно, заметных усилий, и пока я изображал умственные страдания, он мог позволить себе передышку. Я не торопил время: вполне возможно, что мне удалось бы надоесть деловому и активному хозяину кабинета, и я благополучно миновал бы встречу, не взвалив на себя лишнего опасного груза. Слишком уж сильно я рисковал бы тогда, причём риск был и финансовый, и самый тягостный и суровый – для жизни. Пока я обдумывал детали, в кабинете что-то произошло: я обернулся и только тогда увидел секретаршу из прихожей: она катила тележку с чашками, блюдами и двумя массивными сосудами: надо полагать, с разными видами жидкости.

Мы молча наполнили себе чашки – в сосудах оказались чай и газированная вода; я избрал первое – и секретарша с тележкой также молча удалилась за дверь: сотрудники здесь, похоже, были основательно вышколены.

Всё так же я не спешил с ответом: безусловно ответ являлся отрицательным, да и ради чего имело смысл взваливать на себя лишние заботы, небезопасные и связанные с полной сменой курса: слишком уж серьёзно я относился к памяти актёра, чтобы так вот отказываться от замысла. Сложность состояла в том, что Р. был уже не просто актёром: он стал теперь актёром, избранным свыше для прикрытия тёмных дел и махинаций, ему предстояло превратиться в новую

ширму для старых привычных занятий, и слишком уж была велика вероятность неуспеха: канонизированному образу – как обычно – следовало стать вместилищем всех достоинств, и любые попытки опровержения этого должны были – по идее – караться уже свыше. Теперь я намного лучше стал понимать трудности, с которыми мне пришлось столкнуться по пути сюда: слух, видимо, уже начал расползаться по сферам, пока ещё в наибольшей степени приближённым к новому объекту поклонения: кое-кто уже имел соответствующую информацию, и я – как постороннее и непонятное лицо – безусловно выглядел инородно и почти пугающе.

А. уже разобрался с чаем: теперь он внимательно наблюдал за мной. Я сознательно тянул время, стараясь как можно мягче и тоньше уйти от опасности: инициативу я решил предоставить хозяину кабинета.

Наконец я допил: я всё ещё собирался с духом, но А. больше не стал ждать и оставил церемонии. – «Ну так как же: надеюсь, вы готовы?» – «К чему?» – «Вы меня удивляете: придётся вам придать дополнительный импульс; чтобы лучше думалось.» – Я насторожился. – «А вы ребяток моих видели? Которые нас сюда провожали?» – «И что?» – «А то: стоит мне сказать им: а возьмите-ка вы этого Буратину вредного и потрясите над балкончиком – вон там – видите? – и пускай у Буратины что-нибудь из карманов вывалится, чтобы он хорошо видел, как предметы долго опускаются на грешную землю, а ветерок пусть пораскачивает балкончик, но глав-

ное при этом, разумеется, чтобы у ребят не дрогнули руки – ведь всякое же случается – а иначе придётся тому Бурати-не повторить маршрут вышеописанных предметов. Но про-делать всё это, разумеется, лучше будет в тёмное время су-ток: потому как для визитов жуликов и воров ночь наиболее подходящий промежуток: вы со мной согласны?» – Теперь угроза уже была реальная и непосредственная: я не сомне-вался в наличии на грязном счету бывшего агента наиболее известной из тайных служб тёмных и загадочных дел, и даже возможно – трупов, по которым – поднимаясь выше и выше – хозяин кабинета переступал, строя личную карьеру. Воз-можно, мне стоило соглашаться с предложением: чтобы по-том хитрыми путями от него отказаться, и в то же время не оставить замысел: теперь я видел главного врага, и грязные угрозы подействовали противоположным образом: это была бы борьба за правду – и против лжи. Но неожиданно он глу-хо и длинно рассмеялся: он ржал с наслаждением, понимая, какого страху нагнал сейчас на меня, и демонстрируя свои скрытые пока возможности, недоступные мне и ставящие меня в другой разряд людей. – «А я пошутил: вы что же – шуток не понимаете? А ещё журналист. Только так и можно вашего брата образумить и поставить на место: чтобы не за-рывались. А то видите ли: хочется ему книгу написать. А мне что: не хочется?» – «Так делайте её.» – «Да? Какой умный вы, однако. А сколько стоит моё время: вы знаете?» – Я от-рицательно качнул головой. – «Не знаете, а транжирите его,

как будто оно только ваше.» – «И чем же вы занимаетесь?» – «А я почти как в том стихе: «владелец заводов, газет, пароходов»: без последнего пункта, правда; на данный момент, разумеется. И мог бы предложить вам недурной вариант: если оправдаете доверие. Как насчёт должности заместителя главного редактора? Для вашего возраста – просто небывалая карьера. Вам ведь двадцать семь?» – «Двадцать шесть.» – Теперь я ясно видел, с кем имею дело: мне хотелось сказать, что грабители, взявшие банк, тоже чувствовали себя победителями, и корсары, потопившие ограбленное и наполовину уничтоженное судно, безусловно оказывались на вершине успеха, только рано или поздно удача отворачивалась от них и приходила расплата в виде виселицы или электрического стула, но А. вряд ли отнёсся бы сочувственно к такой оценке. – «Так это совсем даже здорово! У меня несколько изданий: я мог бы предоставить даже свободу выбора. При соответствующем подходе.» – Предложение выглядело слишком даже солидно: ставки ползли вверх, и если игра не была подстроена, то на самом деле сотрудничество могло дать очень много. Хотя в любой момент он мог забыть об обещании. – «А если я всё-таки не соглашусь?» – Я решился на резкий выпад. Теперь он уже с огромным интересом и даже уважением наблюдал за мной. – «Вы знаете: я уже полчаса пытаюсь понять: ради чего вы стараетесь? И мне – представьте – не удаётся.» – «Ради истины.» – «Истины?» – Он наморщил лоб, и, как мне показалось, изумился. Но соображал он

быстро. – «Истины? Так вы из этих, значит – из идеалистов: которым кроме истины ничего и не надо?» – «Почему же: мне много что надо.» – «Понимаю, понимаю.» – Он задумался. – «И много она вам дала?» – На риторические вопросы я решил не отвечать. – «И самое главное: а кому она нужна-то? Знаете что: вы постоите-ка у подъезда этого здания и задайте сотне человек вопрос: насчёт истины. И как вы думаете, какой получите результат?» – Он говорил напористо и в то же время весело: столь тривиальный результат – вместо которого он наверняка предполагал нечто более серьёзное – например, происки влиятельных конкурентов – казался ему, видимо, легкоразрешимой задачей. – «Они ничего не понимают: почти все.» – «Разумеется: а зачем им вообще надо: понимать-то?! У них ведь что главное-то: знаете? А главное у них: понимание того, с какой стороны у бутерброда намазано масло. И с какого боку к данному бутерброду подойти требуется: чтобы пожирнее вышло.» – «Не у всех так.» – «Правильно: у девяноста пяти из ста; или нет: скорее девяноста девяти. Прочее же их не интересует: это стадо баранов. А где есть стадо: должен быть ведь и пастух.» – «Уж не вы ли?» – «А почему и нет-то: кто смел – тот ведь и съел-то. А прочим достаются уже объедки. Или вы не согласны?» – По существу он говорил правду, и я только кивнул головой. – «Они ведь все бездуховны, и без нас метались бы хаотично: водку бы жрали и наркотиками закусывали.» – «Они и так уже это делают.» – «Правильно! Потому как мы только при-

ступаем: к наведению порядка-то. Вы что думаете: это так просто? В одну сторону – овец, в другую – ягнят, и даже по возрастам и категориям: не так-то просто всё это делается. И без духовных авторитетов – нам никак даже нельзя.» – Разговор развивался в неожиданном направлении: в предчувствии победы он выкладывал уже такие сведения, в какие вряд ли имел право посвящать чужих: осторожность изменила ему. – «Подобные эксперименты обычно плохо кончаются.» – «Да? Ну и что: зато у них есть обыкновение тянуться достаточно долго. И двух десятилетий нам вполне будет достаточно.» – Теперь он выглядел ещё откровеннее: срок оставшейся собственной жизни он, судя по всему, определял в близкую цифру. Мне стало неприятно: сейчас я реально ощутил, в каких руках находится моя судьба и судьба многих других, не знающих пока ничего и не подозревающих возможных опасностей и угроз: они приблизились и показались наконец из-за тумана неясной возни и суеты, и я только теперь почувствовал страх.

Но слишком опасно было показывать это хозяину кабинета: он мог воспользоваться им и довести дело до конца. Теперь он покровительственно взирал на меня, дожидаясь, возможно, моего последнего слова: но я не собирался облегчать ему жизни, и А. снова пришлось взять инициативу на себя. – «Так что вам остаётся только одно. И можете не обижаться: такие предложения я нечасто делаю. А мог бы и по-другому: как с тем Буратиной – помните?» – Он ухмыльнулся: могло

даже показаться, что он имел в виду нечто, что произошло на самом деле: а не было лишь пустой фантазией. – «И ведь девяносто девять из ста могут только позавидовать вам: они ведь силы-то на что всё больше тратят? Чтоб вскарабкаться как можно выше: тут тебе и травка помягче, и климат поприятнее. И прочие удобства: с трудом перечислимые. Ну так что же?» – «Я отказываюсь.» – Сам не знаю по какой причине: я не мог сказать по-другому, и пока самоуверенный хозяин кабинета и хозяин многого другого пытался осознать ответ, я быстро поднялся на ноги: я подошёл к двери, в любой момент выжидая, не вызовет ли А. подкреплений. У самой двери я обернулся. – «Извините. И прощайте.» – Я всё-таки заметил, каким тупым взглядом он смотрит на меня: я не решился ждать дальше и открыл дверь. Охранник спокойно сидел на стуле и только проводил меня глазами: он явно не получал команды на задержание, и только буркнул в радиотелефон несколько слов: касавшихся, судя про всему, моего отбытия из конторы. Я быстро прошёл длинный коридор: в последней комнате была почти идиллия: секретарша пудрила лицо и болтала со вторым охранником – более высоким и внушительным: я не стал прощаться, и аккуратно закрыл за собой дверь, и только здесь вздохнул: мерзкий паук так всё же и не решился на открытую борьбу, и теперь – наверняка – мне предстояла борьба подковёрная, хорошо наверняка знакомая хозяину высокого кабинета, где мне одному предстояло противостоять всей банде: наверняка ведь он должен

был теперь организовать правильную осаду, и – уже очевидно – звонок организовывался именно им, и неизвестно было, смогу ли я всё выдержать и довести такое невинное и обычное дело до логичного конца.

Я пока не собирался сдаваться: в тот же день вечером я смог наконец дозвониться бывшему другу Р.: когда-то они посещали вместе занятия в институте, вскоре оставленном будущим кумиром и героем поколения; однако совершенно никакого воздействия данный уход не оказал на отношения, продолжавшиеся уже несколько лет до того: они продолжали общаться в свободное от учёбы время, проводя его в попойках и прочих развлечениях, не всегда столь уж мирных и безобидных. Если бы участником компании не оказался Р. – впоследствии кумир поколения – то вполне допустимо было бы именовать их просто бандой: что подтверждалось судьбой одного из участников, отсидевшего срок за хулиганство. Вполне возможно, что отмотавший срок на самом деле покрывал общую вину, которая – в случае распространения на всех участников – привела бы к значительно более тяжким последствиям: включая удлинённые сроки отсидки и поломанные карьеры. Так что принявший на себя удар на самом деле оказывал влияние на искусство: с подобным пятном в личном деле молодому начинающему актёру никогда не позволили бы выйти на сцену, и влияние могущественного родителя – ещё раньше в школе позволившее миновать

некоторые трудности – здесь уж вряд ли имело шансы оказать благотворное действие: его бы с треском выставили из театрального института, и почти наверняка Р. продолжил бы путь вниз – по наклонной плоскости.

Однако такого не случилось: У. один полностью отдувался за приятелей и собутыльников, позволив многим из них чего-то добиться в жизни. Сам же У. – по понятным причинам – оказался в числе неудачников: выйдя через год или два из мест заключения, он работал в различных областях, не требовавших строгого отбора и отсеивания кандидатов. Насколько мне было известно, он продолжал поддерживать отношения с Р., хотя и менее активно: эта часть воспоминаний У. была прописана значительно туманнее, и во всём этом мне и хотелось разобраться.

Встреча на завтра была определена достаточно рано – в десять часов, и потому я решил лечь пораньше: я хотел дать себе нормальный отдых, не отвлекаясь на постороннее; я рылся в бумагах, восстанавливая в памяти то, что могло пригодиться на следующий день, когда резко и неожиданно зазвонил телефон. Подходить я не хотел: ещё несколько дней назад я предупредил друзей и знакомых о предстоящей работе с просьбой не звонить и не беспокоить по пустякам; однако телефон надрывался, и я почувствовал некоторую тревогу: звонил явно посторонний. Я решил переждать и не реагировать; однако после короткого перерыва – как раз необходимого для нового набора – телефон снова зазвонил не пере-

ставая, так что пришлось наконец подойти. В трубке шумно сопели, но я не узнал человека на том конце: уж здесь-то я не собирался проявлять инициативу, и когда звонивший осознал это, ему пришлось самому начинать беседу. – «Алло, вы что молчите?» – «А почему я должен что-то говорить?» – Я узнал человека: там был Б. – «Ну вы нахал: не ожидал я от вас подобного.» – «А какое ваше дело: разве я вам чем-то обязан, чтобы вы могли читать мне мораль?» – Выпад получился резким, но справедливым: его позиция меня теперь абсолютно не интересовала. – «А ведь когда мы встречались, вы ведь совсем по-другому вели себя и говорили о другом.» – «Мало ли: что я говорил тогда. Вас это не должно касаться.» – «А мне вот сообщили: что вы располагаете некоторыми материалами.» – «И что дальше?» – «Как что? Но если вы что-то нашли, то должны поделиться; и во всяком случае не держать при себе: как собака на сене. Разве это допустимо?» – Мнимая наивность позабавила меня: под дурачка играл уже он, явно не понимая бесперспективности занятия. Я даже подумал: а не поводить ли его за нос? но вовремя подоспевшая осторожность заставила остановиться: незачем было наживать ещё одного серьёзного врага в лице одного из немногих людей, остававшихся пока нейтральными. – «Я пока не готов к этому, и кроме того: слишком занят.» – «А по поводу занятий ваших мы тоже наслышаны. Что же вы: весь город на дыбы поднимаете?» – «А не интересуется меня город: в данном случае.» – «И жульничать: разве хорошо?» – «А кто

жульничает?» – «Как кто?! Ну вы и нахал!» – Похоже, он задохнулся от ярости, потому что несколько секунд я слышал невнятное бульканье и шипение, и только потом снова возник резкий гортанный голос. – «А что с молодцами такими бывает: вы *это* знаете?» – «Мне уже объясняли: в одном месте.» – «Так я вот вам тоже объясню: таких молодцов надо – как щенков – топить в проруби: чтоб другим неповадно было!» – «За что же так сурово?» – Собеседник что-то мяукнул и сразу бросил трубку: у него, видимо, не осталось больше слов – по крайней мере приличных – или ярость зашкалила все допустимые пределы, и для её выражения требовались иные средства, не столь мирные и безопасные.

При всей осторожности я получил нового противника: оставалось надеяться, что он совсем не так грозен, и только объединившись с А. смог бы иметь значение. Очень возможно, что как раз А. и накачал сейчас его: вряд ли откуда-то ещё поздний собеседник мог получить информацию, но – слава богу – мне больше не требовались помощь и содействие главных знатоков и специалистов: теперь дело зависело от людей – насколько я представлял себе – не связанных ни с тем, ни с другим деятелем, и при соблюдении осторожности можно было ещё надеяться на успешное завершение.

Когда на утро следующего дня я подходил к высотному зданию на окраине города, то уже представлял себе, как это будет: пожилой опустившийся человек станет что-то мямлить, а мне с большими усилиями придётся направлять его

излияния в нужное русло. Примерно такой сценарий и предвещало первое впечатление от встречи: дверь отворилась не сразу же, а через минуту, и помятость физиономии хозяина вполне демонстрировала различные интересы и пристрастия: от него также чуть попахивало, хотя и не слишком сильно и отталкивающе, и если бы он с ходу предложил выпить, в этом не было бы ничего странного. Однако он не предложил: вежливо поздоровавшись он закрыл за мной дверь и кивком головы пригласил вглубь помещения.

Квартира, судя по всему, имела две комнаты: дверь налево оказалась прикрытой, и я пошёл вперёд: большой кабинет являлся продолжением коридора, и здесь – если судить по жестам У. – мы и должны были расположиться. Я пропустил его вперёд: не следовало показывать нетерпение и торопить хозяина: он оставался одной из последних надежд, и не было никакого смысла оказывать на него давление: наверняка он сам не прочь был посплетничать и порассуждать о старом друге и собутыльнике.

Мы уселись на диване: я ожидал, что он предложит мне хотя бы чая с лимоном, но он всего лишь устроился напротив и молча уставился на меня. Тогда я сам попросил что-нибудь попить: за время поездки очень уж пересохло горло, а для продолжительной беседы требовалось находиться в идеальном состоянии. Он кивнул на плиту: мне самому пришлось налить себе из чайника в единственную чистую кружку холодной воды. Такая встреча – после предыдущего – не

предвещала хорошего: пока я не понял, чего можно ожидать от друга Р., но инициативу он явно предоставил в моё распоряжение. – «Извините – Сергей Иванович, если не ошибаюсь? – за столь неожиданное вторжение: меня интересует любая информация, имеющая отношение к вашему великому другу – Р.» – «Бред.» – Я не сразу разобрал слово, так неожиданно вылетевшее у него. – «Извините: вы сказали – бред?» – «Да.» – «И что же вы имеете в виду: вы не могли бы разъяснить подробнее?» – Он вдруг часто заморгал, как бы просыпаясь. – «Это кто великий? Это он – великий?!» – «Но позвольте: я же сам читал статью, где вы собственноручно воссоздавали – можно сказать – некоторые моменты общей биографии: с соответствующими оценками и подробностями.» – «Брехня это.» – «То есть?» – «Приходил ко мне один: тоже журналистом представлялся. Вы не дружок его будете?» – «Ни в коем случае!» – «Так вот: брехня всё это. То есть: что потом напечатали.» – Кажется, я понял его: однажды грубо использованный и оболганный, он заранее не доверял мне. – «Если я не ошибаюсь, то в той статье всё выглядело достаточно мирно и спокойно.» – «Вот именно что! А я ведь не так рассказывал: и вообще я не знаю, зачем согласился на встречу: все вы жулики и проходимцы!» – Я вынуждено согласился. – «Хорошо: я понимаю ваши чувства. Но не могли бы вы сделать простую вещь: рассказать мне всё то же самое; хотя обещать я кое-что могу: если материал не сможет быть использован в первоначальном виде, он не бу-

дет использован вообще.» – В который раз я давал обещание: но если прежде я старался выдать правду из заинтересованных в её сокрытии, то теперь дело выглядело по-другому: я собирался сдержать слово.

Я говорил абсолютно искренне: наконец мне улыбнулось счастье, и среди стаи пауков и мерзких прихлебателей я наткнулся на союзника и единомышленника: безусловно, он не был ни в чём заинтересован, и то, что нас роднило – была истина, чьим временным хранителем он являлся. – «Как раз реальные факты меня и интересуют: уж поверьте мне пожалуйста.» – Он всё ещё часто моргал, не склоняясь ни к одному из возможных решений; я мог упустить его и не получить то, что мне предназначалось, и тогда я достал главный козырь. – «Видите ли, в чём дело: одна из целей моей жизни – и может быть, главная – состоит в написании книги: правдивой и глубокой книги о том, кем же был ваш друг: пускай со всеми его недостатками и погрешностями! – но не знаю даже по какой причине – и не смогу объяснить рационально – пока я не сделаю этого, я не смогу жить спокойно. И если бы вы знали, с какими препятствиями мне пришлось уже столкнуться: я даже подумывал об отказе. Но что-то не пускает меня и не даёт возможности бросить дело: даже несмотря на противодействие типов вроде А.!» – «А.?» – Он передёрнулся. – «Вы сказали: А.?!» – Теперь он задрожал и с испугом отодвинулся от меня: пожилой одинокий человек, наверняка больной и слабый. – «Так он и есть главный гад, с которо-

го всё и началось!» – «Что, простите, началось?» – Он, казалось, испугался собственной смелости. – «А всё, что только можно!» – Он облизнул губы; я не торопил его. – «Ведь он как прицепился к Р. – как клещ поганый! – так и не слез: до конца жизни. А меня ещё заставил дело на себя взять: как будто я один виноват оказался!» – «Простите, что взять?» – «Вину: за побитые окна.» – «Но каким образом?» – «Вы что: не знаете? Так он же из органов!» – Теперь я почувствовал настоящий ужас: бывший друг и собутыльник Р. до сих пор сохранял кошмарные воспоминания о том самом человеке, с которым мне пришлось общаться накануне. Теперь и я полноценно ощутил, к краю какой пропасти меня занесло нелёгким ветром: слишком уж легкомысленно я отнёсся вчера к намёкам, угрозам и предостережениям могущественного человека, не только не утратившего былой силы, но и получившего новые возможности и рычаги, благодаря которым заставить меня не путаться под ногами было делом абсолютно элементарным. Его угрозы не являлись шуточными и придуманными грязной нелепой фантазией: а уж после некоторого саморазоблачения они становились и того опаснее и суровее: он выдал мне часть планов, связанных с будущим использованием святого для меня имени – в корыстных исключительно целях! – и мог воспринимать меня почти врагом. Он ведь даже так и сказал: я вспомнил несколько вчерашних фраз и особенно ключевую – излюбленную фразу всех тиранов и диктаторов. – «Дело в том, что я знаю это: или по

крайней мере догадывался.» – «А то, что мой великий – вы ведь так сказали? – друг – также оказался завербован: это вы знали?!» – Я почувствовал, как сердце проваливается в оглушительную пустоту и мне не хватает воздуха: он пронзительно смотрел мне прямо в глаза, оценивая силу и последствия удара. Я медленно приходил в себя, всё ещё соприкасаясь с ним взглядом: бывший друг моего героя и кумира не собирался добивать меня и ждал – судя по всему – очередного вопроса. – «Но позвольте: как? И зачем?..» – «Как завербован? Не знаю. А вот зачем: могу объяснить.» – Он облизнул губы. – «А то, что он был мерзавцем и прямая дорога ему была в зону: вы это знаете? и что зачинщиком и организатором почти всегда являлся он – и без прикрытия не видеть ему театра и всего остального? И то, что я отбывал его вину – почти исключительно! – но у него уже имелись покровители, и чтобы с ними полностью рассчитаться – тут я не сомневаюсь! – ему и пришлось стать агентом. И после этого: великий друг?!» – «А доказательства?» – «В архивах ищите ваши доказательства: архивах соответствующей службы!» – Он говорил сильно и убедительно: горькие слова окончательно подводили всему итог и выстраивали общую картину – абсолютно непохожую на сусальный светлый образ! – но У. являлся его другом и вряд ли стал бы сочинять невозможное: какой смысл ему было лгать так нагло и открыто, противореча сразу всему, что находилось на поверхности. – «Хорошо. А что ещё вы знаете об Р. такое, что никому не известно?» –

«Я?! Я всё знаю!» – Он задохнулся от ярости; я не торопил его. – «Почему он умер: *это* вы знаете?» – «От водки?» – «Если бы! То есть конечно: мог и от неё, но умер он от наркотиков: с дозой перестарался!» – «Разве он принимал?..» – «Вы хотели правду? Или я ослышался? Вот вам правда!» – Он почти кричал на меня, но торжества или радости здесь не было в помине: он просто выкладывал голые факты, мерзкие по вкусу, запаху и цвету: наверняка он очень по-доброму относился к Р. в прошлом, и только мышьяковая возня вокруг смогла вынудить его на откровенность; я теперь хорошо понимал его.

Он подтверждал самое главное, но теперь дело выглядело иначе и уже я сам по-другому ощущал его: обнаруженные так поздно залежи – самого опасного состава и концентрации – ошеломили и почти раздавили меня: я пока ещё не полностью пришёл в себя, но совершенно очевидно, что ситуация кардинально менялась. Даже если бы я захотел представить на общий суд хоть часть обнаруженных фактов – то вряд ли получил бы такую возможность: слишком большие силы и безусловно деньги оказались замешаны во всём, что окружало память Р., а выход в политику – так явно продемонстрированный накануне – вообще ставил крест на затее. Светлый первоначально образ темнел и покрывался тенью, из которой высверкивали искры адского огня и несло чуть ли не серой, сгорающей в inferнальном пламени, не щадящем ничего вокруг: здесь были либо жертвы огня, либо мерзкие

пауки и прихлебатели, наделённые как минимум защитой от тёмной силы – либо являющиеся сами её представителями и агентами, и в такой компании я чувствовал себя неудобно.

Мне требовалось разобраться в ощущениях: если вначале Р. выглядел безусловным гением и героем поколения, то теперь ореол героичности полностью померк и испарился, и только сами роли – в лучших образцах и проявлениях – могли служить оправданием грязи и копоты, обнаруженной под тонким слоем штукатурки; умелые мастера не могли, конечно же, целиком замазать гнилое тухлое основание, и в конце концов мне удалось добраться до главного, глубинного слоя, только теперь отношение к Р. претерпело изменения: я начал замечать охлаждение жанды, столь сочно описанной У., и в большей степени охотничий азарт поддерживал меня в неблагоприятном спорном деле.

«Вы рассказали о нём всё: что только можно?» – «Почти.» – Он почему-то замялся. – «Есть ещё что-то личное?» – По вспыхнувшему взгляду я понял, что не ошибся. – «Есть. Он соблазнил и бросил мою невесту. Пока я мотал за него срок.» – «Но после выхода на свободу вы... возобновили дружбу?» – «Нет. Я встречался, чтобы выяснить отношения.» – «И что же?» – «Он уже был под защитой: и ясно дал мне это понять. А в зону мне больше не хотелось.» – Он становился сумрачнее и тяжелее: воспоминания действовали не лучшим образом на него самого, и я понял, что добрался до дна пропасти; я не собирался продолжать почти видимую

пытку. Но кое-что я решил уточнить. – «Скажите: а насколько опасен может быть А.?» – «А.? Он всё может. И если вам жить охота: лучше с ним не связывайтесь.» – Он пристально посмотрел мне в глаза. – «Мне пришлось с ним встретиться: как раз вчера почти в это время.» – Он испуганно отпрянул. – «Вы с ним договорились?» – «К сожалению, нет: он слишком грубо вёл себя.» – Его глаза почти округлились. – «Но вы не проболтались: что придёте сегодня ко мне?!» – «Вашего имени я не называл.» – «Но он мог и «хвоста» пустить!» – Он вскочил с места и прильнул к окну, рассматривая идущих – в поисках возможной опасности. Неожиданно он обернулся. – «Убирайтесь отсюда! Я не хочу из-за вас попасть на тот свет: раннее положенного срока!» – Несмотря на хилость он двинулся на меня – как ящерица, широко открытой пастью старающаяся испугать противника; я сразу же поднялся: мне не требовалось собирать вещи и одеваться: медленно отступая я добрался до входной двери. – «Спасибо за информацию. И прощайте.» – Он хмуро молчал, и я даже не стал протягивать ему руку: я быстро нащупал собачку и отодвинул её; темнота и неизвестность коридора пугали, но мне пришлось шагнуть туда, и сразу с громом дверь захлопнулась, оставив меня одного посреди напряжённого замкнутого пространства.

Спускался я с помощью лифта: если меня и подстерегала угроза, то гораздо проще было организовать засаду на лестнице, где вряд ли кто рискнул бы – даже при самой ярост-

ной стрельбе – высунуть нос из квартиры. На первом этаже я огляделся: посторонних вокруг не было и никто не спешил вниз по ступенькам, что могло означать припозднившуюся погоню, с задержкой обнаружившую пропажу.

Потом я аккуратно выглянул на улицу: женщина с коляской вряд ли могла представлять угрозу, так же как и двое подростков, возившихся у соседнего подъезда с собакой; вблизи я никого больше не заметил, но в действительности это ничего не значило: «хвост» мог быть приставлен с чисто разведывательной целью, и притаиться где-нибудь в кустиках с биноклем в руках ему ничего не стоило.

Я решил проверить обстановку: уж слишком легкомысленно я вёл себя пока, и не исключалось, что мне просто везло, а масштабы суматохи – поднявшейся по моей вине – достаточны для вполне осознанных и серьёзных действий; я немного знал методику сыскной работы: и сегодня же решил выяснить, не нахожусь ли я на самом деле под «колпаком»: тогда вся работа теряла смысл и только ставила под удар чужих посторонних людей, масштабы же опасности для меня самого вырастали десятикратно.

Я понял, чем мне следует заняться: надо было попутешествовать по городу, меняя маршруты и направления движения, непременно с использованием транспорта: приставленный соглядатай рано или поздно обнаружил бы себя, и если бы даже он передвигался на машине, то уж в метро-то подобная экипировка не играла никакой роли. Сначала я ре-

шил опробовать автобус: по пути к дому У. я запомнил остановку, и не спеша двинулся в том направлении. Это не могло возбудить возможного шпика: я просто возвращался той же дорогой, по которой попал сюда, а расслабленная походка подтверждала спокойствие и усталость. Боковым зрением я изучал обстановку справа и слева: здесь уже было достаточнолюдно, и «хвост» вполне мог заgrimироваться под взрослого мужчину или даже женщину: сразу несколько человек шли за мной по улице, представляя невнятную потенциальную угрозу.

На автобусной остановке находилось человек восемь: и шпик мог оказаться и среди мирно ждавших местных жителей. Не спеша я водил взглядом по окрестным домам, анализируя ситуацию: ещё две женщины и мужчина задержались невдалеке, и уже в нетерпении я стал ждать автобус.

Здесь останавливался лишь один маршрут, и повода для задержки я не имел никакого; в подкативший полупустой «икарус» я забрался через заднюю дверь. Тут же я и встал: весь автобус находился под моим наблюдением, и интерес к моей персоне выявился бы значительно проще. Мы двигались по широкому проспекту: легковые машины догоняли и обгоняли нас, и в одной из них вполне могла находиться погоня, пока скрытая и неявная. Я решил достичь ближайшей станции метро: уж там бы машина потеряла очевидное преимущество. Аккуратно и осторожно я разглядывал салон, не задерживаясь слишком надолго ни на одном предмете: вро-

де бы никто не заглядывался в мою сторону, и пока я мог не беспокоиться.

Неожиданно я похолодел от испуга: опустив взгляд чуть ниже обычного, я заметил глаза: пристально и даже странно женщина – из вошедших со мной в автобус – глядела прямо на меня, открыто и беспардонно. Слишком уж явно она выдавала себя: из осторожности я отвлёкся от немой перестрелки, испытал сразу облегчение; здесь – скованная толпой – она не смогла бы ничего сделать. Спасение следовало искать в метро: я надеялся, что на остановке под прикрытием толкучки мне удастся ускользнуть от преследования.

Почти так мне и удалось сделать: я затесался в середину шумной толпы, высыпавшей у ближайшей станции, и оглядываясь на женщину – разумеется, оказавшуюся рядом – попытался проскочить раньше всех. Я протискивался между спинами и даже отдал кому-то ноги: главное было успеть на поезд раньше преследовательницы, всё отстававшей и терявшейся где-то в хвосте; спустившись по эскалатору я обернулся: на самом верху мелькало её зелёное платье, и специально я проследил – успеет ли она заскочить в двери моего поезда? но с облегчением я увидел, что она осталась снаружи: мне удалось оторваться и уйти – теперь уже окончательно – от «хвоста», так бездарно и глупо организованного: на первом же повороте я далеко вырвался вперёд.

Однако радовался я недолго: после третьей остановки я снова обнаружил повышенный интерес к своей персоне: те-

перь на меня посверкивал глазками невзрачный мужичонка, как раз годившийся для подобной работы. Он пристроился у соседней двери и как бы нехотя приоткрывал и снова захлопывал глаза: вроде бы он не присутствовал здесь, и всего лишь ехал рядом; однако столкнувшись со мной взглядом он сразу отвёл его в сторону. Положение выглядело серьёзнее, чем я представлял себе: значит, охота пошла уже настоящая, с применением сразу нескольких агентов? Мне стало интересно: а нет ли ещё кого-то, и тщательно и аккуратно я стал рассматривать остальных попутчиков. По всем признакам, однако, вряд ли кто-то был нацелен на выполнение щекотливой и тонкой миссии: никто так и не проявил заинтересованности: шпик находился в одиночестве, и он явно уступал мне в силе. Хотя он мог обладать пейджером или радиотелефоном: тогда погоня имела шансы на успех, и я оказывался слаб и почти беззащитен.

Мы двигались дальше, и постепенно я стал чувствовать злость и ненависть: почему кто-то имел право вставлять мне палки в колёса и вредить в деле, основанном на чистой почти благородной цели? Я вполне мог отважиться на ответные шаги, и тогда уж стало бы очевидно: а чего стоят угрозы и предостережения, так щедро рассыпаемые передо мной в последние дни. Вполне допустимой мне казалась охота на шпика: имело смысл потрясти его и прояснить ситуацию: насколько всё реально и тревожно в действительности. Мы подъезжали к последней станции на линии: уж здесь-то ему,

как и мне, пришлось бы выйти и либо вылезать на поверхность, либо пересаживаться на встречный поезд. Но окраина города вполне подходила для замысла, и я наконец решился перейти в контрнаступление.

Я не слишком спешил: вагон остановился недалеко от эскалатора, и уже поднимаясь на поверхность я убедился в правильности подхода: шпик стоял на десяток ступеней ниже. Он изображал полное равнодушие и даже как бы лёгкое опьянение: слегка покачиваясь он двигался на улицу – к свету и теплу, не подозревая о печальной судьбе, ожидающей его. Я добрался до верха: направо находился кратчайший путь на улицу, но я свернул налево: там было почти безлюдно. Выход на поверхность находился вдалеке, но по пути к теплу и свету имелось дополнительное ответвление, изгибаясь и теряясь в темноте; я быстро свернул, ощущая преследователя за спиной: в месте изгиба – невидимый ему – я остановился и приготовился, почти слившись со стеной. Я слышал близкие шаги: слишком уж нагло и беспечно он держал себя; с таким не стоило церемониться: я выскочил из темноты и схватил его за грудки, прижав к стене и сдавливая горло; но сопротивления он почти не оказал: он всего раз дёрнулся и сразу сник. – «Тебя кто послал?» – Я хорошенько потряхнул его. – «Ой, кто вы?» – «Ты тут дурачка из себя не строй: а ну живо выкладывай!» – Для убедительности я ещё сильнее сдавил ворот. – «Ой, мамочки! А я думал: ты племянник. А ты совсем не тот. Вон и голос какой-то... совсем

другой!» – Я ослабил хватку. – «Племянник, говоришь?» – «Ага, совершенно верно: сын сестры, с юга. Давно ведь обещался, а тут гляжу: он и есть. То есть: очень похож.» – «А документы есть?» – «Есть, есть; извини, парень, если что не то подумал!» – Я отпустил его ворот, придерживая только за руку; другую руку он сунул за пазуху, выуживая сразу несколько книжечек: самой крупной из них оказался паспорт, который я быстро перелистнул, просмотрев также остальное: служебное удостоверение, карточку рыбакова-спортсмена и нечто ещё, не слишком разборчивое и внятное. Похоже было, что мужичок не врал: видимо, я сам загнал себя, пережив небольшой приступ мании преследования, почти внушённой событиями последних дней. Значит, и женщина – принятая также за посланника враждебной силы – имела в виду совершенно иное, не связанное с вознёй, поднятой вокруг дорогого для меня имени? Судя по всему, я переусердствовал в логических построениях, и никто на самом деле не собирался устраивать облавы, а угрозы – пускай и внушительные – были сродни многочисленным намёкам, посулам и предостережениям, с которыми мне приходилось сталкиваться на основной работе. Я отдал документы и отступил на шаг. – «Извини, друг: я принял тебя за другого.» – «Да разве я не понимаю? Я всё понимаю.» – Он подмигнул. – «Братишки тоже достают?» – «Да.» – Я не стал вдаваться в подробности, не слишком в действительности внятные и различимые; к счастью я ошибался, и напряжение, доведённое до крайности,

наконец схлынуло и прорвалось. Мне захотелось на воздух, к теплу и свету; я хлопнул мужичка по плечу, ещё раз извинившись, и быстро пошёл по туннелю.

Никогда ещё мне не приходилось бывать здесь, и выбравшись на поверхность я двинулся в случайном направлении. Высотные дома сдерживали порывы ветра, выбивавшего у меня слезинки; здесь меня никто не знал, и я мог позволить себе некоторые вольности: я побежал вниз по склону, пробуждая к активности бродячих собак: выскочившая пара мохнатых шавок долго сопровождала меня лаем, пока я не ощутил усталость и не остановился. Я обернулся, и они сразу отстали: слишком далеко они, видимо, вышли за пределы собственной территории. Сразу же я огляделся: невдалеке находился, судя по всему, один из центров местной цивилизации: ближе всего были аптека, мелкие магазинчики и различные службы, потом шёл целый блок мелких заведений, и вдали белел универсам. Я сам ещё не знал, что мне может понадобиться: спустившись до перекрёстка я стал обследовать местные достопримечательности, не такие уж и безрадостные. Через три магазинчика я обнаружил наконец то, что мне сейчас подходило: местный бар почти пустовал – что абсолютно устраивало – зато выбор напитков мог обрадовать тонких гурманов и ценителей; я устроился в глухом углу и заказал коньяк: в наибольшей степени меня устраивало такое отдохновение, нечасто организуемое и способное развеять страхи и сомнения, накопившиеся за последние дни;

уже больше я не был горячим поклонником кумира поколения, и в большей степени злость поддерживала меня сейчас в неравном напрасном поединке, почти без надежды на успех. Полученные удары больно отдавались в душе, и коньяк в наибольшей степени годился для их смягчения и залечивания ран и кровоподтёков, невидимых снаружи, но явно различимых мне самому: вслед за третьей рюмкой я заказал ещё парочку, на этот раз с пирожками для закуски: мне предстояло ещё добираться до дома почти через весь город.

Наступили уже сумерки, когда наконец – после долгих блужданий и мытарств, не закончившихся одним только баром на окраине города – я возвращался в квартиру. Лёгкий туман выступал из земли, и я плыл по неплотному сумеречному морю, избавляясь от излишков алкоголя; я двигался с некоторым напряжением и обрадовался, увидев родной дом: сейчас он должен был избавить меня от волнений и тревог и дать отдых, необходимый и заслуженный слишком даже успешным ходом расследования. Почти успокоенный я добрался до подъезда; но неожиданно меня крепко схватили под руки и потащили куда-то в сторону. Сквозь муть и сумрак я обнаружил серые силуэты – два по бокам и один впереди: они молча волокли меня к глухому лесочку, и – несмотря на явную опасность – я даже не мог крикнуть: наступило затмение, сквозь которое я различал хмурые серые морды, то подступавшие совсем близко, что-то крича и

внушая, то удалявшиеся на периферию и оттуда сверкавшие прозрачными глазищами; меня потрянули, и тогда только я стал различать смысл слов. – «Тебе, падла, что было сказано? Или ты по-русски не понимаешь, и объяснять требуется ещё проще? так мы объясним, очень даже доступно и понятно.» – Меня двинули в живот, и я снова перестал различать смысл выплёвываемых слов, сложившись и ощущая спиной удары – хлёсткие и смачные; они топтались и перекидывали меня с правого бока на левый, доставая иногда и в грудь и даже попадая по голове; очень сильным ударом по почкам мне выключили наконец сознание, и больше я уже ничего не видел и не ощущал.

Я очнулся от холода и рычания: случайная собака давилась слюной и ненавистью, подпрыгивая совсем близко; я приподнялся, и она сразу отскочила: уже издали она стала лаять и огрызаться, но не до того было мне теперь: я ощупывал голову, грудь и спину, в наибольшей степени пострадавшие при избиении. Не так долго, судя по всему, я провалялся на холодной земле: серьёзного недомогания я не чувствовал и даже не получил насморка; мерзавцы давно закончили работу и растворились в темноте: их задачей – скорее всего – было просто напугать меня, не причинив особого ущерба. Иначе – без сомнения – они могли и покалечить и даже убить. Я сразу вспомнил о предостережениях наиболее могущественного противника: они начали воплощаться в реальность, и недавнее расслабление выглядело глупостью и наив-

ностью: какими-то путями он проследил-таки за мной и подтвердил серьёзность угрозы. Шутки отошли в сторону, и следовало позаботиться о безопасности: я собирался и дальше жить в городе и заниматься любимой работой, что требовало соблюдения некоторых условий: влияние недругов могло перекрыть многие возможности, и даже за нынешнюю должность возникали опасения и тревоги. Подобрал сумку я двинулся к дому; прежде всего требовалось определить точный размер потерь и заручиться поддержкой главного редактора: только он смог бы оказать мне посильную помощь. Поднявшись на лифте я открыл дверь в квартиру; сразу затрезвонил телефон. Ещё не окончательно я пришёл в себя, чтобы оценивать обстановку адекватно: я просто подошёл и снял трубку, и сквозь муть, боль и вязкий сумрак разобрал мерзкий хохот: он то затухал и опадал, то приближался и разбухал, и наконец резко прервался. – «Тебе всё ясно?» – Я узнал интонацию и голос: маски были сброшены, и война – ранее подпольная и невидимая – объявлялась уже официально и открыто: ещё одно предупреждение делалось могущественным и грозным противником, и нельзя больше было игнорировать столь заметной угрозы и опасности: в следующий раз вряд ли мог отделаться синяками и ссадинами.

Противник уже бросил трубку, и я сделал то же; требовалось привести себя в порядок, изучив и обезопасив повреждения и ушибы. Я разделся и зашёл в ванную, осматривая и ощупывая себя со всех сторон. На затылке горел прилич-

ный синяк, мелкими ссадинами были усыпаны грудь, спина и ноги – в особенности выше колена – и наибольшую тревогу вызывал кровоподтёк, обнаруженный в нижней части спины. Там горел след завершающего удара, и именно он мог иметь наихудшие последствия: при нажатии боль отдавалась в глубине тела, и могли быть задеты и внутренние органы.

Я смазал ссадины и повреждения; теперь следовало обратиться за официальной помощью: я всё ещё надеялся на главного редактора, обладавшего некоторым влиянием, пускай и не столь сильным по сравнению с А. Пока было не слишком поздно: я узнал слегка гнусавый голос, и без раздумий ринулся в бой. – «Извините, Юрий Михайлович, за поздний звонок: мне нужна ваша помощь.» – Что-то шлохнулось на том конце, но шеф не спешил с ответом. – «Я попал в мерзкую ситуацию: и на меня даже устроили покушение.» – Он всё ещё молчал. – «Вы мне не верите?» – «Почему же? Охотно. Только я ведь предупреждал.» – Изменившийся тон не понравился мне. – «А ты что же: когда начинал – не знал, куда лезешь? Ты своё любопытство удовлетворить хотел, а на остальных – плевать? А то, что мне тут звонили – да-да! – как раз по твоей милости, и сам понимаешь откуда, и после подобных звонков – ты знаешь, что случается?!» – «Что?» – «Инфаркты! Или случайные выпадения из окна! А что касается тебя лично: с завтрашнего, нет – сегодняшнего! – дня ты уволен!» – Он с шумом бросил трубку, и я остался в тишине и одиночестве, и в полной прострации, пришед-

шей почти сразу и заполнившей пространство вокруг тягучей вязкой субстанцией; я застыл на диване, как глыба твёрдого прозрачного льда, переживавшего не самые приятные метаморфозы: под лучами яркого светила она плавилась и испарялась, растекаясь вширь и теряя очертания, пока процесс не зашёл совсем уж далеко, и вода потекла ручейками во все стороны света.

Не знаю точно: сколько времени я просидел скрючившись и уставившись в одну точку; всё так же темно было за окном и так же пусто и мерзко на душе: душевная боль прошла, и ныло только тело, покрытое ушибами и ссадинами. Я ещё не проникся окончательно последним известием: неужели он соглашался так легко и просто предать меня, зачеркнув из памяти и жизни несколько лет так удачно начинавшейся совместной работы? Значит ему грозили по-настоящему: на пустом месте он не стал бы создавать напрасных ненужных препятствий, и тогда заявление о моём увольнении становилось почти решённым делом.

Мне было нечего терять, и проснувшись на следующее утро, я сразу же попробовал дозвониться Юрию Михайловичу: уже на работу. Меня долго не соединяли: кто-то незнакомый просил ждать, пока наконец секретарша шефа не отфутболила напрямую, заговорив в оскорбительной грубой тональности. Я сразу понял: меня действительно уволили; тогда я решил плюнуть на всё и на всех: слишком уж далеко я забрался в своём деле, и очередной шаг – один из заверша-

ющих – не мог ничего изменить или исправить. Я позвонил на киностудию, где когда-то снимался Р.: там должен был работать режиссёр, сотрудничавший с ним когда-то и ещё до сих пор не отошедший от дел. Довольно долго меня не могли понять: либо там плохо расслышали фамилию, либо сознательно водили за нос, однако в конце концов я настоял на своём и получил требуемое. Мне выдали номер комнаты и местный телефон, по которому вероятнее всего я мог застать нужного человека, хотя – как напоследок шепнули в трубку: «он только числится в штате». Значит, он давно ничего не снимает? На этот вопрос мне ответили не слишком вразумительно, после чего выяснилось: когда проще всего перехватить режиссёра. Оказалось, что отпрапляться надо сейчас же: в районе полудня чаще всего он появляется на рабочем месте. Я поблагодарил и тут же собрался: мне было безразлично отношение кого бы то ни было к моему занятию, и я двигался чисто по инерции, набранной в прошедшие дни и так и не потерянной после вчерашнего происшествия.

В очередной раз мне повезло: по местному телефону на проходной мне ответили и тут же согласились на встречу – пусть и не вполне охотно. Я получил временный пропуск и выяснил местонахождение комнаты: что оказалось совсем рядом – за ближайшим поворотом направо. Комната не имела особых опознавательных знаков: кроме таблички с номером – записанным сегодня утром – я увидел только афишку, прилепленную в самом верху; имени же режиссёра поче-

му-то нигде не было. Церемониться я не стал: просто толкнув дверь я оказался в маленьком кабинетике, заставленном шкафами и заваленном тюками с непонятными предметами, и далеко не сразу мне удалось разглядеть щуплую фигурку, разместившуюся в кресле в дальнем углу.

Маленький сухонький старичок скорбно взирал снизу вверх круглыми немигающими глазками, выдерживая паузу и ожидая первой реакции; я не сообщал пока о цели прихода, и он даже не имел понятия, кто я такой и что мне надо. Наконец он моргнул, и тогда я сразу расслабился. – «Это я договаривался о встрече. Вы Юрий Давыдович?» – Он кивнул. – «Тогда я к вам: насчёт Р.» – Он задумался. – «Р.? А при чём тут Р.?» – Он заметно передёрнулся. – «Когда мы договаривались о встрече: я предполагал, что речь пойдёт о моей работе.» – Я виновато потупился. – «А разве не так? В том числе и о ней: в той части, где она связана с актёром и его ролями.» – Он откинулся на спину и пристально посмотрел на меня. – «Да разве можно сравнивать несравнимое! Ведь те рольки-то и яйца выеденного не стоят – по сравнению со всем остальным!» – «Что вы называете остальным?» – «Да фильмы: все те фильмы, которым я отдал жизнь – без остатка, а что получил теперь взамен?» – «И что же?» – «А ничего не получил! Ни-че-го! Так и запишите себе: если журналист. Вы ведь журналист?» – Он заметно напрягся. – «Да.» – «Так и запишите. И усвойте себе: в кино главный – режиссёр, а остальное – материал и сырая глина!» – Я часто закивал,

как бы соглашаясь с ним; однако старческое брюзжание было не слишком интересно: мне требовалась правда – полная и окончательная, какой бы жестокой или беспощадной она не выглядела: уже простившись с благоговением и почтительностью я разгребал последние завалы и откапывал немногие оставшиеся тайники, чьё содержимое обязано было дополнить мозаику, заняв пробелы и лакуны.

После резкого выпада он успокоился и сидел свободнее и расслабленнее: некоторое моё сочувствие он принял благосклонно и теперь выжидал следующей реакции. Я начал осознать ситуацию: оставленный без работы и всего, к чему привык, режиссёр жаловался на нечестность судьбы, выкинувшей его на обочину жизни, где он – в прошлом преуспевавший и знаменитый – вынуждено прозябал, подбирая жалкие крохи и перебиваясь случайными подачками; мой визит мог только раздражить его и вызвать бурю: бурю негодования и боли, палящей ненависти и неутихающей ни на секунду злобы, к чему мне и следовало готовиться. Хотя и это было мне уже безразлично.

«А как сейчас ваши дела?» – Лучше бы я не спрашивал: неожиданно он приподнялся с кресла, и я увидел перекошенное лицо совсем рядом, и в самый последний момент мне удалось перехватить его руки, которыми он собирался схватить меня за куртку. – «Мои дела?! Да какие у меня могут быть дела? Дела – это у банкиров дела: по покупке заводов, например, или их распродаже; я же занимаюсь делиш-

ками.» – Он вдруг хихикнул и так же резко вернулся в кресло. – «Вы со мной согласны? Вот распиливают они – на пару с кем-нибудь, например – некое предприятие – неважно какое, заводик там или магазин – и пока пила туда-сюда ходит, то некоторых – случайно подвернувшихся – вжик на две части-то; а как же вы хотите: без жертв ни-ни, без них ни одно *дело* не обходится. И нельзя сказать, кстати, что жертвы-то всё мелкие и ничтожные: среди них и такие попадаются, что и поважнее пильщиков: в конечном итоге. И пока его – таракана этакого – на части раздирают – он ведь тоже муки испытывает.» – Он расслабился и опустил голову, и я понял его: он рассказывал о собственных лишениях и трудностях, наверняка многочисленных и тяжких, в надежде на сочувствие и поддержку; только мне нечего было предложить ему: я и сам теперь оказывался слаб и беззащитен, и неизвестно ещё, чьё положение выглядело неприятнее: он по крайней мере *числился* на работе, мне же следовало теперь найти её, и я вряд ли мог рассчитывать на чью бы то ни было помощь и поддержку.

«И давно у вас такая ситуация?» – Он всколыхнулся. – «Пять лет. И знаете: когда вы позвонили, то я подумал: вот и вспомнили старика, не забыли ещё окончательно. Так что разочаровали вы меня.» – Он заметно надулся. – «И ради чего вы сюда пришли: ради этого надутого актёришки, который только и умел пускать пыль в глаза и крутить головы вертихвосткам?» – «Он много что умел.» – «Ага, понимает-

ся! Жрать водку – или же коньяк, орать потом песни – разумеется, в компании таких же охламонов и бездельников. Что же касается ролей: он был просто халтурщиком!» – Режиссёр выплюнул это почти с гордостью, слившейся со злобой и отчаянием: независимо от того – насколько он говорил правду – сейчас ведь не его возносили на высочайший пьедестал, откуда он мог бы снисходительно озирать окружающую местность, наполненную тоской и слабостью; его же ждала иная участь, с которой он никак не соглашался примириться и отчаянно огрызался теперь, показывая всего лишь жалкие остатки былой силы и могущества.

«Но всё-таки нельзя же отрицать, что он оставил след в искусстве: и яркий след.» – «Ну вы даёте! Как вы – профан в нашем деле – смеете утверждать подобные нелепости? Да если взять любой мой фильм – я за них по крайней мере ручаюсь – то в каждом найдутся работы: куда сильнее и значительнее! Но ведь почему-то вот никто не вспоминает о их создателях – да гори они все ясным пламенем! – а вокруг Р. такая суета и шумиха. А вам не кажется, что тут дело нечисто?» – Он хитро сощурился и даже почти улыбнулся. – «Да дело-то в том, что это *кому-то надо*: он кому-то очень *нужен*, именно такой, каким его представляют некие деятели. И все, кто занимается тем же: льют воду на ту же мельницу.» – Уверенный в правоте он пронзительно смотрел в мою сторону, однако я не реагировал на очевидную провокацию: мне не хотелось убеждать его – как и кого-то ещё – в своей

невинности или чистоте намерений: я больше не собирался участвовать в тяжёлой нелепой борьбе, развернувшейся вокруг дорогого прежде имени, и я не стал реагировать на выпад.

«И мы не будем молчать: пускай все знают об этом! А я – как последний солдат умирающего искусства – именно так! – даже когда мой “Варяг» почти полностью уйдёт под воду – да-да! – даже тогда буду кричать во весь голос, в слабой надежде, что меня услышат: это всё жульничество и обман!» – В запале он привстал с кресла, и я больше не смог выдержать: я поднялся и толкнул дверь, повернувшуюся тяжело и неохотно. В удивлении он замолчал, моргая часто и растерянно, и как бы даже бросился в мою сторону, пытаясь удержать: я быстро простился и исчез, оставив его в одиночестве извергать проклятия и угрозы, наверняка никому больше не страшные и не могущие ни на что оказать влияние; он подтверждал уже известное, не добавляя однако ничего нового и содержательного: но теперь уже я не рвался к истине и не жаждал правды, столь горестной и неудобной: она была почти вся перед глазами – жалкая, нищая и убогая – но мне не хотелось добираться до самых последних глубин: я догадывался, что ждёт там, и такое знание было противно и омерзительно.

По дороге домой мне становилось лучше и спокойнее: почти до конца исполнил я свой долг, оказавшийся столь тягостным и вызвавший последствия, с которыми предстоя-

ло ещё разбираться; почти наверняка мой визит не остался незамеченным, и можно было ждать ответной реакции. Я надеялся, что противники не пойдут дальше и остановятся: совершенно не хотелось больше попадать под удар – бьющий прицельно и болезненно – всего лишь за желание правды, не прикрытой от всех плотной непроницаемой завесой. Их содействие уже не требовалось: я сам с радостью отдал бы обнаруженное, вот только вряд ли они захотели бы приобщить находки к общему хранилищу: они взрывали фундамент их авторитета и благополучия, созданный такими трудами, так что стоило серьёзно подумать – а что делать с ними дальше? И уж наверняка моя помощь не могла вызвать восторга и восхищения: после состоявшихся стычек и бесед, стоивших и мне, и остальным слишком много сил и нервов.

Было ещё светло, и я не так боялся нападения: это уже выглядело бы слишком нагло и открыто. Я спокойно добрался до квартиры и забаррикадировался: сегодня уже я не собирался никуда выходить: бессмысленность того, чем я занимался последние дни, наконец подействовала, повлияв – вместе с обнаруженными результатами – на желание, так сочно и подробно выплеснутое ещё вчера: высказав его так явно я нанёс по нему – сам не ожидая – небывалой силы удар; оно никло и слабело, подтачивалось всеми трудностями и препятствиями, чьим преодолением мне пришлось заниматься. Мне не хотелось больше барахтаться в вязкой жиже, обнажившейся там, где я рассчитывал найти совсем иное – скоп-

ление мудрости и красоты, снабжённой также многочисленными талантами. Перебирая детали и подробности я тихо сидел за столом на кухне: скоро должен был вскипеть чай, и тогда предстояло решить – а что делать дальше? Я приготовил чашку: оставалось совсем чуть-чуть, и тут зазвонил телефон, обрывая мысли и желания. Я догадывался, кто это: наглый тип не мог не отреагировать на последний визит, но теперь уже я был тих и спокоен. – «Да: я вас слушаю.» – «Ты как: намёки понимаешь? Или чтобы ты угомонился, нужны более серьёзные средства?» – «Всё: я выхожу из игры.» – «Как-как? Ну-ка повтори.» – «Я больше не собираюсь ни с кем встречаться. И делать книгу тоже.» – Умиротворённо и вежливо говорил я сейчас, и он почувствовал перемену; он молчал, ожидая, возможно, чего-то ещё, но я не собирался продолжать. – «Простите: я занят.» – Положив трубку я выдернул штепсель из розетки, отсоединив телефон от сети: ни к чему мне были сейчас собеседники, от общения с которыми я успел устать за прошедшие дни. Чай как раз вскипел, и я заварил покрепче, сразу же приступив к делу: с антресолей я достал оцинкованный таз – так казалось безопаснее – и положил его посередине кухни. Сначала я принёс архив: старые газетные и журнальные статьи легко воспламенялись и горели, унося с дымом память о былом, разбавленную откровенной ложью и мелкими подтасовками мелких людишек, сварганивших их непонятно зачем и почему: ложь не могла пойти им – почти всем! – на пользу, а правды они боялись или не

хотели знать её, ослеплённые и обманутые теми, кто определял их судьбу и решал за них – а что же им делать и как жить; да они и сами не жаждали правды: так казалось легче и проще – выполнять чужие приказы и указания – потому что потом следовало главное: награждение отличившихся и наказание тех, кто посмел не согласиться и пошёл своей дорогой; всё это становилось теперь дымом и пеплом, подводя промежуточный итог моей жизни: я ведь справился и дошёл до последних глубин, и не моя вина, что пришлось отступить – я ведь не сдался на милость победителя и не продался – а сколько человек устояли бы на моём месте и выдержали бы до конца? и самое главное – избавился от жажды и непонятного желания: оно не точило больше, расплзаясь болезненным наростом и мешая жить и работать дальше. Я был теперь спокоен и сосредоточен: достаточно свободно я смог бы найти работу в независимой – разумеется, весьма относительно – прессе: вряд ли преследование было бы продолжено – для него пропали основания – и я не исключал даже благоприятнейшего выхода: возвращения на прежнюю работу.

Перемешивая пепел с новой пищей для огня – листьями с собственными записями – я вспоминал о встречах, чьи следы испарялись вместе с бумагой: наверняка они скоро забудутся, затянувшись, как затягиваются ряской окна в болоте: взбаламученные лягушки и пиявки ещё подёргаются, посмотрят по сторонам в недоумении – а что же нас так расшевелило и взволновало? – но явно ненадолго хватит воз-

никшего интереса; жизнь быстро вернёт их к прежнему состоянию, и совсем незачем тогда любые напоминания о том неожиданном и непредвиденном событии. Я хорошо размешивал быстро прогоравшую бумагу; всего несколько минут оказалось достаточно, чтобы исчезли результаты моих собственных поисков, и тогда я достал последнюю пачку: тетради и дневники былого кумира моей молодости.

Я начал с тетрадей – сгоравших одна за другой легко и свободно: они медленно начинали, а потом вспыхивали и разгорались, восставая ярким факелом, чтобы почти сразу затихнуть и скоро погаснуть, уступив место следующей порции; дневники я разодрал – они были в несколько раз объёмистее и состояли из бумаги грубее и толще: огонь справлялся с ними медленнее, и копоти и дыма от них явно получалось больше; никак не желали они, видимо, разделять общую судьбу, оставаясь последним убежищем фактов и свидетельством о яркой самобытной личности; я скормил огню уже все запасы и перемешивал остатки, непрогоревшие окончательно. Теперь я стал неопасен для вершителей истории и судеб: вещественные свидетели навечно замолкли, унесясь с дымом, а память – что она могла дать кроме слабых следов и отпечатков, полуслепых и недостоверных; при большом желании любого из свидетелей можно было заставить говорить только нужное, я же не хотел иметь с ними ничего общего: я не являлся реальным свидетелем фактов двадцатилетней давности, и кучка пепла – невоплощённый замысел – имела

смысл и значение только для меня одного. Можно было даже устроить похороны: развеять прах по ветру или сбросить в реку, воды которой разнесли бы его дальше по местам, знавшим Р. и любившим его. И вполне возможно, что он был бы за: любитель розыгрышей и вина, гроза всех женщин, пьяница и подлец, герой и кумир поколения.

1995–1998